Вторая часть[1432]

I

Маленькое владение, когда-то царство с царьками и царицами, Бертпур знаменито лишь своими Семирамидиными садами, своим Дигом. Раджа его чрезвычайно гордится своею независимостью пред менее счастливыми братьями, раджами других владений Раджпутаны, забывая, что он обязан своею независимостью, собственно, совершенно замкнутому географическому положению своей территории. В Бертпуре нет ни резидента, ни даже какого-либо чиновника британского по той простой причине, что сдавленный, словно в тисках, между Агрой, Джейпуром и Альвуром[1433] этот штатик походит на пленника, окруженного замкнутым рядом солдат и поэтому освобожденного от лишнего часового, которому оставалось бы поместиться на плечах или голове узника. Невзирая на такое положение, население, то есть высшие классы (кшатрии, каста воинов), коих числом более, нежели низших, с гордостью, достойною испанских гидальго, презирают махратов и даже раджпутов, которых теперь перестали бояться. Разоренные дотла англичанами, они довольствуются малым и живут в своем «Царстве павлинов» (названном так потому, что на одной долине Бхаратской насчитывают до 6000 священных павлинов) беззаботно и даже счастливо. Народ деятельный и когда-то воинственный, они с 1826 года, когда лорд Лэк разорил их столицу, взяв ее приступом, погрузились гуртом в состояние какой-то спячки и буквально проводят всю жизнь в религиозных празднествах и жертвоприношениях богам. Бертпур – гнездо бардов и священного песнопения, в котором прославляются с утра до ночи доблестные подвиги богов и смертных. Поэтому из семисот тысяч жителей на пространстве каких-нибудь 77 миль в длину и 50 в ширину четыреста тысяч *браминствуют*, ровно ничего не делая, а триста тысяч проводят всю жизнь, таская воду из озер Диг и разнося оную на плечах для орошения 1978 квадратных миль. Кроме этих озер, занимающих всего несколько верст, во всем владении не имеется ни капли воды.

Раджа и 99% общего числа жителей – джаты. Это племя, когда-то составлявшее огромное большинство населения Раджистана, – «аборигены палящих равнин», расстилающихся вдоль Индуса и его притоков. Тод уверяет и доказывает[1434], по-своему, будто джаты одного рода и племени с гетами[1435], массагетами[1436] и ютами[1437] Ютландии, а вследствие этого также с англо-саксонскими покорителями Англии. Он находит даже между белоголовым ютландцем, его рыжим кузеном Джон-Буллем и черным, как пиковый туз, джатом «весьма сильное фамильное сходство»

[1432] В 1883 году было начато печатание второй части этих писем. По обстоятельствам, не зависевшим ни от автора, ни от редакции, продолжение их не последовало и печатание приостановилось на двух листах. Получив продолжение писем, мы возобновляем печатание, но не в особом непрерывном приложении, а отдельными статьями, которые впоследствии и составят в совокупности вторую часть сочинения: *Из пещер и дебрей Индостана.* Первое письмо, прерванное на полуслове, перепечатывается для связи вполне*. – *Примечание редакции журнала «Русский вестник» (1885, №11).*

* Начало второй части (1885, №11, с. 270–299) ранее печаталось в «Русском вестнике» за 1883 год (№8, Приложение).

[1433] Алвар (*англ.* Alwar).

[1434] См.: *Journal Asiatique*, май, 1827. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Tod J.* De l'Origine asiatique de quelques-unes des anciennes Tribus de l'Europe établies sur les rivages de la mer Baltique, surtout les Su, Suedi, Suiones, Asi, Yeuts, Juts ou Gètes-Goths, etc., etc. // Journal Asiatique, 1827, T. X. P. 277–309 (*Тод Дж.* Об азиатском происхождении некоторых древних племен Европы, проживавших на берегах Балтийского моря, таких как су, шведы, суйоны, асы, йуты, юты или геты-готы и др. // Journal Asiatique, 1827, т. X. С. 277–309).

Цит. по: Bhurtpore // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 115.

[1435] Геты – древний воинственный фракийский народ, живший во времена Геродота между Балканами и Дунаем.

[1436] Массагеты – имя, используемое античными авторами для обозначения ираноязычного кочевого народа, обитавшего на территории Скифии. Геродот, ссылаясь на современников, писал, что, по мнению некоторых из них, массагеты – это скифское племя.

[1437] Юты – древнегерманское племя, населявшее в начале нашей эры названный в честь него полуостров Ютландия и части побережья Северной Фризии, состоящего из материковой части современной Дании и регионов Южный Шлезвиг и Северная Фрисландия современной Германии.

в нижней части челюсти (sic) и вероятно в ушах. Мудреного тут ничего нет. Под деспотическим распоряжением гг. филологов, этнологов и антропологов нашей бедной матушке природе остается лишь молчать.

Одно верно: джаты – один из древнейших народов Индии, и хотя и «аборигены» для пришедших позднее их раджпутов, но не аборигены, а также пришельцы для настоящих аборигенов, племен, рассеянных теперь по всей Индии, скрывающихся в неприступных горных ущельях, в лесах и джонглях. Их предания, как и сама история, или, вернее, те истрепанные в клочки страницы, что̀ у нас ходят теперь под именем истории, указывают на джатов как на племя, передовые колонии коего пришли в Индию из-за Гималая, вероятно из-за Оксуса (ныне Аму-Дарья) еще до времен Кира. В IV веке история застает Джатское царство в Пенджабе, но не указывает на эпоху его основания и не дает никаких сведений о первом появлении джатов. Тод желает также доказать[1438] их тождество с *азиями*[1439] Оксуса – племенем, низвергнувшим греческую империю в Бактриане[1440]. Эти-де *азии* и есть родовое племя, ветвь коего, ворвавшись в Северную Европу, поселилась, между прочим, и в Ютландии. Из всех племен, живущих ныне в Индии, которым желают навязать в прародители скифов, джаты самое подходящее к гипотезе. Наружность скифов, как мы находим ее описанною Геродотом, резко отпечатлелась на них. Приземистые, плотные, волосатые, с сильно развитыми мускулами, джаты столько же подходят к этому описанию, сколько высокие, стройные раджпуты и бхилли отходят от оного. Достаточно взглянуть на чисто греческие профили раджпутов, чтоб убедиться в невозможности производить скифов от них. Это так же нелепо, как сваливать в общую «скифскую яму» и пенджабских сикков, колоссов с орлиными носами и чисто европейским типом лица, только потому, что до обращения их в монотеизм они приносили в жертву лошадей. Сикки и раджпуты, по общему мнению писателей-ориенталистов, один из красивейших типов рода человеческого.

Огромная часть Раджистана перемешала в себе теперь под «благодетельным правлением Англии» (стереотипное выражение) чистых раджпутов и джатов, и их такуры и земиндары пользуются одинаковыми правами или, что̀ быть может будет вернее, одинаково не пользуются никакими правами, кроме прав обыкновенного помещика и хозяина в собственных поместьях. Но между такурами раджпутской и джатской крови мнение народное, редко ошибающееся, вырыло непроходимую бездну. Такур-джат – феодальный барон, грабящий по ночам. Такур-раджпут – рыцарь, *un chevalier sans peur ni reproche*[1441] в полном смысле слова. Чтоб успокоить первых и тем доставить себе верных союзников, правительство хотя и воспретило дневные грабежи *de jure*[1442], но разрешило их *de facto*[1443], предоставив грабителям, как шейхам бедуинов в Палестине и Сирии, взимать контрибуцию с приезжих караванов и путешественников, якобы гарантируя последним полную безопасность от бхиллей. Но раджпутские такуры не приняли ни одной из предлагаемых им милостей. Владея и управляя почти самовластно горстью своих подданных, они почти не выезжают из пределов своих деревень и даже часто из за́мка. Гордые и неукротимые, поставленные теперь в невозможность воевать друг с другом, они, по-видимому, покорились своей участи, но знаются лишь с раджами, которым как вассалы они обязаны платить дань людьми и деньгами. С англичанами они не имеют почти никаких прямых сношений, а ведут дела, в случае надобности, чрез министров своего сюзерена, махараджи.

Как и всюду, покорители «высшей расы» явились тут Каинами в отношении к невинным Авелям. Перетасовали они Индию, словно колоду карт. Жаль смотреть на этот когда-то при раджпутских и даже при мусульманских царях процветавший угол Бхаратры[1444], ныне Бертпур, валяющийся в пыли вековых дворцов и храмов, словно обугленный кусок заплесневшего сухаря. Еще в начале настоящего столетия великолепные водопроводы из неиссякаемых Дигских озер

[1438] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 96–99.

[1439] Юэчжи (*кит.*), асии (у греков) – иранский народ в Центральной Азии (с I тыс. до н.э.).

[1440] Бактрия (*др.-греч.* Βακτριανή).

[1441] рыцарь без страха и упрека (*фр.*).

[1442] Де-ю́ре (*лат.*) – юридически, по (согласно) праву.

[1443] Де-фа́кто (*лат.*) – на деле, фактически, нечто действительное, но не закрепленное законом.

[1444] Бхарата (Бхарат) – название Индии, которое происходит от санскритского имени легендарного древнеиндийского царя Бхараты.

полосовали всю страну, и Бертпур считался одною из главных житниц Индии. Страна цвела и зеленела круглый год. Но вот в 1825 году явились войска ненасытной Ост-Индской компании под водительством лордов Лэка и Комбермира[1445]. Город построен на низменности, и вода огромного, теперь не существующего и заваленного озера *Моти-джиль* (Жемчужное озеро), находясь на более возвышенном уровне, могла по усмотрению и во всякое время быть выпускаема в фортификационные рвы и затоплять их, причем город становился неприступным. С 1805 года англичане четыре раза пытались взять Бертпур приступом, и каждый раз были отражаемы с огромною потерей. В продолжение двадцати лет были пущены в ход все военные хитрости, на которые столь горазды гуманные британцы, чтобы завладеть Павлиньим царством с его соляными озерами и промыслами, дающими около 170000 фунтов стерлингов годового дохода, но это удалось им лишь в 1826 году. По рассказам девана и особенно старого дядьки раджи, ответственность за погром города лежит на совести бога Кришны, патрона оного. Во время первой осады туземные солдаты, служившие в британских рядах, клялись, что видели Кришну над городом в воздухе, «одетого в желтое платье аскета и вооруженного своими специальными доспехами: луком, булавой, конхой и священною трубой»[1446], и вследствие этого разбежались. Но в 1826 году божество оплошало… Суеверие джатов можно сравнить разве только с суеверием дравидов Южной Индии; это какой-то волшебный, заколдованный мир. Провести несколько дней с джатами все равно, что день и ночь читать сказки… Что̀ ни шаг, то капище с особенною своею легендой, на первом плане которой выступают рыцари и боги с богинями, всегда играющими в них роли добрых и злых волшебниц, как в сказках Перро[1447], где добродетель всегда торжествует, а порок всегда бывает наказан…

– Видите эти разрушенные стены крепостей, вон там на валу, где растет это огромное дерево с золотистыми цветами? – спрашивает нас посланник девана.

Мы подъезжали к столице Бертпура, и пред нами возвышались горы мусора, развалины когда-то знаменитых укреплений, а за ними в грязной и душной котловине расстилался город, собрание полуразрушенных лачуг. На плоских террасах домов стояли безобразные идолы и меж ними важно расхаживали павлины, сверкая в лучах заходящего солнца стоглазыми хвостами.

– Вижу… Что̀ ж в этом дереве такого удивительного? – прищурился полковник.

– Теперь ничего, – отвечал, вздыхая, посланник. – Но эти желтые, как золото, цветы, эти бесчисленные грозди ароматных чашечек – все это слезы Кришны… Увидев, что англичане перерезали дорогу нашим инженерам к пруду и переходят городской ров, *дев* (бог) бросил в отчаянии булаву под ноги первому отряду, и на этом месте тотчас же выросло дерево. Затем на дерево закапали священные слезы, как частый дождь, и из каждой капли вырос цветок.

– Чем плакать, лучше бы богу было не плошать и тут же свернуть всему отряду шею, – покощунствовал сквозь зубы баб́у.

Южный раджпут, ехавший возле кареты верхом, только вскинул глазами на баб́у. В его черных как смоль глазах выражался немой упрек.

– Вы бенгалец и… вероятно, *настика*[1448]? – срезал он его.

– И да и нет, – отвечал баб́у, немного сконфуженный прямым вопросом, а еще более устремленным на него пристальным взглядом Нараяна, – я из Бенгалии, но принадлежу… или скорее *принадлежал* к секте чарвака, к лакаятикам[1449]. Но теперь, – поспешил он прибавить, – я теософ и готов верить во что̀ прикажет нам президент….

[1445] Стэпплтон Коттон (1-й виконт Комбермер, Combermere, 1773–1865) – британский военачальник, дипломат и политик.

[1446] Bhurtpore // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 117.

[1447] Шарль Перро (1628–1703) – французский поэт, критик, автор сборника «Сказки матушки Гусыни».

[1448] *Настика* – атеист. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1449] Учение чарвака основано на *сутре* (писании) Вархапастии и коротком катехизисе Чарваки, Эпикура Индии, известном под названием «Афоризмов Вархапастии»*. Последователи оных отвергают все *праманы* – источники истинного познания, признавая лишь *пратьякшу* (познание посредством одних чувств) и всего четыре *татвы* (*tattvas*, вечные принципы), то есть четыре стихии, из совокупности коих вытекает разум или, скорее, животный инстинкт, который только в человеке превращается в разум. Душа, учат они, не разнится от тела, развивается и умирает с ним. *Чарвака-сутра* – самая крайняя материалистическая школа Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Мы рассмеялись, стараясь обратить откровенное признание в шутку. По-видимому, оно произвело тяжелое впечатление на его религиозных товарищей. Они, вероятно, не знали до сих пор о принадлежности нашего ветреного бабу́ к этой столь презираемой прочими индусами секте. К счастью его, Такур отсутствовал. Усадив нас и отправив под охраной своих всадников, он сам, по обыкновению, куда-то исчез.

Бертпур построен на развалинах, от которых на земной поверхности не осталось теперь и праха древней столицы, основанной героем Бхаратом. Настоящей столице минул всего один век. Среди развалин древних бастионов и башен, забитых наглухо ползучими растениями, прячется, будто стыдясь своей современной мизерной наружности, дворец махараджи. Он окружен со всех сторон башнями и уцелевшими куполами на плоских террасах старой крепости с многочисленными пробоинами, и представляет, по замечанию Фергюсона, «страшную смесь всех стилей архитектуры», от сарацинского до джатского.

Миновав несколько старинных ворот со сводами и полуразрушенными стенами, на обломках коих часовые преспокойно спали или курили *челум*[1450], мы подъехали ко дворцу. Махараджи не было, он отправился пилигримом со свитой в Хардвар[1451]. В первый раз по приезде в Индию мы вступали в жилой дворец раджи и, конечно, ожидали увидеть нечто волшебно-прекрасное. Разочарование было полное!..

Здание огромное, как и все дворцы раджей, но угрюмое, закопченное, со стенами, покрытыми плесенью, с бесконечным рядом галерей, веранд, башен и башенок, лестниц и коридоров. Внутри бесконечные ряды комнат, неизвестного назначения, но от первой до последней, от дурбарной «тронной» залы до малейшего чулана под крышей, каждая походила на кладовую продавца старой мебели. Всюду полы без ковров, каменные, но весьма неровные, неподметенные вероятно со дня отъезда раджи, так как каждый шаг подымал облака пыли, заставляя нас чихать и откашливаться. Комнаты, загроможденные полуизломанным хламом; ряды кресел и диванов, когда-то золоченных, теперь же облезших, всех сортов и эпох, обитые драгоценным, но полинявшим штофом[1452]; по стенам дешевые немецкие часы с кукушками (мы насчитали их штук восемь в одной комнате!), картинами с механизмом движущихся лодок и музыкой рядом с громадными, от потолка до пола, тысячными зеркалами; в библиотеке из драгоценного хрусталя и розового дерева с великолепнейшею резною работой шесть-семь томов шестипенсовых разрозненных романов Джемса[1453], да повсюду расставленные, словно на продажу, женские трюмо, поверхность которых вследствие многолетней сырости представляла географические карты, перекашивая наши отражения, словно корча нам по дороге рожи, – вот что̀ нашли мы во дворце независимого раджи!

Заметив, должно быть, отсутствие всякого восторга на наших откровенных лицах, встретивший нас на крыльце бородатый джат, который взялся было показать нам *царские* покои, желая заставить нас, вероятно, изменить мнение о великолепии дворца, повел нас в какую-то

---

[*] Локаята (также чарвака, с *санскр.* жевать, грызть) – материалистическое учение Древней Индии. Школу локаята считают атеистической. Локаята относится к разряду настика, то есть учения, отрицающего авторитет Вед. Локаятиками в начальный период индийской философии называли профессиональных спорщиков, многие из которых были собеседниками Будды Шакьямуни. Искусство локаяты было одной из дисциплин, которым обучали в брахманских школах V в. до н.э. и позднее. Локаятики брались доказывать, что всё существует и ничего не существует, что всё едино и всё множественно. В классический период индийской философии локаяту стали отождествлять с чарвакой. Второе название школы связывают либо со словами *чару* и *вака*, сочетание которых буквально означает «красивая речь», либо с именем философа Чарвака, который, как полагают, был скептиком и материалистом, автором «Брихаспати-сутр» (ок. 600 г. до н.э.). Другие считают основателем учения полулегендарного мудреца по имени Брихаспати. Существует еще одна этимологическая версия, согласно которой материалисты издавна именовались словом «чарвака» потому, что они проповедовали доктрину «ешь, пей, веселись» («чарв» – есть, жевать).

[1450] Чиллум (*англ.* chillum, chilam) – приспособление для курения конопли, представляет собой небольшую прямую трубку, изготовленную из глины или других материалов (стекло, дерево и т.д.).

[1451] В Индии все большие и малые раджи отправляются по крайний мере раз в год на поклонение к священным местам. Они обыкновенно совершают хоть часть пути пешком, одетые в бедное платье пилигрима-аскета, босиком и раскрашенные знаками своей секты. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1452] Штоф – тяжелая шелковая или шерстяная ткань с тканым рисунком.

[1453] Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель.

секретную угловую комнату, посещаемую, как он нам сообщил весьма конфиденциально, всеми английскими *бара-саабами* (большими господами)[1454] и весьма хвалимую ими. Комната эта, которую он приказал старому дядьке отпереть каким-то особенным ключом тоже с секретом и вдобавок с музыкой, оказалась кругом обвешенною картинами во французском вкусе самого непозволительного содержания. Полковник насилу удержался, чтобы не обругать джата, а Нараян, еле взглянув, опрометью бросился вон из комнаты, облегчив целомудренное сердце целым потоком слов, которых мы не поняли, но которые, видимо, произвели на бородатого наперсника угнетающее впечатление. Он сильно растерялся и поспешил запереть «секретную» комнату, пробормотав нечто вроде извинения. Мы только поняли одно: все «бар-саабы», *феринги,* и даже «мем-саабы», их дамы, посещали этот *европейский* «музей» и всегда очень весело смеялись. Вследствие такого поражения, однако, бородач поспешил ретироваться, оставив нас на попечении старого дядьки или воспитателя раджи.

Всюду та же грязь, пыль, безвкусица, запустение и ветхость. Сам махараджа не живет в своих «царских» покоях. Они предназначены восхищать заезжих белых варваров. Сам же он поселился уже давно в *зенане*, в тереме, с полудюжиной жен. К сожалению, в Индии пример добродетели подданных подают не раджи и не принцы. Кроме последних, туземцы, от высшего брамина до последнего *кули*, строгие моногамисты, но зато их властелины-махараджи все до одного придерживаются многобрачия. Эти потентаты[1455], так сказать, родились и живут вне касты, ибо бóльшая часть их никогда и не имела касты. Дед *хулькара* Индорского родился простым пастухом; *гвалиор* из семейства Синдии – правнук лакея. Его прадед Ранаджи, первый Синдия[1456], служил доверенным слугой в 1714 году пейшве, который взял его из семьи простых крестьян, а в 1782 году побочный сын Ранаджи, Синдия, сделался махараджей Гвалиорским[1457]. Гайквары Бародские, как самое их название означает, были сто лет тому назад погонщиками коров, а нынешний молодой гайквар[1458], избранный правительством по изгнании несчастного Мульрао[1459], обвиненного (и совершенно несправедливо) в попытке отравить полковника Фейра[1460], политического резидента, – сын простого кули, дальнего родственника Мульрао, и т.д. Одни мусульманские раджи происходят, если верить им, все до одного от Фатьмы, дочери Пророка, а их женская линия от Магометовой кобылицы (sic), хотя способ эволюции от последней еще не совсем уяснен. Зато махарана Удейпурский, владетель Мевара в Раджистане[1461], без преувеличения и вовсе не ради красного словца, происходит чуть ли не от Адама. Во всяком случае, генеалогия этого царского дома объявлена английским правительством совершенно правильною и законною, а эта генеалогия указывает на Икшваку, сына Ману, великого мифического законодателя Ариаварты как на родоначальника сих махаран. Икшвака же родился за 2225 лет до Р.Х.[1462] Можно побиться об заклад, что не найдется во всей Европе рода стариннее этого. *Сурьяванзы* –

[1454] Baḍā (*хинди*).

[1455] Потентат (*лат.* potentatus – верховная власть) – властелин, властитель.

[1456] Раноджи Рао I Синдия (?–1745) – основатель княжества Гвалиор.

[1457] Махаджи Синдия.

[1458] Саяджирао Гаеквад III (Sayajirao Gaekwad III, 1863–1939) – махараджа Бароды (1875–1939).

[1459] Он умер в изгнании в 1882 году в Мадрасе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Малкар Рао Гаеквад (Malhar Pao Gaekwad, 1831–1882) – махараджа Бароды (1870–1875).

[1460] Роберт Фейр (1820–1897) – британский генерал, резидент Бароды (1873–1874).

[1461] Саджан Сингх (1859–1884) – махарана Удайпура (1874–1884).

[1462] См.: *Asiatic Researches*[*]; «*Vansavali* – родословное дерево рода сурьяванз (потомки Солнца) из племени Раджистана»[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Jones W.* On the Chronology of the Hindus // Asiatic Researches, Vol. II, 1790. P. 111–147 (*Джонс У.* О хронологии индусов // Asiatic Researches, 1790, т. II. С. 111–147).

Wilford F. On the Chronology of the Hindus // Asiatic Researches, Vol. V, 1799. P. 241–295 (*Уилфорд Ф.* О хронологи индусов // Asiatic Researches, 1799, т. V. С. 241–295).

Bentley J. Remarks on the Principal Eras and Dates of the Ancient Hindus // Asiatic Researches, Vol. V, 1799. P. 315–343 (*Бентли Дж.* Замечания об основных эрах и датах древних индусов // Asiatic Researches, 1799, т. V. С. 315–343).

Джон Бентли (ок. 1750–1824).

[**] См.: Tables I. Vansavali, or Genealogies of the Races of Soorya and Chandra, from Icshwaca and Boodha to Rama and Crishna // *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 30–31 (Таблица I. Вансавали, или генеалогии рас Сурья и Чандра от Икшваки и Будхи до Рамы и Кришны // *Тод Дж.* Летописи и древности Раджастхана. Т. I. Мадрас, 1873. С. 30–31).

потомки Солнца – имеют неотъемлемое право презирать самые древние английские фамилии, опираясь на ими же признанную родословную. В свое время мы поговорим подробнее об этих горделивых останках прошлого и невозвратимого величия!

– *Old Curiosity Shop*[1463] (bric-à-brac[1464]), – пробормотал все еще сердитый полковник, оглядываясь. – А где же Такур-саиб? – внезапно осведомился он. – Разве мы не увидим его более сегодня? Нараян!.. Мульджи!.. Не знаете ли, где Такур?

– *Маха-саиб* (великий господин) никогда не входит во дворец бертпурских владетелей, – шепнул нам на ухо Нараян. – Он уехал вперед в Диг и ожидает нас завтра туда к *чотта-хазри*[1465] (к завтраку)…

– Гм! – промычал президент, разглядывая китайского фарфорового мандарина с разбитым носом. – Вечер значит пропал… А не знаете вы, любезный Нараян, почему это Такур-саиб избегает… жилища здешнего раджи?

Махрат видимо смутился.

– Я не имею права, полковник, вмешиваться в частные дела и… и обсуждать их… особенно действия *маха-саиба,* – отвечал он, наконец, запинаясь.

Но любопытство полковника было не из тех, которое можно было остановить замечанием. Он обратился к старому воспитателю раджи, который плелся за нами, окруженный привратниками со связками ключей. Вопрос был повторен старику. Услышав его, древний джат вдруг смутился еще сильнее Нараяна.

В первую минуту он совершенно растерялся. Затем принялся подобострастно кланяться и уверять полковника, что он, американский сааб – «покровитель бедных» и «благодетель вдов и сирот»; после чего хитро отвел прямой вопрос, будто вдруг спохватясь, что солнце уже село и сейчас же стемнеет. Кончилось тем, что он вместо ответа пригласил нас в назначенное для нас помещение. Полковник с тем и остался.

Нас поместили в огромном отдельном флигеле, который сообщался с главным зданием крытою террасой прямо с крыши нашего помещения. Комнаты наши, хотя и менее загроможденные мебелью, представляли все-таки невообразимый хаос. И здесь, как и во дворце, оказалось сборище самых разнохарактерных украшений. Пузатые кресла с прямыми, неудобными спинками, вывезенные, вероятно, еще покойною Компанией из Англии, казалось, пятились и сторонились как кровные англичане «высшей расы» от затейливых, черного дерева, резных стульев работы «низшей расы». На провалившемся биллиарде росла из глубоких, засоренных землей и пылью щелей травка. Мраморные подзеркальники на золоченных и хрустальных ножках с растреснутыми плитами подпирали покосившиеся от времени дорогие старинные зеркала. Стены были сплошь покрыты портретами раджей, написанных масляными красками и во весь рост, а рядом с ними висели лубочные картины дешевого английского фабричного произведения с лордами и леди спортсменами верхом на малиновых лошадях в сопровождении бегущих за ними бледно-розовых и зеленых собак. В простенке, между углов столовой, под такою же лубочною картиной из французских нравов, представлявшей турнир барышень на коньках с носами, спрятанными в муфтах, с пудовыми икрами и в голубых ботинках, валялись кой-как прислоненные к стене дюжины две картин так называемой работы Дельи. На толстом пергаменте с золотыми надписями на *урду* – явно легенды сюжетов – и стихами из Корана они изображали различные исторические *дурбары* могульских и индийских раджей и властелинов. На одной из них, в квадратный ярд величиною, было изображено до 80 человеческих фигур. Все они раболепно, кроме фигурки в синем мундире, эполетах и с красными усами, стояли со сложенными на груди руками и наклоненным корпусом в направлении восседающего на троне какого-то раджи. Пестрило в глазах от одного взгляда на эту расписанную самыми яркими красками группу, но, как и все восточные произведения, без теней и без грунта. Комната освещалась лишь одною большою висячею медною лампой, и пламя фитиля, погруженного самым примитивным манером прямо в кокосовое масло, раздуваемое во все стороны сквозным ветром из всех безоконных отверстий и

[1463] «Лавка древностей» (*англ.*) – роман Ч.Диккенса.

[1464] хлам (*фр.*).

[1465] Chhota haazri, Chota hazri.

ажурных дверей, освещало предметы весьма неясно. Ни я, ни даже полковник не обратили внимания на эту картину, полувыдвинутую из-за других стоявших вверх ногами изображений дурбаров и охот.

Нас, видимо, старались принимать и угощать по-европейски. Обеденный стол был найден во владении целой колонии красных муравьев; и так как оказалось невозможным спровадить их, не убив нечаянно нескольких – преступление, предусмотренное законами Ману и на которое дядька-джат не решался, – то нам притащили другой стол. Мраморная с великолепною мозаичною работой доска на трех золоченных надломленных ножках тотчас же рухнула под тяжестью целой груды тарелок к ужасу дядьки-воспитателя, усмотревшего в этом падении явное предзнаменование чьей-нибудь неожиданной смерти. К нескрываемому отвращению наших индусов нам принесли целую корзину французских вин и ликеров, а к неописанному изумлению старого джата-дядьки веселящие душу напитки были тотчас же с позором изгнаны полковником. Воспитатель никак не мог взять в толк, чтобы «саабы-феринги» могли отказываться от вина и водки. Его удивлению не оказалось границ, когда к довершению эксцентричности, видимо показавшейся ему сумасбродством, мы попросили его дать нам поужинать по-туземному, на циновке и с листьями платанов вместо блюд и тарелок…

Было всего восемь часов вечера, когда, окончив нашу трапезу на полу в сомнительно приятном обществе двух громадных сороконожек, которые скрылись от нашего преследования в приготовленной мне спальне, мы стали перетаскивать со всевозможными предосторожностями несколько расшатанных кресел на веранду, где, наконец, и уселись, собираясь подышать после знойного дня вечерним воздухом. К нашей компании скоро присоединились два посетителя, помощник или секретарь девана, проводивший нас утром со станции, и толстейший бенгальский бабу́, инспектор школ махараджи, единственные в Бертпуре люди, говорившие по-английски. Любознательный полковник засы́пал их вопросами. Чрез час мы знали не хуже их всю подноготную махараджей Бертпурских и Павлиньего царства.

Между прочими историческими сведениями мы узнали, что нынешний раджа, выдаваемый англичанами за настоящего, законного наследника трона, есть в глазах своих подданных узурпатор, хотя в этом преступлении виновен не он, а правительство. В 1825 году по смерти Бульдео Синга[1466] *радж* должен был по закону перейти к брату его, Дуржуну Салю[1467], ибо, во-первых, сыновья раджей не могут быть их наследниками и вступают на престол только за неимением братьев и племянников (сыновей сестер, а не братьев), а во-вторых, у покойного раджи был всего один сын, да и тот незаконный[1468]. Дуржун Саль имел за себя огромную партию и Законы Ману. Но у Ост-Индской компании были солдаты с пушками и право хитрейшего, если не сильнейшего. К тому же, как теперь, так и тогда, Джон-Булль настаивал на своем праве быть всемирным защитником слабого и невинного и под предлогом протектората проглатывать слабого и невинного вместе с его царством. Непрошеные опекуны явились и тут. Их политика состоит в том, чтобы допускать к владению только тех раджей, которые воспитаны ими самими по мудрому шаблону Меттерниха[1469] в отношении к Наполеону II[1470], злополучному императорскому принцу. Подобно герцогу Рейхштадтскому, все эти индийские раджи гибнут *à la* маркиз де Сад[1471] благодаря своим английским воспитателям, которые с первого же дня ведут их незаметно на путь ранней гибели от разврата и пьянства[1472].

[1466] Балдео Сингх (Baldeo Singh, ?–1825) – махараджа Бхаратпура (1823–1825).

[1467] Durjan Sal – махараджа Бхаратпура (1825–1826).

[1468] Балвант Сингх (1820–1853) – махараджа Бхаратпура с 1826 г.

[1469] Клеменс Меттерних (1773–1859) – австрийский дипломат, министр иностранных дел Австрийской империи (1809–1848).

[1470] Наполеон II (Франц, герцог Рейхштадский, король Римский, 1811–1832) – сын Наполеона I Бонапарта, был болезненным юношей и скончался от туберкулеза.

[1471] Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814) – французский аристократ, писатель, философ, проповедник абсолютной свободы, не ограниченной ни нравственностью, ни религией.

[1472] Молодой раджа Куч-Бехарский*, которого я встречаю каждое лето в Симле, в Дарджелинге и на холмах миссурских, сделался теперь чистокровным англичанином; пьет шампанское бочками, одаривает всех *belles de la saison*** – «мэм-саабов» и *мисси-биби****, – которые ему делают *великую честь* провальсировать с ним, драгоценными браслетами, колье и брошками, разоряется на спорт и кутеж, делая все это не только с согласия, но и с одобрением не

Итак, невзирая на то, что Дуржун Саль уже сидел по выбору народа на престоле, в 1826 году явилась без всякого повода спасать малолетнего, незаконнорожденного принца армия в 20000 человек со 122 пушками. Армия была отражена с великим уроном, как рассказывают, «самим богом Кришною и священными павлинами Сарасвати», коих двадцать тысяч спустились на армию, причем павлины, сев на головы солдатам, принялись отчаянно выклевывать им глаза. Англичанам не удалось тогда взять приступом город. Но они вернулись через месяц и (перевожу со слов бертпурской хроники), «воспользовавшись тем, что Кришна совершал в то время *тапаз*[1473]», но вероятнее всего, благодаря быстроте действия, армия перерезала, как уже сказано выше, дорогу инженерам раджи к спасительному пруду, а затем перерезала и неповинных жителей, по уверению рассказчиков, до 9000[1474]. После этого, поймав удиравшего с женами и двумя сыновьями раджу Дуржуна Саля, англичане отправили злополучного принца в Бенарес на вечное житье, великодушно ассигновав ему на издержки 50 фунтов стерлингов (500 рупий) в месяц. Раджа умер в 1851 году, оставив двух сыновей и несчетное число внуков. Мизерная пенсия разделилась между сыновьями и махарани-матерью. Потомки Бульдео Синга стали помаленьку вымирать, что̀ было весьма с руки правительству.

А теперь позволяю себе маленькое отступление и забегаю на минуту для ясности рассказа вперед.

В 1880 году, во время нашего пребывания в Бенаресе, мы познакомились с единственным оставшимся в живых внуком. Остальные все перемерли с голоду. На присланной нам карточке красовалось:

«Рао Кришна Дева Сурна Синг. Внук махараджи Бертпурского».

Рао Кришна оказался весьма образованным и красивым молодым человеком. Вдобавок к этому мы тотчас же вспомнили тогда, что он был героем очень таинственной, хотя и весьма неправдоподобной истории, рассказанной нам в Бертпуре нашими двумя посетителями, которую я теперь и передаю.

Его отец, сын изгнанного раджи, уже совсем умирая с голоду (пенсию, наконец, прекратили, воспользовавшись восстанием 1857 года), выучился фотографии и питался тем, что снимал портреты с пилигримов к священным берегам Гангеса и виды разных храмов и капищ. Платить за образование единственного сына он не имел средств, а правительство отказывалось помочь. Религиозный до фанатизма, он отправился в один прекрасный вечер – в день затмения луны, величайшего у индусов праздника – в храм своего патрона Кришны. Невзирая на оплошность *аватары* Вишну касательно столицы бывшего царства отца его, он не переставал приносить ему жертвы когда только мог. В тот вечер у злополучного сына махараджи было пусто в кармане и пусто в желудке. Перебирая четки, сидя на корточках пред идолом, он с горя заснул. Какой-то ученый материалист и физиолог выразил мнение, что видения являются смертным только вследствие туго набитого желудка, но на сей раз было исключение в пользу голодающего: юный бог явился к нему во сне и, указав на густое дерево в саду занимаемой раджой лачуги, сказал ему: «Копай под этим деревом во время каждого полнолуния и, доколе останешься верным мне, будешь находить ежемесячно на южной стороне оного 1000 серебряных рупий». Проснувшись и

отходящего от него ни на шаг воспитателя полковника Х. А ему нет еще и двадцати лет! Даже юные девицы не стыдятся принимать от него дорогие подарки. Понятно, какой будет правитель Куч-Бехарского раджа. А сломит он себе голову или допьется до чертиков, благодушные отцы-правители тотчас, под тем предлогом, что они законные опекуны, сперва заберут все управление в свои руки, а затем и *аннексируют* потихоньку его царство. Тепло и сыто и приличия соблюдены. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Ньипендра Нараян (1862–1911) – махараджа Куч-Бихара (Koch Bihar) (1863–1911).

[**] красавиц сезона (*фр.*).

[***] Мисси – молодая девушка, биби – уважительный титул для женщины.

[1473] Религиозная *медитация*, предписанная всем богам, как и людям: самопогружение в Браму, который сидит у каждого смертного в сердце. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Та́пас (*санскр.* Tapas, «тепло», «жар», «аскеза», в символическом ключе может пониматься как «гореть устремлением к достижению цели», «стремление освободиться от оков невежества и греха») – в древнеиндийской мифологии космический жар как универсальный космогонический принцип, лежащий и в основе мироздания, и в основе религиозного благочестивого поведения. Тапас связан с практикой аскетизма.

[1474] См.: Bhurtpore // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 116.

вспомнив, что в ту ночь было как раз полнолуние, принц-фотограф отправился восвояси и, вооружась заступом, стал копать. Кришна сдержал слово, и тысяча рупий были найдены. Тогда в порыве благодарности принц дал обет отправляться каждый год с сыном на поклонение богу, любимцу пастушек, в некий известный храм близ Хардвара. На следующий месяц на полнолуние тот же результат: тысяча рупий под деревом. Единственному его сыну, Рао Кришне (имя, прибавленное к прежним отцом его в благодарность божественному патрону), было всего тогда восемь или девять лет. Каждый месяц бог Кришна клал мешок с рупиями под дерево и каждый год отец с сыном отправлялись пешком и босиком к далекому храму с посохом в руке и в полном костюме индийских аскетов, то есть в легком и первобытном одеянии Адама.

А теперь прошу читателя приготовиться к вышеупомянутому невероятному рассказу. Невзирая на все неправдоподобие, среди двухсот пятидесяти миллионов туземного населения Индии подобные рассказы весьма обыкновенны и для туземцев не имеют в себе ничего невероятного.

Когда Рао Кришне минуло четырнадцать лет, отец взял его, по обыкновению, с собою на ежегодное поклонение. В тот год между пилигримами свирепствовала сильная холера, убивавшая жертву менее чем в час, и они мерли как мухи по дороге. На поляне у деодорского[1475] леса заболел и наш юный Рао; отец его с ужасом и отчаянием заметил, что мальчик умирает. Заметили это и шедшие с ними другие пилигримы и *саньязи* и тотчас же, дабы не осквернить прикосновением к трупу при подаваемой помощи, разбежались… Осталась наблюдавшая издали группа богомольцев… Они-то и разнесли по Индии совершившееся на их глазах.

Мальчик умер, и отец оглашал весь лес воплями отчаяния и безысходного горя. Он заклинал товарищей-пилигримов помочь ему хоть соорудить костер для сожжения трупа; наконец, двое из них решились осквернить и подошли. Мальчик лежал посиневший и совсем мертвый, и над ним были совершены все предписываемые Ману обряды. Прошло несколько часов, костер был готов и оставалось лишь положить на него мертвое тело, как вдруг пилигримы увидали неизвестно откуда появившуюся новую и совершенно незнакомую им личность… То был старик-аскет лет за сто. Тройной священный шнурок через плечо указывал, что он брамин, а знак на лбу черною и белою краской, что он принадлежит к секте Веданты, называемой *адвайти*[1476]. Тихо и едва волоча ноги, он подошел к лежавшему в стороне трупу и, наклонясь над лицом умершего, долго и не трогая тела, вглядывался в него. Отец и другие пилигримы, видя тройной шнурок, не смели подойти ближе и молча глядели издали на немую сцену. Впрочем, старик-отец был, как рассказывают, до того убит горем, что, может быть, и не обратил бы на него внимания, если бы тут не произошло нечто весьма странное. Аскет, стоявший до того неподвижно, стал мало-помалу шататься и склоняться все ниже и ниже к покойному. Еще секунды две-три и паломники увидели, как задрожало дряхлое тело, как подкосились ноги… Внезапно грохнув на землю, старец точно подкошенный сноп вытянулся рядом с мертвым юношей и… в ту же секунду, высоко вскинув руками, последний сел и, дико озираясь по сторонам, стал к ужасу пилигримов манить их к себе потихоньку рукой…

Когда прошла первая минута смятения и ужаса и отец с воплем радости кинулся к воскресшему сыну, подошли и другие паломники. Осмотрев тело аскета, они его нашли окоченевшим и мертвым. Но страннее всего было то, что он казался как бы умершим уже за несколько до того часов. На теле его виднелись все холерные признаки: черные пятна, опухоль и скорченные ноги, в то время как с тела юноши, еще за несколько минут до того начинавшего, как казалось, разлагаться, все эти признаки исчезли, не оставив за собою и следа. Тело его было чисто и казалось совершенно здоровым. Словно старик и юноша поменялись организмами…

[1475] Кедр гималайский или деодар – хвойное дерево.

[1476] *Адвайти* (недуалисты) – секта, противная *двайтам* (дуалистам); они не признают богов, а одного Парабраму, то есть мировую божественную эссенцию, которая по вездесущности своей не отлична от эссенции духа человеческого. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Адвайта-веданта (*санскр.* «недвойственная веданта») – индийское философское учение о тождестве человеческого духа с Мировым Духом (advaita = «недвойственность», «единство»), одна из главных составных частей школы Веданта.

Нравоучение и объяснение: все на свете *майя*, иллюзия, и нам не следует даже и смерти верить. Индусы глубоко убеждены в тайном могуществе *мантр* и *мантриков* (заклинательных молитв и заклинателей), а также и в способности адептов тайных наук бесцеремонно переселяться в случае надобности в тела других людей, пользуясь глубоким сном, болезнью или даже смертью последних. Поэтому они и объясняют случай с Рао Кришной тем, что старику-аскету надоело жить в своем дряхлом и бренном теле. К тому же он, вероятно, тронулся отчаянием осиротевшего отца. Вследствие сего двойного резона и уверясь в смерти мальчика, почтенный аскет прочел *мантру*, вылез из собственной кожи и влез в тело умершего, которого тем самым и оживил. При этом «все выиграли, обе стороны остались довольны и никто ничего не потерял».

– Как никто не потерял? – спорили мы с рассказчиками. – Мальчик-то сохранил одно живое тело или, скорее, дряхлый старик приобрел себе новое… А ведь духовную личность свою, индивидуальность души бессмертной, Рао Кришна уж, наверное, потерял!

– Весьма ошибочное рассуждение, – отвечали нам тогда, как и позднее, ведантисты. – Вера в индивидуальность духа нашего и его собственную личность есть самое сильное и из всех заблуждений самое опасное. Это, по-нашему, ужасная *ересь*. Бессмертный дух не отличен от Всемирного Духа…

– Так, по-вашему, и во мне сидит Парабрама? – спрашиваю я их.

– Не он в вас, а так сказать, вы в нем имеете вечное бытие, и ваш дух (*атман*) ничем не отличается от духа другого человека… А душа, то есть седалище вашего личного, присущего вам одной разума, конечно, ваша…

– Благодарю вас хоть и за то… Так не все ли равно?

– Конечно, не все равно. Ведь душа (*manas*, или жизненная душа) не может быть, подобно духу, бессмертною. Дух есть часть божественного, несотворенного Парабрамы, без начала, как и без конца, а разум, имея начало, должен иметь и конец. *Manas* родится, развивается и умирает. Вследствие этого он не может быть бессмертным. Пример: зачерпните рукой несколько капель воды из океана, сожмите их в горсти и пусть сделает то же ваш сосед. Ваши руки – две совершенно одна от другой отличные руки; одна белая, другая темно-коричневая, но зато они и не бессмертные, а рано ли, поздно ли, обратятся обе в прах, а вода в обеих горстях из одного безбрежного, бесконечного океана – олицетворение в нашем случае Парабрамы – должна вернуться в том или другом виде к первоисточнику своему, к единой *Параматме* (высшая всемирная душа)… Поняли?

– Ровно ничего не поняла, но это ничего не значит. Вы верьте себе на здоровье, а я еще подожду…

Так учили нас наши индусы-теософы, подтверждая нам рассказанную историю. Впрочем, это учение одних ведантистов, последователей Шанкарачарии, величайшего адепта и *йога* Южной Индии. Двайты, висиштадвайты[1477] и брамо[1478] отвергают оное и верят в личность божественную, *Ишвару*, отделяя оную от души человеческой.

В те дни нашего первого путешествия мы еще не были знакомы ни с этою доктриной, ни с происшествием, ни даже с его героем, который первый отвергает его истинность, хотя и хорошо помнит свою мнимую смерть. Мы отнеслись к рассказу поэтому с большим сомнением и очень этим огорчили наших друзей.

– Но ведь это вольнодумство, – упрекали они нас хором. – Ведь такие *факты* известны по всей Индии, и много, много было таких *исторически* известных случаев. Сам великий

[1477] Вишѝшта-адвайта (visistadvaita) или вишишта-адвайта-веданта (visistadvaita vedanta) – направление веданты, разработанное Рамануджей и его последователями, в противовес адвайта-веданте Шанкарачарьи. Лежит в основе одной из школ вайшнавизма, а именно, шри-вайшнавизма. Признавая окончательное единство всей реальности, сторонники вишишта-адвайты в то же время утверждают реальное существование материального бытия, природы и живых существ, которые имеют тесную связь и зависимость от Высшей реальности, Брахмана. На персонифицированном уровне Высшей реальностью выступает Господь Вишну. Вселенная рассматривается в вишишта-адвайте как тело Господа. Конечная цель человеческой жизни состоит в достижении Господа, то есть обретении освобождения от цикла рождения и смерти. Освобождение возможно благодаря как усилиям вайшнава, так и божественной милости. Освобождение не связано с полным распадом индивидуальности и представляет собой бесконечное единение с Вишну вместе с другими освобожденными душами.

[1478] Члены общества «Брахмо-самадж».

Шанкарачария, истолкователь Веданты, переселялся несколько раз при жизни в тела раджей, дабы исправлять их несправедливости и помогать народу. Припомните его полемику с богиней Сарасвати.

И чтоб уверить нас в справедливости рассказанного происшествия, они повторили нам следующее из жизнеописания великого *ачарии* (учителя)[1479].

В Мадхане (VIII, 34)[1480] находится рассказ о том, как он перехитрил Сарасвати, богиню тайных наук и премудрости. В образе простой смертной богиня как-то вступила в ученый диспут с Шанкарачарией. Она желала ему доказать, что есть вещи на свете, о которых даже и он не знает. Получив удовлетворительные ответы на вопросы по всевозможным отраслям знания, Сарасвати вдруг поставила его в тупик, потребовав у него определение *науки любви*, о которой Шанкарачария как аскет и йог с восьмилетнего возраста, конечно, ничего не мог знать. Тогда, дабы не посрамиться пред свидетелями, Шанкарачария просил отсрочки на один месяц. Богиня, уверенная, что ни один обреченный на безбрачие и целомудрие *саньязи* не в состоянии ей ответить на ее вопрос, согласилась и заранее торжествовала победу. Но великий комментатор *Упанишад*[1481] призвал на помощь *дженьяна-канду*[1482]. Эта *канда* есть тайная наука или правильное понимание *Вед*, нечто доступное лишь весьма немногим избранникам (*радж-йогам*), тогда как *карма-канда* есть то учение *Вед*, которое предоставлено невежественному большинству, неспособному воспринять истину вне наружного ритуализма и грубого поклонения форме и мертвой букве. И вот с помощью *канды* Шанкарачария выиграл дело. Он тотчас же оправился с учениками на восток Амритапуры, где только что скончался раджа Амарака и, вмешавшись в толпу его горюющих придворных, решился на самое практическое в этом случае дело. Стоило лишь взглянуть на красивое тело покойника и на отчаяние его 99 жен, дабы придти к убеждению, что раджа был мастером в *науке любви*. Поручив ученикам присмотр за своим временно покидаемым телом, Шанкарачария (или, скорее, его душа), выскользнув из «ножен»[1483], перешел в безжизненные *ножны* раджи. Иллюзия воскрешения была полная. В один месяц Шанкара-раджа изучил «науку любви» в совершенстве и не только изучил, но и сам написал превосходный трактат в двух отделах. В первом любовь им описывается в самых ярких красках и привлекательность этой иллюзии воспевается в столь же пламенных, как и ученых, *шлоках* (стихах); во втором отделе все доводы, вся блестящая софистика первого – все это сокрушается, разбивается в прах самим же автором. Он уничтожает доводы своей первой диссертации и указывает на горькие плоды, порождаемые привлекательным цветом коварного «древа любви»… Под мудрым управлением раджи Шанкары в «ножнах» раджи Амараки народ блаженствовал, а хитрые брамины, знакомые с *дженьяна-кандой*, заподозрив правду и желая воспользоваться во что̀ бы то ни стало и как можно долее управлением такого мудреца, пошли на хитрость. Дабы воспрепятствовать возвращению в собственное тело тому, кто завладел телом покойного, по-видимому, воскресшего царя, они издали тайный указ, повелевший приступить немедленно *к сожжению всякого находящегося на их земле мертвого тела*. Таким образом и действуя тайно от царя, они рассчитывали, что погибнет и тело неизвестного им адепта, радж-йога, который так кстати поселился в трупе их прежнего красивого, но глупого раджи. «Ножны» Шанкарачарии,

---

[1479] Ачарья – титул религиозного наставника в индуизме, буддизме и джайнизме.

[1480] Мадхавия Шанкара Виджаях – биография Шанкарачарьи, написанная Видьяраньей (также известный как Мадхава, XIV в.).

[1481] Упанишады, третье подразделение *Вед*, называется также *rahasya*[*], или мистическое учение. Следует иметь ключ к тайному кодексу, чтобы понять в совершенстве эти метафизические концепции человеческого ума. Как справедливо заметил профессор Monier-Williams, Упанишады суть единственная религиозная школа, достойная глубоких мыслителей Индии. Это священные книги всех образованных туземцев. Упанишады, истолкованные Шанкарачарией, суть краеугольный камень *Веданты* (то есть «завершение или *конец* всей земной науки»). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

[*] Рахасья.

[1482] Джнана-канда (*санскр.* jñāna-kāṇḍa).

[1483] *Kosha* (ножны)[*] – термин, употребляемый ведантистами, когда они говорят о теле. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Коша (*санскр.* kośa) – в соответствии с ведантой это оболочка покрывающая Дух, Высшее Я и ограничивающая уровни человеческого сознания.

хотя и под верною охраной его учеников, были найдены, и отнятое тело брошено на приготовленный костер. Благодаря *йог-видье*, однако, Шанкарачария тотчас почувствовал, что с его с законными «ножнами» что-то неладно и тут же прозрел, что его желают насильно задержать в теле раджи. Тогда немедля он выскользнул из не принадлежащей ему *коши* и, предоставив пустую шелуху раджи на этот раз неминуемой ее участи, вернулся в собственное свое тело, которое нашел уже окруженное пламенем. Оно не сгорело только благодаря окружавшей оное, так сказать, кольчуге из несгораемого, хотя и *невидимого* материала. Вернувшись в Бенарес, он поразил даже богиню тайной мудрости Сарасвати своими глубокими сведениями по части «науки любви». Она объявила себя побежденною, а Шанкарачарию признала величайшим *риши* (мудрецом и святым)[1484].

Понятно, что если самые священные для индусов *шастры* и *Пураны* (древние предания) и даже *Упанишады*, считаемые браминами божественным откровением, полны таких рассказов о перелезании души из одного тела в другое, то было бы несправедливо глумиться над индусами. Для них вера в подобные чудеса естественна и священна, и я привела этот эпизод из жизни Шанкарачарии, признаваемого ориенталистами за одного из замечательнейших философов Индии как пример, оправдывающий в туземцах веру в то, на что̀ *мы* взираем как на глупое суеверие. Религиозные чувства индуса и раджпута оскорбляются здесь на каждом шагу. Священный им *пипал*, убежище чистых духов, падает ежедневно под топором английского плантатора, а по павлину, птице, посвященной Кришне, стреляют с такою же равнодушною беззаботностью под самым носом у туземца, как если бы то была ворона. Англичане не понимают, да и не хотят понять, что каждый такой удар топора и пули отзывается в сердце благочестивого индуса, расширяя с каждым часом все более и более ту бездну ненависти в душе беззащитного туземца, которую сами же англичане собственноручно и выкопали в ней. Насколько сознают это англичане, легко убедиться из их собственных признаний.

«Не разумно и не достойно философа и даже просто честного человека, – говорит полковник Тод, – относиться к народным поверьям такой глубокой древности презрительно. Чужд должен быть тот человек милосердию, кто смеется над ними; неосторожен тот в политике, кто не употребляет всякого средства для предупреждения таких оскорблений вследствие невежества либо необдуманности. Это попросту – злоупотребление нашею силой, невеликодушное проявление силы над их (туземцев) слабостью. Вспомним, кто такие наследники этих древних храмов, покровители священных пипала и павлина: то дети *Сурьи* и *Чандры* (солнца и луны), потомки древних мудрецов, наполняющие в настоящее время ряды нашей храброй армии, внимательные, хотя и безответные наблюдатели всех наших поступков, самые верные, преданные и послушные из смертных. Постараемся же сохранить их послушание и преданность, уважая их веру и не оскорбляя в них ежечасно чувства собственного достоинства и национальной гордости… Спросим себя, положа руку на сердце, сделали ли мы *тех, кто завоевали для нас почти всю Индию*[1485], счастливее или же разорили их, поправ вдобавок под ногами все, что̀ есть только священного для них.

[1484] *Telang K.T.* The Life of Sankaracharya, Philosopher & Mystic // The Theosophist, т. I, 1879, December – 1880, Lanuary. P. 73, 89 (*Теланг К.Т.* Жизнь Шанкарачарьи, философа и мистика // The Theosophist, т. I, 1879, декабрь – 1880, январь. С. 73, 89).

Кашинатх Тримбак Теланг (1850–1893) – индолог и судья.

[1485] Как ни странно звучит такое признание, оно остается и останется фактом: «покорители Индии» не англичане, а индусы. Недавно доведенные до бешеного отчаяния бенгалийцы вследствие невыносимых ежедневных оскорблений печатным словом и делом в ответ газете *Englishman* (Калькутта) напечатали брошюру, в коей опровергают пункт за пунктом *воображаемое* завоевание Индии англичанами и называют оное «хвастовством», доказывая это официальными рапортами и перепиской англо-индийского правительства с *Foreign Office*[*]. Брошюра вышла под названием *Our Conquerors who are they?* («Наши завоеватели, кто они такие?»). В ответ на возгласы: мы принадлежим к высшей расе завоевателей и не позволим правительству подчинить нас юрисдикции людей, принадлежащих к *низшей*, автор брошюры пишет: «На это хвастливое *vae victis*[**], которое нам жужжит в уши с первого дня отпора биллю Ильберта[***], мы отвечаем раз навсегда следующее: покорили Индию не вы, не ваши европейские солдаты, а наши сипаи, индусы, и мы бросаем вам перчатку, вызываем целою нацией опровергнуть нас, если можете!» Затем автор перечисляет все пункты, завоеванные для Англии индусами, от Пласси[****] до последнего мятежа, когда Англия была спасена сикками. Он напоминает англо-индийцам слова многих генералов, слова напечатанные и теперь уже принадлежащие истории. Так лорд Маколей[*****] сравнивает преданность сипаев лорду

Для общего блага, для обоюдного счастия правителей и управляемых постараемся же поправить все наши прошлые ошибки… Торжественно заявляю здесь, что я любил и люблю солдата-индуса. Я доказывал, на что̀ он способен, когда раз привяжется к начальнику. В 1817 году тридцать два стрелка из моего конвоя атаковали, разбили и разогнали лагерь неприятеля в 1500 человек, взяв в плен и убив втрое более, чем было их самих. А что̀ слышим мы из индийских Фермопил, Коригаума[1486]? 500 стрелков против 20000 человек, которых они обратили в бегство! Найдите мне в летописях Наполеона что-либо великолепнее и достойнее удивления… А много ли благодарности получили они, наши храбрые сипаи, и их соотечественники взамен всего этого?»[1487]

А вот получили теперь и получают ежедневно благодарность от 60000 англо-индийцев, во главе коих стоят все английские газеты Индии, особенно *Englishman*. В 1857 году неуважение и ежедневные оскорбления вызвали мятеж сипаев. В 1883 году, то есть в настоящую минуту, происходит, разрастаясь ежедневно с большею силой, мятеж бенгальских бабу́! Но последствия первого *митинга* англо-индийских плантаторов и лавочников в калькуттской городской ратуше, после того как им сделался известен так называемый *Ilbert's bill*[1488], не ограничились одними общими столкновениями и невинною перебранкой. Законное и весьма достойное уважения желание лорда Рипона, прозванного теперь «бабу́ Рипон», оказать, наконец, самую простую справедливость туземцам, предоставив их образованным, состоящим на коронной службе судьям одинаковые с английскими судьями права, вызвало неслыханную и никем неожиданную бурю со

Клейву[******] с преданностью 10-го легиона Юлию Цезарю[*******] и старой гвардии Наполеону; далее автор повторяет сделанное тем же историком сравнение индусских сипаев с солдатами Морица Саксонского[+] и слова лорда Корнвельса[++], порицающие английских солдат, и его похвалу индусам: *«Бригада наших сипаев способна сделать кого угодно императором Индостана»* и т.д. (см. Kaye's *Life of Cornwallis*, стр. 75)[+++].

«Черный акт» (*The Black Act*)[++++], стесняющий свободу печати отменен, и англичане *volens nolens*[+++++] проглотили горькую правду. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] министерством иностранных дел (*англ.*).

[**] горе побежденным (*лат.*).

[***] Билль Илберта предлагал поправку к существующим законам, предоставлявшую магистратам и судьям индийского происхождения право судить английских подданных. Этот законопроект повлек акции протеста со стороны англо-индийцев, и в случае его принятия однозначно привел бы Индию к кровавой войне между англичанами и коренным населением. В конце концов, билль провалился, он был принят в сильно компромиссном виде.

Кортни Перегрин Илберт (1841–1924) – британский юрист и государственный служащий, служивший юрисконсультом в совете вице-короля Индии (1882–1886).

[****] Битва при Плесси (*англ.* Battle of Plassey) – сражение у берегов реки Бхагиратхи в Западной Бенгалии, в котором 23 июня 1757 г. британский полковник Р.Клайв, представлявший интересы Британской Ост-Индской компании, нанес сокрушительное поражение войскам бенгальского наваба Сирадж уд-Даула, на стороне которого выступала Французская Ост-Индская компания.

[*****] Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – британский государственный деятель, историк, поэт, прозаик.

[******] Роберт Клайв (1725–1774) – британский генерал и чиновник, утвердивший господство Ост-Индской компании в Южной Индии и Бенгалии.

[*******] Гай Юлий Цезарь (100–44 до н.э.) – древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

[+] Мориц Саксонский (1521–1553) – курфюрст Саксонский с 1547 г., полководец.

[++] Чарльз Корнуоллис (Cornwallis, 1738–1805) – британский военный и государственный деятель, генерал-губернатор Ост-Индской компании и главнокомандующий британскими войсками в Индии (1786–1793, 1805).

[+++] *Kaye J.W.* Lives of Indian officers. Vol. I. London, 1867. P. 75 (*Кей Дж. У.* Жизнеописание индийских офицеров. Т. I. Лондон, 1867. С. 75).

[++++] «Черный акт» – закон Vernacular Press Act от 14 марта 1878 г., принятый с целью подавления свободы национальной печати в Индии, которая, по мнению английских властей, вела бунтарскую пропаганду против правительства. По этому закону для газет на местных языках предусматривалась предварительная цензура в полиции. Закон был отменен в 1881 г.

[+++++] волей-неволей (*лат.*).

[1486] В сражении при Корегаоне (*англ.* Koregaon, Korigaum) 1 января 1818 г. войска пешвы Баджи Рао II потерпели окончательное поражение от британских войск.

[1487] *History of Rajasthan*, Vol. I, p. 74. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 74.

[1488] билль Илберта (*англ.*).

стороны *non-civilians*[1489], то есть вышеупомянутых, не состоящих на гражданской и военной службе плантаторов и спекуляторов. За последними, кто секретно, а кто и открыто, последовали чиновники и офицеры. Посыпались градом на ничем неповинных бабу́ такие оскорбления и насмешки, что надо быть положительно *индусом* и иметь терпение самого кроткого мула, чтоб ежедневно и ежечасно глотать их, еле отвечая на них, придерживаясь пока только оборонительной системы. Но ураган все усиливается. Он перешел сперва из Калькутты во все города и местечки Бенгалии, а теперь нет того города и деревни, которые не откликнулись бы на вопли оскорбленных бабу́. Дело уже дошло до парламента. В газете *Englishman* за подписью (псевдоним) «Чау-Чи-Чфу» появилось якобы объявление: «Требуются несколькими европо-азиатскими семействами большая партия водоносов, парашников, кучеров, *подметальщиков у мясников* etc.; никто, кроме бенгальских бабу́, не получит этих мест. Объявители предпочитают отставных коллекторов, судей и коронных адвокатов» и т.д. в этом роде. Тогда бешенство оскорбленных бабу́, да и всей нации, дошло до последних пределов и они стали отвечать такими же оскорблениями. В парламенте г. О'Доннел[1490], один из вожаков ирландской партии, обратил внимание палаты на это страшное, «незаслуженное оскорбление»; помощник секретаря, г. Кросс[1491], отвечал, что он читал этот «бесчестный пасквиль», что англо-индийскому правительству уже послана инструкция и что *Englishman* будет, вероятно, привлечен к суду за разжигание страстей посреди рас и без того уже взаимно враждебных. Не тут-то было, бедный «бабу́ Рипон», заварив кашу, сам не знает, как ее теперь расхлебывать. Это внушение без всяких последствий только разожгло еще более наших бабу́. Вот уже более трех месяцев как издания ежедневные, еженедельные и ежемесячные наполнены только этим. Несчастного раджу Шиву Пфасада[1492], который осмелился сказать несколько слов в вице-королевском совете против *билля*, сожгли и все еще жгут (*in effigies*[1493], конечно, то есть манекен его) во всех городах Индии. Всюду *митинги-монстры*[1494], протесты, адреса[1495] и пламенные спичи. Стон и гул стоят столбом над Индией. Туземная печать в первый раз со дня ее существования поднялась как один человек, а в англо-индийском лагере поднялись, в подмогу мужьям и братьям, амазонки, *мэм-саабы* и *мисси-биби*. На шесть тысяч собранных подписей под ходатайством англо-индийского прекрасного (но презлющего) пола в «дамском адресе королеве» *против* билля туземки отвечают «адресом» к ее величеству *за* билль за подписью 300000 имен. Они протестуют в то же время против систематического ряда оскорблений подданным ее величества.

Но все это лишь к вопросу о *билле*. Во время самого разгара дела о нем вдруг приключилась еще хуже оказия, о которой, конечно, все наши читатели узнали уже из газет. Это дело выходит еще посерьезнее, и чем оно кончится, одному Провидению известно. Из-за копеечной свечи Москва сгорела, а из-за старого каменного идола, *шалиграмма*, горят сердца неугасаемою ненавистью к англичанам у всех индусов, как верующих, так и неверующих[1496]. Это оскорбление уже не политического, а чисто религиозного характера, против которого воспламенились даже такие неверующие *настики*, как наш бабу́. «Дело не в том идоле, – говорят они, – а в оскорблении целой нации». Судья высшей инстанции Норрис, разбирая какую-то ссору из-за владения вышереченным идолом, приказал его принести в судебную камеру, как он теперь объясняет, с согласия обеих сторон. Но в глазах всей нации такое действие оказалось неслыханным, нестерпимым. Туземные газеты разделили внимание между биллем и идолом. Восстали все пандиты, брамины, шастры[1497]. Грозно поднялась армия йогов, саньязи и всей монашествующей и

[1489] негражданских (*англ.*).

[1490] Фрэнк Хью О'Доннелл (O'Donnell, 1846–1916) – ирландский писатель, журналист, политик.

[1491] Джон Кросс (1832–1887) – британский политик, заместитель генерального секретаря по делам Индии (1883–1885).

[1492] Раджа Шива Прасад (Raja Shivaprasad, 1823–1895) – индийский историк.

[1493] In effigy (*англ.*) – сжечь чье-либо чучело на политической демонстрации.

[1494] Monstration (*фр.*) – демонстрация.

[1495] Адрес – заявление известного числа лиц или целого объединения или корпорации.

[1496] Учитель К.Х. писал А.П.Синнету в августе 1883 г.: «Благодаря идиотски несвоевременному "законопроекту Илберта" и еще более идиотскому делу об оскорблении "Saligram-Surendro", возбуждение довело население Индии до грани саморазрушения» (Письма Махатм. М., 2013. С. 663).

[1497] Ученые урамины, знающие *на память* все шастры, Пураны и Веды. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

нищенствующей братии… Правительство испугалось не на шутку. Но если, по пословице, англичанину все сходит с рук, то уж у англо-индийца «сам черт, должно быть, детей качает»[1498]. Успокоились дня на два обещанием не повторять подобного оскорбления, как вдруг неожиданно грянул гром в третий раз. Редактор журнала *Bengali* оскорбил-де высший суд печатным словом, порицая действие судьи Норриса и доказывая, что он по закону не имел никакого права вызывать в суд почтенного идола и тем осквернять святыню. Норрис обиделся «за величие и неприкосновенность суда», как уверяют англо-индийские газеты, и «захотел отомстить в лице образованного и влиятельного туземца всей Индии», по уверению туземных передовиков, тут же выведших судью на чистую воду, показав, как он бросил шляпу вверх на митинге против билля и ругал туземцев. Редактора, бабу́ Сурендро-Нэфа Баннерджи[1499], осудили на два месяца в тюрьму. Что̀ произошло после этого и рассказать невозможно. Бабу́ сделался в 24 часа героем буквально всей Индии. Он «мученик за нашу матерь Индию»; он «страдает за целый народ и *за трусость всех*» прочих и т.д. Из всех городов Индии шлются адреса соболезнования и собираются огромные суммы для «мученика». Приготовляются *миллионы* подписей (буквально) для подачи в парламент прошения, и послано уже в Лондон несколько адвокатов и ораторов…

Чем все это кончится и как? Великий тот политик, скажу более, пророк, кто сумеет поднять в этом случае завесу будущего. Все зависит от сердца Индии, Калькутты, а ведь хотя и совестно, и горько заклеймить одним почерком пера целую шестидесятимиллионную нацию, но правда заставляет меня откровенно сказать, что за несколькими исключениями бенгальские бабу́ не люди, не мужчины, а какие-то сдобные пироги на кокосовом масле. Поднялись дрожжи, пришли во временное движение, а там опять упадут и будут себе киснуть еще целое столетие…

Но, Боже мой, куда это я зашла, в какой заблудилась дали! Трудно, описывая прошлое, не остановиться на настоящем, особенно, когда дело идет о народе, полном превосходных качеств, с сердцем незлобивым, как у ребенка, и с головой мудреца, но зато сбродливом и столь же испорченном теперь, как тот же ребенок, не баловством, а жестокими побоями непрошенной и нелюдимой мачехи… Перейду снова к *верованиям* этого странного, совершенно исключительного народа.

Невозможно передать и части рассказов школьного учителя и джата о способности индусских духовных *ego* получать и отдавать взаимно визиты и хозяйничать в чужих телах. На это потребовалась бы особенная книга с приложением избранных рассказов из *Барона Мюнхгаузена*. Впрочем, будучи упитана в продолжение четырех лет подобными повествованиями с указанием при каждом на *факты*, то есть *чужих людей с живыми в них душами* (sic), последнее непочтительное замечание пишу, быть может, совсем не *я*, а только мои европейские *ножны*. Иногда у меня идет голова кругом, мутится в мозгу и я перестаю даже сознавать и перепутываю собственную личность. При таких необычайных рассказах я не решалась заявлять о себе мысленно, что я – точно *я сама*, а не (как в одной из историй Марка Туэна[1500]) мой собственный брат-близнец, утонувший возле меня в ванне[1501]… Мы просидели, таким образом, от восьми часов вечера далеко за полночь на веранде, слушая один рассказ за другим, один другого необычайнее!..

Наконец, наши гости попросили позволения уйти. Мы лишь тогда вспомнили, что сами виноваты в продолжительности их визита: *мы забыли попросить их убираться*! В Индии, если хозяин не позаботится отправить гостей вовремя (европеец фразой: «надеюсь, что скоро снова зайдете», а туземец предложив жвачку бетеля и оросив гостей розовою водой), то посетители из учтивости готовы остаться у вас целую ночь. Это пренеприятная обязанность, и первое время она нас сильно конфузила. Теперь же мы попривыкли и находим этот обычай даже весьма удобным,

[1498] Отсылка к пословице: у богатого черт детей качает.

[1499] Сурендранатх Банерджи (Surendranath Banerjee, 1848–1925) – индийский политический и общественный деятель.

[1500] Марк Твен (Twain, наст. имя Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, 1835–1910) – американский писатель, журналист и общественный деятель.

[1501] Речь идет о новелле М.Твена «Разговор с интервьюером».

тем более что подобная деликатная задача не требует здесь даже и Демьяновой ухи[1502]. Напротив, гости сами несут приношение в виде плодов, сладких снадобий и цветов, а от угощения убежали бы без оглядки: строгие законы неумолимой касты не позволяют им дотронуться даже до стакана воды. Когда же подают воду европейцу в доме индуса, стакан либо другая какая посуда как навеки осквернённая разбивается тут же вдребезги. Учтивый европеец всегда сам разобьет ее.

Гости наши уже собирались уходить, как полковник, упрямый и задорный в спорах как истый янки, смеясь, снова заметил джату и школьному учителю:

– Благодарю вас за посещение и доставленные сведения. Только уж извините, а мне что-то все-таки не верится, чтобы душа живого человека могла завладеть по одному желанию и капризу чужим телом.

– Да мы и не утверждаем, что может сделать *всякая* душа, а только *маяви-рупа* (тело иллюзии, *perisprit*[1503]) посвященного йога.

– В могущество их и тайную силу вполне верю, – перебил он уже серьезнее. – Верю потому, что лично убедился во всем этом по приезде в Индию. Но чтобы душа даже самого сильного адепта, и будь у него семь пядей во лбу, могла по усмотрению переселяться в другое тело, – не могу поверить! Ведь этак вы делаете из них чистых оборотней!.. Этак, пожалуй, каждый *йог* способен оборачиваться, как в сказках наших краснокожих, в крокодилов, кошек, лягушек… Это черт знает что̀ уж такое!..

– Не спорьте, полковник, – заметил доселе молчавший Нараян. – Не спорьте; вы не можете знать, до чего может доходить… *их* могущество и до…

– Да ведь на все есть границы! – перебил наш президент с ноткой досады в голосе. – Ну вот наш Такур, например… Я верю в его науку, глубокие познания и психическую силу, как верю в собственное существование… Неужели же мне поэтому верить и в то, что, воспользовавшись телом дохлой крысы, он способен перелезть и в нее?.. Тьфу, какая гадость!

И он даже плюнул, причем я вспомнила почему-то У*** и его спор с Такуром на берегу озера.

– Оборачиваются в крыс и тигров одни *джаду*, колдуны да тибетские *дугпа* и шамары, – почти гневно воскликнул, сверкая глазами, Нараян. – Великий сааб никогда не снизойдет до этого!.. Но если б он и захотел так сделать, то… конечно…

Тяжелый шум могучих крыльев в двух шагах от нас внезапно прервал Нараяна на полуслове. Он весь задрожал и устремил пристальный взгляд в угол веранды. Великолепный павлин, разбуженный, вероятно, громкими голосами спорщиков, слетел с крыши и, тяжело опустившись на землю, стоял пред Нараяном, чванливо распустив пышный веер хвоста…

Полковник расхохотался во все горло…

– Уж не думаете ли вы, мой бедный Нараян-джи[1504], что в этом павлине сидит наш Такур?.. Пожалуй, вы готовы уверить и себя и нас, что Гулаб-Синг нарочно оборотился в павлина, чтоб остановить ваши нескромные раскрытия его могущества!.. Ха, ха, ха!..

Наш президент катался со смеху, но Нараян и не улыбнулся. Мы заметили с удивлением, что даже бабу́ оставался серьезным. Прочие, видимо, напускали на себя вид равнодушия и развязности, которой не чувствовали. Один толстый учитель сопел, осклабляясь и стараясь уже несколько минут ввернуть словцо. Наконец, ему удалось воспользоваться минутным затишьем, и он многозначительно откашлялся.

– Вот полковник-сааб не верит нашим рассказам о переселении душ из одного живого тела в другое… А ведь пред ним находится, если верить всей Индии, живой, так сказать, пример, – громко заговорил он. – Спросите, кого хотите, и всякий вам скажет, что в *молодом* Такуре Гулаб-Лал-Синге сидит душа старого владетельного такура, деда его, и что он…

Полковник и я навострили уши и слушали, стараясь не проронить ни одного слова.

[1502] Демьянова уха (*ирон.*) – то, что назойливо предлагается, навязывается кому-либо в большом количестве; впервые встречается в басне И.А.Крылова (1769–1844) «Демьянова уха», в которой повествуется о том, как Демьян потчует своего соседа Фоку ухой, настойчиво предлагая ему съесть еще и еще, хотя тот уже сыт.

[1503] Перисприт (*фр.*) – эфирный или астральный двойник человека.

[1504] При уважительном обращении к человеку в Индии прибавляется к имени приставка «джи».

– Доканчивайте же!.. – нетерпеливо воскликнул наш президент внезапно смолкшему и как бы что-то соображавшему учителю.

– Что такур… еще при жизни…

Но нам, видно, не суждено было услышать конец этого интересного сведения. На крыше над нашими головами внезапно раздались резкие звуки пав, и что-то свалилось к ногам снова было присевшего учителя, шлепнувшись с глухим стуком о каменный помост. В полутемноте и прежде, нежели мы могли разглядеть образ этого нового явления, тучный педагог подскочил с упругостью мячика на стуле и тут же развалил его в куски, чуть не развалясь сам вместе с ним. Удержавшись как-то на ногах, он отскочил в сторону и заорал высокою, испуганною фистулой.

– Кобра, кобра!.. Берегитесь… кобра!..

Наш маленький бабу́, веривший столь же мало в Законы Ману, запрещающие убиение какого бы то ни было живого существа, от тигра до клопа включительно, как и в оборотней, бросился тут же с быстротой обезьяны на помощь своему соотечественнику. Вырвав у него из рук тонкую бамбуковую трость, он схватил змею, вероятно, более нас испуганную, одною рукой за хвост, а другою, вооруженною гибкою тростью, разом перебил ей спинной хребет, затем наступил ей толстым башмаком на голову и доконал хлыстом. Во рту у неприятной гадины мы нашли павлинье яйцо, которое нам и объяснило как визит павлина-оборотня, так и появление кобры. Забив рот яйцом, которого кобра не могла сразу проглотить, и, вероятно, почувствовав себя бессильною пред атакующими павлинами, она со страху свалилась с крыши.

Мы посмеялись над суеверием Нараяна и Мульджи и, простясь с гостями, вошли в нашу столовую. Воспользовавшись нашим отсутствием, *придворная челядь*, пожелавшая, вероятно, заслужить на другое утро ожидаемый здесь даже царскими слугами *бакшиш*, постаралась привести в порядок комнаты. Главная уборка их состояла в том, что биллиард закрыли старым ситцевым и дырявым одеялом, а картины Дельи порасставили по столам и окнам. Особенно бросалась в глаза одна из них, приставленная к висящему против входных дверей зеркалу на стоящем под ним столе. Наш почтенный президент машинально подошел к ней и, приподняв очки на лоб, стал рассматривать многочисленные фигуры изображенного дурбара при свете стоявшей на столе большой лампы. В ожидании, пока он окончит обозрение, я села у окна, сильно усталая и позевывая.

Все было тихо кругом. Бертпур спал, наши товарищи ушли, спали и павлины на крышах, успокоясь после произведенной тревоги. Не спали одни мы да Нараян, все еще сидевший понуря голову на ступеньках веранды. Он никогда не ложился ранее нас и был готов к нашим услугам во всякое время дня и ночи. Поступал ли он так вследствие желания Такура или по своей доброй воле, нам не удалось узнать. Но с самого дня нашего выезда из Бомбея, как только раздавалось в комнате или палатке полковника могучее храпение нашего добродушного начальника, Нараян ложился поперек дороги, ведущей в двери моей временной опочивальни, и не трогался оттуда до утра. Счастливый народ в этом отношении индусы! Они находят себе комфорт повсюду, от вершин Гималайских до раскаленной почвы равнин Индостана. Самый богатый раджа ни за что̀ не согласится спать на кровати. Кусок ковра и постель готова. И климат кажется им нипочем. Кисейная *дотти*[1505] да рубашка, голые от колен ноги, босиком и такой же полуголый бюст – вот костюм их во все сезоны и во всех климатах. Приехавшие со мною в Дарджелинг индусы – бенгальцы и мадрасцы – в октябре месяце прошлого года как одевались на палящих берегах Хугли[1506] в Калькутте, так и остались, не прибавив и лоскутка к костюму в Сиккиме, где я коченела от холода и сырости, дрожа под шубами и одеялами. Для них 8000 фут[ов][1507] над уровнем моря или 3 вершка[1508] над его уровнем[1509] не составляют никакой разницы; и они

[1505] *Дотти* – кусок кисеи в 8 или 10 аршин* служит мужчинам вместо шаровар, а женщинам – вместо юбки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* 5,7–7,1 м.

[1506] Хугли – река в Индии, один из рукавов Ганга.

[1507] 2440 м.

[1508] 13 см.

[1509] Самая высокая местность Калькутты – улица Клайва, во время мелководья всего 27 футов* над морским уровнем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

купались по два раза в день в полузамерзших, ледяных струях горных потоков с таким же наслаждением, как и в нагретой воде своих священных *танков* на равнинах Бенгалии. И никогда ни один из них не заболел даже насморком. На мой вопрос и просьбу разъяснить мне эту тайну неуязвимости они смеялись, уверяя, что это очень просто: «Вы, белые саабы, моетесь мылом и натираете тело разными ядовитыми эссенциями, а нас с первого дня рождения наши матери натирают после мытья кокосовым маслом, и мы продолжаем эту операцию каждое утро в продолжение целой жизни нашей. Все поры нашего тела пропитаны и наполнены веществом, которое не допускает ни сырости, ни холода внутрь организма…» Предоставляю физиологам и аллопатам судить о правильности или неправильности этого воззрения. Последние нам, вероятно, ответят, что это вредный обычай, что масло не пропускает естественных испарений и т.д. Быть может, но наши деликатные *grandes dames*[1510] могли бы позавидовать коже (если не цвету) последнего кули или простой мужички Индии. Эта кожа мягче и нежнее всякого атласа и бархата, а вместе с тем, как видно, и не подвержена, подобно нашей, простудам.

Вдруг загорланили где-то несколько петухов.

– Идите спать, Нараян, – обратилась я к сидевшему на ступенях махрату. – Слышите, джатские петухи уже запели. Полковник, отправляйтесь и вы... Вы мешаете Нараяну ложиться, – добавила я, вставая. – Покойной ночи, саабы…

На мое учтивое прощание не последовало никакого ответа, и я с удивлением обернулась к полковнику. Он стоял на том же месте с картиной в руках, полуобернувшись ко мне спиной, и был до такой степени углублен в созерцание дурбара, что, наклоняясь низко над лампой, не замечал, как одна лысина спасала его волосы от неминуемого сожжения.

– Чтò с вами, полковник?.. – снова спросила я. – Заснули вы, что ли, над лампой?.. Господи! Да чтò ж вы не отвечаете?.. Чтò с вами такое?..

И я бросилась к нему с непритворным испугом. В голове моей промелькнула мысль о «ножнах», «оборотнях» и разных других чудесах Индии.

Взглянув ему в лицо, я еще более испугалась. Красный как вареный рак, с белыми пятнами по лицу, с которого катились крупные капли пота, он стоял похожий на статую ужаса. В его широко раскрытых глазах ясно читался страх, изумление и какая-то беспомощная растерянность… Я заметила, что он держит картину рисунком вниз и что его полный ужаса взгляд устремлен на его оборотную сторону.

– Да чтò же вы видите, наконец, такого ужасного на обороте этого пергамента?.. – продолжала я, потрясая его изо всей силы за руку. – Да скажите хоть слово!..

Мой почтенный президент испустил нечто вроде слабого мычания и пальцем левой руки ткнул в написанную золотом на языке урду надпись; незнакомая с закорючками этого диалекта, я ровно ничего не поняла.

– Чтò же тут написано?.. Скажите!

Вместо прямого ответа он прошептал слабым голосом:

– Нараян!.. Нараян!.. Идите сюда!..

В одну секунду наш верный спутник стоял возле нас и смотрел на него с таким же удивлением, как и я сама.

– Я не очень хорошо знаю эти буквы… Я, быть может, ошибаюсь… Прочтите, Нараян, мой сын, прочтите, – тихо шептал он слабым голосом.

– «Дурбар Шах-Алума[1511]. Передача его величеством падишахом Бенгальского деваунии[1512] Ост-Индской компании, а также провинций Бехара[1513] и Бриссы[1514]… Встреча раджпутских

---

[*] 8,2 м.

[1510] знатные дамы (*фр.*).

[1511] Шах Алам II (Shah Alam, 1728–1806) – падишах империи Великих Моголов (1759–1806).

[1512] Дивани (*англ.* diwani) – право управлять территорией и собирать налоги.

[1513] Бихар (*англ.* Bihar).

[1514] Орисса (*англ.* Odisha).

послов… примирение… по воле благословенного пророка Магомета… после горького поражения при Патне[1515] в 1173 году. Писал Ахмед-Дин 1177 года».

– Чтò ж в этом такого страшного?.. И нам-то чтò до их несчастия? – спрашиваю я.

– Нам-то чтò? – почти закричал полковник. – Нам?.. Нам?.. А вот сейчас увидите что!.. По геджре это ведь 1177 год, не так ли?

– Кажется, что так, – отвечал, глядя на него с изумлением, Нараян.

– Ну, а 1177 год геджры, каким будет годом по нашему европейскому летосчислению?

Нараян, подумав с минуту, отвечал:

– 1765 год, кажется; то есть около 114 лет назад…

– 1765 год! Сто четыр-над-цать лет! – прокричал, сильно напирая на каждый слог, побагровевший полковник. – Да? Ну так смотрите же оба, узнавайте… называйте!.. А затем мне остается одно: приказать посадить себя в сумасшедший дом!..

Быстро выхватив картину из рук Нараяна, он перевернул ее рисунком вверх и, указывая на стоящую возле падишаха фигуру, прошептал хриплым голосом:

– Смотрите… Вот, вот *он*… Несомненно *он*… Да и разве есть по всем мире другой такой? *Он*!.. – повторял он, указывая пальцем.

Мы взглянули, и, признаюсь, от такой неожиданности у меня захватило дух и кровь похолодела… Картина сильно заколыхалась в руках Нараяна.

Пред нашими глазами между 70 или 80 фигурами придворных мусульман и браминов у трона падишаха стоял, несомненно, образ Такура Гулаб-Синга!.. Действительно, по выражению полковника, разве есть во всем мире другой, похожий на него – *он*! То был портрет его двойника, если не его самого. Не говоря уже о том, что громадный рост фигуры возвышал ее на целую голову над остальными фигурами, то было единственное в картине изображение, совершенно свободное от раболепной позы всех прочих придворных. Офицер-англичанин еле выдвигался из-под локтей великолепных усатых сердаров, и ненависть живописца оттеснила его совсем на задний план. Одна фигура того, в ком мы все разом признали Гулаб-Синга, возвышаясь высоко над толпой, бросалась в глаза своею горделивою осанкой. Даже поза была его, ему одному свойственная поза: он стоял, сложив на груди руки и спокойно глядя чрез голову придворных в пространство. Лишь костюм был иной. Раджпутский тюрбан с султанчиком из перьев, стальные до локтей перчатки, род панциря, несколько кинжалов у пояса да щит из прозрачной носороговой кожи у ног… Но длинные, волнистые волосы, борода, лицо, рост не оставляли никакого сомнения, что то был он, наш таинственный и неразъяснимый покровитель…

– Да ведь это же невозможно, это непостижимо!.. – прервал, наконец, молчание все еще сильно смущенный полковник. – Ну как тут что-нибудь понять?.. Человеку на вид нет и сорока лет, а портрет его является на картине, написанной за сто лет тому назад!..

– Вероятно, это… портрет деда его!.. – пробормотал, будто извиняясь за Такура, Нараян.

– Деда? – презрительно передразнил наш президент. – А почему же не вашего или не моего деда?.. Разве бывает такое, даже фамильное сходство!.. Нет, нет… Не деда и не прадеда, а его самого… Я начинаю, однако, бредить, – спохватился полковник, – действительно, если картина не подлог, то ведь это… *невозможно*!.. Скажите, – вдруг обратился он ко мне комически умоляющим голосом, – скажите мне… ведь это невозможно… нет?..

– Не знаю, полковник… Вот уже несколько дней, как я начинаю терять способность даже и думать. Кажется, что… Но не спрашивайте меня, спросите лучше его самого… если осмелитесь, – добавила я мысленно и сама не зная почему рассердясь на бедного полковника.

– Нет, нет… Это невозможно, – продолжал он рассуждать как бы про себя, – невозможно!.. Поэтому прекратим этот разговор.

[1515] Речь идет о битве при Буксаре – сражении, произошедшем 22 октября 1764 г. у городка Буксар (в 120 км от Патны) между семитысячным отрядом Британской Ост-Индской компании и объединенными силами Шаха Алама II и навабов Бенгалии и Ауда. Несмотря на подавляющее численное преимущество, битва обернулась тяжелым поражением для индийских правителей. После этого поражения Патна перешла в руки Британской Ост-Индской кампании. Патна (*англ.* Patna) – город в северной части Индии, порт на реке Ганг, в наше время административный центр штата Бихар.

– А быть может и действительно это [портрет] его деда, – заметила я. – Вспомните, что нам начал было рассказывать про него инспектор школ. Только ведь он говорил…

Меня просто покоробило от взгляда, брошенного на меня Нараяном. При первых же словах он взглянул на меня с таким жгучим и вместе страдальческим укором, что я почувствовала, как у меня остановились слова в горле.

Но и простой намек уже оказал свое действие.

– Праведное небо, а я было и забыл!.. – воскликнул, хлопнув себя по лбу, полковник. – Да только ведь этак задача делается еще труднее… Подумайте только, – продолжал он как бы про себя и соображая, – если Такур и его дед…

– Довольно! – объявила я решительно. – Если вы действительно уважаете его, не забывайте, что̀ он нам многократно советовал: не слушать разных про него толков и не стараться узнавать что̀ бы то ни было про него. Я, по крайней мере, настолько чувствую к нему уважения, чтобы нейти против его желания. До завтра, господа!

Я вошла в свою комнату и опустила парду (портьеру). Чрез несколько минут все умолкло в соседней комнате, а чрез четверть часа уже стало раздаваться знакомое всхрапыванье с присвистом…

Что̀ это, виденье, действительность или просто фантазия, сон?.. Духота страшная, и я не могу уснуть. Огромная *панка*[1516], мерно колыхаемая двумя кули на веранде, вместо прохлады навевает лишь нестерпимую жару. Словно пышет в лицо горячий воздух из духовой печки!.. Я не сплю, это верно. Вон моя *айя* (горничная)[1517], свернувшись клубочком, как черная кошка, спит на циновке у подножия кровати… Вот мое солнечное *топи*, свалившись на пол, раскатывается взад и вперед колыханием панки… Нет, я не сплю… Так что̀ же это, почему мне кажется, будто я начинаю видеть сквозь толстую циновку двери и различать в темноте все предметы, мебель, спящего или, по крайней мере, лежащего поперек дверей Нараяна и даже оставленную полковником на столе дурбарную картину?.. В соседней столовой делается все светлее, словно ее освещала выплывавшая из-за черных туч полная луна. Кто это?.. Неужели Такур?.. Но ведь он в Диге! Вот он тихо и неслышно подходит к спящему Нараяну и дотрагивается до его плеча. Нараян вскакивает, и я вижу, как он простирается пред *маха-саибом*, прикасаясь сложенными ладонями к его ногам… Такур простирает руку к картине и, вся зардевшись миллионами словно электрических искр, она мгновенно исчезает из моих глаз… Все начинает путаться, стушевываться, и я открываю глаза только утром на зов моей *айи*, которая тихо и с бесконечными *саламами* будит меня, говоря, что карета готова и *корнел-сааб* (*Colonel-Sahib*)[1518] ожидает только меня.

«Какое странное, но удивительно ясное сновидение!..» – думается мне, пока я сажусь в золоченую, присланную нам деваном карету.

[1516] В каждой спальне в Индии над кроватью и чрез всю комнату протянута доска с широкою, густою оборкой, а напротив кровати отверстие в стене, чрез которое протянуты приводящие панку в движение веревки. Кули колышут ее целую ночь. Иначе каждый европеец должен задохнуться. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1517] Āуа (*хинди*).

[1518] полковник-сахиб (*англ.*).

II

Из Бертпура в Диг дорога, гладкая и ровная, пролегает пыльною лентой среди бесконечных степей и луж. Наша золоченая карета времен царя Гороха, за которой следовала длинная вереница *джаток*, увлекаемых рысистыми бычками-карликами, летела вперед с гиком и криком кучеров и скороходов. Эта процессия очень напоминала путешествие «Кота в сапогах» по владениям маркиза Карабаса. Как в сказке Перро, завидя издали наш торжественный поезд, окруженный почетною стражей (читай, полдюжиной разбойникообразных джатов на клячах с пиками, значками и щитами), мирные, встречаемые на пути поселяне простирались пред нами в прах, пугливо сторонились и оказывали всевозможные почести. Так ехали мы часа два по пустынным местам без малейшего признака растительности, окруженные со всех сторон болотами, канавами да солеными озерками. Наконец, мы подъехали к гигантским воротам Дига, справедливо прозванного «Бертпурским оазисом».

Внезапная перемена декорации! Как бы по мановению волшебного жезла возник пред нами среди выжженных полей да покрытых вековою тиной болот заколдованный замок-крепость с башнями, теремами и висячими садами Семирамиды.

Мы въехали в полуразрушенный городок, если можно так назвать дюжины две каменных башенок, и стали подыматься к крепости. Городок приютился под сенью величественного памятника глубочайшей древности, столь глубокой, что ум современных летописцев, теряясь во мраке недосягаемого доисторического прошлого, отказывается определить его начало.

Древние названия Дига: «Дираг» и «Диргпура» упоминаются часто в *Сканда-пуране* и в IV главе *Багват-махатмы*[1519]. Диг, то есть старый, доисторический Диг, лежащий прахом под нынешним, древнее Лакнàу[1520], бывшей «Лакшанавати» седой старины, столицы царя Лакшмана, брата Рамы, построенной *шестьдесят веков* назад, объяснил нам Нараян, наша ходячая энциклопедия.

Современный Диг «основан джатами, пришлецами-*скифами* из далекого севера», говорят англо-индийские историки. Диг, по народному поверью, выстроен пришедшими вместе с джатами колдунами, которые и соорудили бывшее мощное укрепление с его волшебным зàмком и прелестными садами – *в одну ночь*. Как все выстроенное на такую скорую руку, Диг, невзирая на его непроходимые, наполненные водой рвы и недоступность его в продолжение девяти месяцев в году своим, как и чужим, впрочем, оказался *майей*, иллюзией, пред рыжеволосыми завоевателями. Во время разлива рек и сотен озерков бертпурских степей целый океан образуется вокруг городка, и в такое время он, действительно, недоступен неприятелю. Но англичане хотя и посидели у моря, а все же дождались погоды: в декабре 1804 года генерал Фрезер осадил и взял Диг штурмом, затем, разорив укрепления дотла, великодушно возвратил «оазис» джатскому радже. Теперь от крепостных стен не осталось и камня на камне. В одном углу к юго-востоку торчит *Шах-Бурдж* новейшего Дирага. Это огромная скала, пространная площадь коей окружена теперь вместо укреплений зеленою изгородью, но все еще сохранила по одному бастиону в каждом из своих четырех углов. Впрочем, внутри высоко воздымающегося воздушного сквера остались от укреплений три стены в 21 фут[1521] толщиной, говорящие и поныне о своем славном прошлом. В западном углу «крепости» дворец раджи с его роскошным садом, священными павлинами и фонтанами. Этот дворец с садом и составляют главную приманку для туристов.

Современные путешественники решили в один голос, что за исключением «Тадж-Махала» в Агре «Дигский» дворец – великолепнейшее здание в Индии: те же мраморные громадные залы со стенами, выложенными мозаикой из дорогих камней; тот же стиль архитектуры в башнях; та же изумительная тонкость работы в кружевной резьбе белых мраморных балюстрад, террас и перил лестниц[1522].

[1519] Bhagavata Mahatmya.

[1520] Лакхнау (*англ. Lucknow).*

[1521] 6,4 м.

[1522] См.: Deeg // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 254.

Удивительный субъект англичанин как у себя дома, так и в своих «колониях»! При всей своей высокомерной чванливости и требованиях, чтобы, мол, считали его, Джон-Буля, наипервейшим представителем человеческой семьи, он даже еще не дошел до полного сознания всей верности аксиомы, заключающейся в его же народной пословице: «глупа должна быть птица, марающая свое гнездо»[1523]. Гордятся Индией, что̀ весьма справедливо, зовут ее «драгоценнейшим перлом в короне Великобритании», дрожат над нею, как скряга над сокровищем, а законных детей ее почвы, индусов, ненавидят, презирая и вместе страшась их хуже лютой мачехи! Бедные, злополучные брамины, горемычные шудры и вы, считаемые ниже всякой земной гадины, парии и прочие безкастники – кто от души не пожалеет о вас? Ехидная злоба индо-британцев распространилась не только на настоящие поколения индусов всех каст и племен, но как бы в своем ненасытном презрении к порабощенным потомкам изливает это низкое, мелочное чувство, величаемое ими будто бы в законное его оправдание «чувством расы» (*race feeling*), даже на их далеких праотцов.

Смешно и гадко становится, читая в *якобы ученых* сочинениях разных чиновников об Индии их замечания и выводы по части археологии. Авторы точно ищут унизить туземцев даже периода *Махабхараты*, указывая на них как на расу, совершенно неспособную к изящным искусствам. Нет-де между настоящими (забитыми и голодными) браминами такой творческой силы, стало быть, не могло ее быть и прежде, гласит логика этих «сочинителей», забывающая так кстати, что мы видим то же самое и в современных греках и даже в выродившихся римлянах. Вследствие этого, между сотнями грандиозных храмов, находимых еще ежегодно и доселе в непроходимых джонглях Центральной Индии, нет ни одной исторической руины, на которую англо-индийцы взирали бы как на произведение *чисто туземного* искусства. Там, где строил очевидно *не* могул (как, например, храмы, рассеянные по Раджпутане и Мевару), тотчас же отыскивается ловкая, хотя и ни на чем не основанная гипотеза о греках да итальянцах. В *Пуранах* упоминается о пленных «явани», которые употреблялись на работы победителями. «Они-то и есть создатели этих храмов». При этом забывается, что название «явани» давалось браминами не только грекам, ионийцам, но и другим иностранцам, между прочим, скифам. Все это не беда: то грек, видите ли, застрявший в Индии со времен македонян, который-де всенепременно строил храм Карли и даже древнейшие *вихары* Элефанты и Эллоры. Нет для такого заключения ни малейших данных; ему противоречат *Пураны*, как и прочие летописи, и все традиции Индии, даже *самые Законы Ману*. Непреложные и непреступаемые, они запрещают руке *млетчи*[1524] (нечистого иностранца, *не* брамина), точно так же как и руке поганого *парии*, прикасаться к малейшему камню из заготовленных для священной постройки. Иначе «в случае такого осквернения, читаем в [Законах] Ману, храм, хотя бы и почти оконченный, следует разрушить в той части, где к нему коснулась такая рука; материал предать очищению, а затем только продолжать постройку» (*Манава-дхарма* и *Васту-шастра*[1525]).

Но все эти доводы ровно ничего не значат пред лицеприятием и упрямством индофобов. *Пураны* все-де врут; Законы Ману написаны и подверглись *подделкам* браминов уже по завоевании Индии могулами и т.д. Словом, индусы, «ни древние, ни современные, никогда не могли создать ничего подобного этим чудесам архитектуры». Им ли, этим ленивым тунеядцам, возводить эти прозрачные, воздушные, как призрак, и крепкие, как скала, стены! Им ли когда было придумать планы этих теремов и дворцов, эти сквозные балюстрады, выглядывающие на синем небе Индостана, словно венецианское стекло на голубом атласе платья красавицы?.. И подлинно, где же им?..

Допустим, пожалуй, что не только «восьмое чудо света», *Тадж-Махал*, но что и все дворцы, памятники и пагоды, как и мечети Лакнау, Дельи и Северо-Восточных провинций, – все это строили могулы да беглые греки; что до этих единственных в мире по своему стилю и красоте зданий, подобных которым не найти ни в Греции, ни в развалинах древнего Рима, не прикасалась

[1523] It is a foolish bird that defiles (fouls) its own nest.

[1524] Мле́ччха (*санскр.* mleccha, «варварский») – термин, которым в Древней Индии называли представителей иных религий и культур. В Древней Индии термин млеччха имел схожее значение со словом варвар в Древней Греции и Риме.

[1525] Васту-шастра (*санскр.* vāstu śāstra, «наука строительства», «архитектура») – традиционная индуистская система архитектурного планирования и дизайна.

рука брамина. Но кто же строил, чья же рука резала на гранитных стенах храмов Эллоры и Джассульмера, пагоды джайнов *Урайдин-ка-Джаира*[1526] и других менее замечательных – эти каменные изваяния, совершенство рисунка которых и отделки приводят самих же англичан (тех, конечно, которые знают в них толк) в неописанный восторг и удивление? Такую работу мы видим только в произведениях Бенвенуто Челлини на серебре и золоте, но даже в Италии не найдется чего-либо подобного на граните или мраморе. Чьи же руки трудились над этими сверху донизу украшенными ваянием гранитными глыбами? Если не индусы, то «чародеи-йоги», должно полагать. При такой слепой ненависти англичане, припертые в угол фактами, скорее поверят, чего доброго, сказкам о «чародеях», нежели решатся отдать должную справедливость браминам.

Пусть вышесказанное относится только к тем памятникам, в украшения коих входят все боги и богини пантеона Индии – сюжеты столь противные мусульманам, считающим наравне с иудеями изображение какой-либо человеческой фигуры за величайшую «мерзость» и грех. Но ведь англичане[1527] найдут не менее затруднительным отрицать участие индусов в сооружении храмов и памятников даже и в «сарацинском» вкусе. Рабочие руки, трудившиеся над ними, принадлежали все-таки *туземным* артистам, а не пришлецам-могулам, а если греки что-либо и строили в Индии, то все же они строили по планам индусов, а не могулов, и вот именно почему:

Могулы, как всем известно, всегда были (в Индии, по крайней мере) великими артистами в делах разрушения и кровопролития, а изящными искусствами, хотя некоторые из калифов и покровительствовали им и знали в них толк, они не занимались. Испанские мавры да сарацины, построившие Альгамбру[1528], им не пример, хотя бы уж потому, что могулы, завладевшие Индией, вовсе не мавры или сарацины вроде просвещенного рыцаря Саладина[1529] и даже в громадной пропорции вовсе и не арабы, а просто праотцы по большей части нынешних героев-разбойников Кабулистана[1530] и Хиндукуша[1531], то есть варварские, только что к тому времени обращенные в ислам племена Средней Азии, да афганы и древние туркмены. В могулах Индии преобладает до сего дня чисто туранский и монгольский тип, и чтоб убедиться в этом, приглашаем наших противников взглянуть на мусульманское население от Бомбея до Северных провинций. Их мелкобородые (если не совсем безбородые) лица с выдающимися, как у калмыков, скулами указывают на полное в них отсутствие семитического элемента[1532].

От Магомета бин Кассима[1533], покорившего для калифа Омара II[1534] в 718 году по Р.Х. (в 99 году геджры) Синд, до конца царствования Аль-Мансура[1535] (775 год), то есть в течение более полустолетия, мусульман в Индии не было: они завоевали Синд и ушли. А последующие калифы были слишком заняты с западными христианами и каспийскими гуннами, чтобы думать об Индии. В те дни *настоящие* сарацины дрались и побеждали Родерика[1536], последнего гота Андалузии;

[1526] «Приют двух с половиной дней» – название, данное храму вследствие предания, что его строители *йоги-магики*, выстроив его в 60 часов, прожили в нем только два с половиной дня и затем скрылись. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Адхай-дин-ка-Джхонпра (*англ.* Adhai-din-ka-Jhonpra, Arhai-din-ka-Jhonpra) – мусульманская мечеть в Аджмере, возведенная на месте разрушенного древнего индуистского храма.

[1527] Как, например, архитектор-археолог Фергюсон и его почитатель Симпсон, художник и ныне корреспондент *Illustrated News* в Средней Азии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1528] Альгмбра – архитектурно-парковый ансамбль, расположенный в восточной части города Гранада в Южной Испании.

[1529] Саладин (1138–1193) – султан Египта, Сирии и др., полководец.

[1530] Кабулистан – исторический термин, относящийся к восточным территориям Великого (или Большого) Хорасана, который располагался вокруг современного Кабула (Афганистан).

[1531] Гиндукуш (*англ.* Hindu Kush).

[1532] В продолжение пяти лет мы постоянно расспрашивали знакомых магометан об их происхождении. Где бы ни встречался арийский или бледнолицый тип с правильными чертами, мы открывали в их праотцах *насильно обращенных могулами в ислам индусов*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1533] Имадуддин Мухаммад ибн аль-Касим ас-Сакафи (695–715) – арабский полководец, распространивший власть Арабского халифата до реки Инд и принесший ислам в Синд и Пенджаб.

[1534] Умар II (682–720) – омейядский халиф (717–720).

[1535] Аль-Мансур (714–775) – один из правителей Арабского халифата (754–775).

[1536] Родерих (?–711) – король вестготов, правивший в 709–711 гг.

дрались и были побеждаемы Карлом Мартелом[1537] в Туре во Франции, но в Индию в те времена они еще и носа не показывали. Как сказано выше, то были афганцы[1538], вообще народы Средней Азии (потомки коих разбойничают и поныне там), из коих составлялись армии калифов и которые затем и завладели Индией. А завладели они ею *окончательно* только в 975 году по Р.Х., то есть более 150 лет после того, как Гарун аль-Рашид[1539], современник Карла Великого[1540], подарил второму своему сыну, Аль-Мамуну[1541], Хорасан, Синд и Индостан. Тогда последний населился действительно *мусульманами*, только отнюдь не просвещенными сарацинами. Кроме царей, прямых потомков Магомета чрез багдадских калифов, все остальное могульское население, народ и армия, было отребьем ислама из Средней Азии[1542].

Так неужели же, зная все это, мы можем верить ориенталистам, которые стараются убедить нас, будто не индусы, а могулы да беглые греки трудились над этими чудесами искусства, что не потомки славных риши и целых поколений математиков, геометров и поэтов строили эти ни с чем несравнимые по оригинальности здания, а разбойничье племя Средней Азии, не имеющее и до сей поры ни малейшего понятия об искусствах? Там, где установился веками и преобладает чисто арабский элемент, ведь не строят же себе, как никогда и не строили, мусульмане таких гробниц, дворцов и мавзолеев, какие мы теперь находим в одной Индии? Нет ничего подходящего к Тадж-Махалу, гробницам Акбара, калифа Хумайюна, мечетям и дворцам Дельи, Лакнау и Дига ни в Персии, ни в современном Египте, ни в Сирии или в Багдаде, ни даже в полуобъевропеевшейся Турции. Пусть же теперь кто-нибудь взглянет на памятники и дворцы Южной Индии; на резьбу и скульптурные украшения храмов *Мадуры*[1543], Срирангама[1544] и других в Мадрасском президентстве; на пирамидальную глыбу Танджорской[1545] великой пагоды[1546], древнейшей в стране. Покрытая на 200 футов в вышину статуями – в двойной рост человека – богов, богинь и *аватар* с ее гигантским быком из черного гранита пред фасадом и скульптурными украшениями колонн и потолков, эта пагода считается «одним из лучших произведением искусства браманской Индии»[1547] (епископ Гебер). Не мусульмане ли и ее строили? Так пусть отрицатели всякого таланта в индусах проедут, как мы проехали, вдоль и поперек Раджпутаны, Мевара, Синда и Мальвы. Пусть взглянут они на это громадное пространство, засеянное буквально, как поле горохом, развалинами индусских храмов, крепостей и дворцов, а затем и решат, кто их строил. Здесь, в Раджпутане и Меваре, могулы долго не засиживались по той простой причине, что их здесь жестоко колотили не в пример другим народам Индии. Здесь-то уж они ничего не строили,

---

[1537] Карл Мартелл (686(688)–741) – майордом (старший сановник дворца времен Меровингов) франков (717–741).

[1538] Если верить историку Фериште, то, пожалуй, афганцы и окажутся, если не древними аравитянами, то нынешними «арабами» Египта, то есть *коптами*. Он говорит, что, когда афганцы попались впервые мусульманам, они жили вокруг Кох-и-Солимана*. То было в 62 году геджры. Фериште пишет: «Афганцы были коптами под властью фараонов, и многие из них приняли закон Моисеев; из них бóльшая часть раскаялись и, вернувшись к богам, ушли из Египта и странствовали, пока не заехали в Индостан (?), поселясь окончательно на окраинах Кох-и-Солимана. Кассим (Магомет бин Кассим, главнокомандующий Омара, покоритель Синда) посетил их и обратил в правоверных. В 143 году геджры афганцы уже завладели провинциями Кермана, Пешавера** и многими другими соседними странами»***.

Не вследствие ли этого обращения в закон Моисеев подозревают в афганцах одно из десяти потерянных колен Израиля? Но об афганцах мы скажем кое-что далее. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Сулеймановы горы (Kōh-e Sulaymān) – горная система в Южной Азии.

** Пешавар.

*** См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. London, 1873. P. 201.

[1539] Гарун аль-Рашид (763(766)–809) – арабский халиф, правитель Аббасидского халифата (786–809).

[1540] Карл I Великий (742(747, 748)–814) – король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г.

[1541] Аль-Мамун (786–833) – багдадский халиф из династии Аббасидов, астроном.

[1542] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. London, 1873. P. 204–205.

[1543] Мадурай (*англ. Madurai).*

[1544] Шрирангам (*англ.* Shrirangam).

[1545] Танджавур, Танджур (*англ.* Thanjavur, Tanjore).

[1546] Брахадисва́ра (Брахадишвара, Брихадишвара) – индуистский храм, посвященный Шиве, в городе Танджавур.

[1547] См.: Tanjore // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 958.

хотя и многое что̀ поразоряли. А здесь именно турист и найдет на полуразрушенных стенах храмов такие изваяния и лепную работу, такое разнообразие художественных произведений, пред которыми, пожалуй, побледнеет и гомеровское[1548] описание Ахиллесова щита[1549]…

Кто когда из европейцев слыхал о храме Баролли[1550] возле Читтора[1551], столь знаменитого в летописях Раджистана? Его открыли среди дремучего леса и описали полковник Тод и капитан Вауг[1552]. Позволяю себе несколько выписок из описаний этих офицеров. Они лучше всего покажут разницу между мнениями образованных беспристрастных англичан времен Ост-Индской компании и мнением современных «аршинников»[1553] в Индии. Присылаемые из Лондона *разорять* и *усмирять*, они судят обо всем туземном лишь по усмотрению собственных мелких, завистливых умишек, причиняя тем ущерб как науке, так и истине.

«…Среди векового леса, – пишет Тод, – мы вдруг увидели храм Баролли. Подходя к священной руине, мы оставили наших лошадей и поднялись по широкой каменной лестнице на паперть храма. Описать изумительную и разнообразную архитектуру этого древнего памятника я положительно отказываюсь: это дело карандаша, работа коим оказалась бы просто бесконечною. *Здесь человеческое искусство, дойдя до своих крайних пределов, как бы истощилось*; и только здесь и впервые *мы получили вполне сознательное понятие о красоте и оригинальности индийского зодчества и скульптуры*. Колонны, стены, потолки, наружные лепные и резные украшения куполов, – где каждый отдельный камень изображает собою миниатюрный храм, словно изваянный под пальцами волшебницы, – все это громоздится одно над другим до самой увенчанной урнообразным символом Шивы верхушки главного купола и производит в зрителе положительно головокружение. Одна только резьба на капители каждой колонны потребовала бы целых страниц описания и объяснений. Все здание, невзирая на свою глубокую древность, находится еще в изумительном состоянии целости, и мы приписываем это сохранение двум главным причинам: 1) каждый камень этого здания изваян из мелкозернистого кварца – быть может, самого крепкого, как и самого прочного в мире камня, но зато и самого трудного для долота; и затем 2) ввиду всем известной мусульманской нетерпимости и страсти к иконоборству от низу до верху, то есть от его ступеней до верхушки купола, вся наружная часть храма оставалась в продолжение нескольких веков покрытою тонким мраморным цементом[1554]… Скульптурные окраины украшений так же свежи и прекрасны, как бы вчера только вышли из-под резца художника. Одна из половинок полуразрушенной двери верх совершенства, красоты и вкуса. Главные фигуры на ней – бог Шива и его богиня Парбути[1555] со свитою. Он изображен стоя на лотосе со змеей, обвивающею его гирляндой. Как “бог войны и разрушения” он держит в правой руке *дёмру* (барабан)[1556], звуками коего воодушевляет своих воинов; в левой – *купру* (чашу) из человеческого черепа[1557], из которой он пьет кровь убитых воинов. “Дочь горы” стоит налево от супруга на *курме* (черепахе)[1558]. Она изображена с длинными, мелкозаплетенными косами, в ушах раковины вместо серег. Каждая часть тела в этой грациозной группе дышит тою прелестною естественностью, *которая настолько замечательна своим присутствием в древней индийской скульптуре*, насколько она поражает своим отсутствием в нынешней. Мужественная,

---

[1548] Гомер (VIII в. до н.э.) – легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

[1549] Щит Ахилла – щит, выкованный за одну ночь Гефестом для Ахилла, участника Троянской войны. Подробное описание щита можно найти в поэме Гомера «Илиада». На щите Гефест изобразил землю, небо, звезды, а также многочисленные эпизоды городской и сельской жизни.

[1550] Бароли (*англ.* Baroli).

[1551] Современный город Читторгарх (*англ.* Chitaurgarh).

[1552] Во (*англ.* Waugh).

[1553] Аршинник (*устар.*) – торговец, купец.

[1554] Этот цемент был снят после того, как Сиваджи махратский положил конец династии и дому Тимура два века назад. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1555] Парвати.

[1556] Да́мару, да́мру – маленький двухмембранный барабан в Индии и Тибете, имеющий форму песочных часов.

[1557] Капала (*санскр.* kapāla, *тиб.* «череп, чаша») – сосуд, сделанный из верхней части человеческого черепа, используемый для ритуальных целей как в индуистской, так и в буддистской тантре.

[1558] Ку́рма – вторая аватара (воплощение) из десяти индийского бога Вишну, принявшего образ черепахи, и в период которого произошло Пахтанье Молочного океана.

полная достоинства поза гордой фигуры *Бабы-Адама* (*Отец-Адам*), как один раджпут назвал при мне *Махадео*, может сравниться только с нежным женственным обликом и полною грации фигурой богини. Змеи и цвет лотоса переплетаются над их головами. Ниже представлен химерический зверь *грас,* наподобие рогатого льва, возле – пустынник, играющий на гитаре, и два оленя, благоговейно прислушивающиеся к священной мелодии. Каждая группа отделяется от другой гирляндами цветов и листьев. Капитан Вауг срисовывает одну из этих групп, соглашаясь со мною, что пред нами открылись *бесподобные, ни с чем несравнимые образчики высшего искусства*. Между ними находятся такие части, – особенно головы некоторых фигур, – которым позавидовал бы сам Канова[1559]. Группы сделаны *горельефом*, почти отделяются от плиты…

…В алтаре *Тримурти*… одно лицо "Разрушителя" осталось целым[1560]. *Тиара*, венчающая трехликую главу, образчик превосходной работы. Гений ваятеля *не может идти далее*… Фигуры колоссальные, семи футов[1561] каждая… Описывать купол над *мундуфом* (притвор, древний *pronaos*[1562]) почти невозможно: тому, кто желает получить о нем верное понятие и разглядеть мельчайшие подробности этого волшебного произведения резца, *следует рассматривать эту работу в микроскоп*. Мы нашли в этой массе украшений гармонию в целом, не найденную нами нигде еще в других зданиях подобного рода. Даже миниатюрные слоники изваяны анатомически верно и превосходно закончены в деталях…»

Следуют за этим двенадцать страниц описания *dii minorum gentium*[1563] и других чудес Баролли. «Потребовалось бы дюжина художников и шесть месяцев непрестанной работы для самого поверхностного описания всех диковин этого чудного храма», – заключает Тод[1564].

Не осталось никакого указания потомству, когда и кем был выстроен этот мало кому известный, даже в Индии, храм. Какой-то раджа Хун (Hoon) – легендарный герой этой местности. Но даже Тоду, написавшему два толстых тома в доказательство тому, что раджпуты – скифы, Махадео-Шива – Адам, а Ману – Ной, даже ему не удалось приобщить гуннов к мифологии индусов. Одно только совершил политический агент Компании в Раджпутане: он нашел в храме Баролли и перевел надпись на барельефе Махадео с находящимся в ней числом: 13 *картика* (месяц, посвященный Марсу Индии)[1565] эры Сёливана[1566] – 981 год или 925 год от Р.Х. В этой надписи упоминается о приношении Махадео (патрону йогов) «его рабом» (имя стерто рукой времени) необходимой суммы для починки *его древнего храма*[1567].

Если в 925 году, почти за тысячу лет назад и за полстолетия *до* вторжения мусульман в Индию, храм Баролли уже считался «древним», то очевидно, что его строили не могулы, а тем менее греки. Во всей громадной массе его не найдется ни архитектуры, ни в его изваяниях какой-либо черты, напоминающей об эллинах. Нет и намека на дорийский, еще менее на ионийский стиль. Все в нем своеобразно, все в чисто индусском вкусе.

[1559] Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор.

[1560] *Тримурти* изображается с тремя лицами (*мурти* – лицо), но всегда на одной голове. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1561] 2,1 м.

[1562] Пронаос (*греч.* pronaos) – преддверие храма.

[1563] второстепенных богов (*лат.*).

[1564] *Personal Narrative* (*Rajasthan*)[*], Vol. II, стр. 645–654[**]. Тод жил в Раджпутане 22 года безвыездно политическим агентом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Рассказ о себе самом» («Раджастхан») (*англ.*).

[**] См.: *Tod J.* Personal Narrative // *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. II. Madras, 1873. P. 645–652.

[1565] Ка́ртика (*санскр.* kārtika), карттика – месяц индуистского календаря. В едином национальном календаре Индии картика является восьмым месяцем года, начинающимся 23 октября и оканчивающимся 21 ноября. Месяц так назван потому, что в это время Луна находится вблизи созвездия Криттика (Плеяды), каждая из шести звезд которого считается матерью бога войны Карттикеи.

[1566] Шаливахана, Шаливагана, Саливахана, Шатавагана – легендарный древнеиндийский царь, по преданию сын горшечника, поднявший народное восстание и свергнувший царя Магараштры – Викрамадитью (I в.), престол которого он занял. По другим источникам, Шаливахана был цырем в Магадхе и победил Викрамадитью, павшего в битве с войсками Шаливаханы. С именем Шаливаханы связана одна из индийских хронологических эр, так называемая «Шаливахана-Шака» или просто «Шака». Счисление по ней ведется от 78 г. н.э., предполагаемого дня смерти Шаливаханы.

[1567] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. II. Madras, 1873. P. 653.

Извиняясь за долгое отступление и не обещая не впадать снова в обычную мне ошибку, желаю объяснить причину оного. Во-первых, так как я сама посетила этот храм позднее, мне все равно пришлось бы описывать его, и мой рассказ после стольких описаний мною других храмов мог бы, пожалуй, показаться монотонным; а во-вторых, я хотела в том случае опереться на свидетельство в том, что я не пристрастна к Индии, а только отдаю ей справедливость всем известного за аккуратного писателя англо-индийского археолога и сановника. Тод прожил целые годы в Индии, а восторг, пробивающийся в каждой строчке его описания чудес искусства древней Индии, гораздо значительнее моего.

Затем самый вопрос, «кто строил все это в Индии, могулы или индусы», послужил в первые часы нашего приезда в Диг поводом к весьма неприятному знакомству, которое и окончилось столь же неприятною ссорой.

Едва мы поднялись на террасу и вошли в залу, как нашли там, к великому неудовольствию всей нашей компании, двух незнакомых англичан. Проездом из Джейпура куда-то они остановились позавтракать в Диге на счет махараджи и угоститься даровыми ликерами и шампанским. С последним они, видно, уже познакомились, так как оно вывело их из обычной сынам Альбиона высокомерной сдержанности. Забыв «этикет», они поклонились нам при нашем появлении и даже заговорили первые с О***, косясь все время, впрочем, на наших туземных товарищей и подмигивая полковнику. Быть может, то было просто добродушною с их стороны шуткой, но мне их гримасы показались очень дерзкими и особенно оскорбительными для индусов. Я тотчас же ушла с Нараяном осматривать «терема», а О*** остался с англичанами в дурбарной зале, где те расположились ранее нас за приготовленным для нас одних столом. Другого стола, ни большего, ни малого, не было во всем дворце, обширные и запыленные залы которого выглядывали какою-то мраморною пустыней. Нам пришлось поневоле ждать. Впрочем, англичане уехали часа через два, но и за этот короткий срок они успели оскорбить наших друзей и затеять личную со мною стычку.

Когда, устав ходить по бесчисленным коридорам и лестницам, я вернулась через час, они все еще были за столом и спорили с О***, который отстаивал древние искусства Индии и заступался за туземцев вообще. Наши индусы сидели в другой комнате на циновках, мрачно прислушиваясь к разговору. Нараян, замечательно угрюмый и скучный с самого утра, прошел к товарищам, не заходя в залу, а я села у самого конца стола за кофе, решив не принимать никакого участия в разговоре. Не обладая добродушным хладнокровием нашего почтенного президента, я чувствовала, что вспылю, если бы мне пришлось спорить с ними, и поэтому упорно молчала. Осторожность моя не увенчалась успехом: полковник испортил весь план.

Забыв имя одного известного в древней Индии геометра, он возвысил голос, призывая на помощь Нараяна и бабу́, и кончил тем, что вызвал обоих из соседней комнаты. Пока он им объяснял имя, кого он желал вспомнить, один из индо-британцев, бесцеремонно оглядывавший меня, обратился ко мне.

– Ваши *слуги*… конечно? – спросил он, презрительно кивнув головой на Нараяна и бабу́.

Я вспыхнула от негодования и досады при этой очевидно *умышленной* дерзости.

– Слуги!.. Вы ошиблись: оба *джентльмена* наши дорогие друзья и братья, – добавила я, сильно напирая на слово «джентльмены».

Наглость и нахальство развиваются в индо-британцах быстро. Мой ответ вызвал у обоих громкий хохот.

– «Друзья»… это, положим, еще возможно… так как о вкусах не спорят, – язвительно протянул англичанин, медленно допивая стакан шампанского со льдом. – Но как же… «братья»? Ведь вы, вероятно, уроженка Европы?..

– Полагаю, что так. Но, к счастию моему, *я не англичанка*. Поэтому я и горжусь привилегий называть этих двух туземных джентльменов не только друзьями, но даже и *братьями,* – отвечала я очень сухо и глядя прямо в глаза долговязому грубияну.

В свою очередь он весь вспыхнул.

Не знаю, что̀ он собирался возразить на мой ответ, но товарищ не дал ему времени собраться с мыслями. Схватив его под руку, он почти насильно увлек его на другой конец комнаты, где

тотчас же начал ему внушать что-то вполголоса. Я догадалась, что он объясняет ему о нашем Обществе и рассказывает, кто я такая. Оно так и вышло.

При первых словах нашего крупного разговора темные лица туземцев позеленели, а глаза заискрились недобрым, столь знакомым мне фосфорическим блеском. Они стояли словно две неподвижные статуи… Один полковник засуетился, поспешно вставая из-за стола.

Англичане взялись за шляпы и сумки и, кивнув головой О***, приготовились было уходить. Старший из них, видимо, желал избегнуть неприятной ссоры и, пробормотав что-то о том, что с женщинами не спорят, направился к выходу. Но мой противник, разгоряченный как шампанским, так и данным ему мною отпором, не унялся. Остановясь посреди залы и покачиваясь слегка от овладевавшего им опьянения, он сделал в мою сторону полуоборот и, надменно повернув ко мне голову, проговорил сердито через плечо:

– Я только что узнал, что вы та *самая русская леди*, о которой наши газеты столько говорили, *предостерегая правительство*… Теперь мне становятся понятнее ваши *братские* отношения и чувства к *черной сволочи*[1568] (*sic*). Но позвольте вас предупредить, что, невзирая на только что выраженную вами благодарность Провидению за то, что вы родились *не* англичанкой, могу вас уверить, что безопаснее принадлежать к *нашей*, нежели к *вашей* нации, по крайней мере, *здесь, в Индии,* – добавил он многозначительно.

– Очень вероятно. Но я все-таки радуюсь и горжусь, что я *не* англичанка… – сказала я, вставая и сдерживаясь сколько могла.

– Напрасно. *Наше правительство не любит допускать русских*, даже дам, *слишком брататься с покоренными нами азиатами…*

– Да что̀ это, шутка или угроза?.. – прервал его полковник, изменяясь в свою очередь в лице.

– Конечно, угроза, – заметила я, смеясь. – Разве вы забыли, что мы уже получили фактическое доказательство и что англо-индийское правительство, не то по глупости, не то из трусости, посылает военных шпионов, *офицеров*, следить за нами как тень от самого уже Бомбея?..

– Берегитесь… и будьте осторожнее в выборе ваших слов!.. – процедил сквозь зубы еще надменнее уже совсем взбешенный англичанин. – Не рассчитывайте на долготерпение нашего правительства, действие которого и политику вы себе позволяете порицать… а скорее узнайте, если вы еще не узнали об этом, *что в наших британских владениях русским не место*… Не забывайте этого в другой раз.

– Но это *вы* забываетесь, сэр!.. – свирепо воскликнул потерявший всякое терпение полковник. – Вы оскорбляете женщину и грозите ей!.. К тому же, она гражданка свободной Америки и *вовсе не русская*… то есть… не *такая* русская, за какую вы ее принимаете!.. – поправился он, встретив мой негодующий взгляд.

– Извините меня, полковник, и предоставьте мне самой, прошу вас, право защищать себя… Прежде всего *я русская*; русскою родилась и русскою умру, я русская в *душе*, если не на паспорте… Стыдитесь! Неужели вы желаете, чтоб эти господа уехали, увозя с собою впечатление, что пред их нелепою выходкой и дерзостями я готова была отречься от родины и даже от своей национальности!..

– Оно было бы, пожалуй, и осмотрительнее, – ядовито заметил другой англичанин.

– Осмотрительнее, может быть, но никак не честнее. Во всяком случае, – добавила я, обращаясь снова к первому, – весьма сожалею, если ваше замечание о том, что в «британских владениях русским не место» *факт*, а не пустая с вашей стороны дерзость. В *наших*, в русских владениях, как, например, в Грузии и на Кавказе, находится место всякому иностранцу, даже *десяткам нищих англичан*, которые приезжают к нам без сапог, а уезжают с миллионами в карманах…

Должно быть, ссора не отрезвляет, а помогает шампанскому… Мой противник сидел совсем пьяный и за него ответил уже его приятель.

– У всякой страны свои политические воззрения на вещи. Ваше замечание ничего не доказывает против политики англо-индийского правительства…

[1568] *Black rabble. – Примечание Е.П.Блаватской.*

– Вам, может быть, но зато *нам*, иностранцам, а вместе с тем и вашим туземным подданным, вероятно, оно ясно доказывает одно: что в то время как вы, гг. англичане, трусите русских даже у себя дома в колониях, русские вас ничуть не боятся. Безделица, о которой не сто́ит и говорить…

И видя, как при этих словах исказилось лицо у заступника британских привилегий, я позвала индусов и, повернувшись к прочим спиной, ушла в сад. У Нараяна глаза налились кровью, а бабу́, у которого с лица пот катил градом от сдержанного бешенства, бросился, как был одетый, под высоко бьющий водомет и стал прыгать, фыркая под водяною пылью, «чтобы хоть немного освежиться и очистить себя от осквернённой *бара-саабами* атмосферы!», орал он на весь сад.

Мне было невыразимо горько, не за себя, конечно, а за этих ничем неповинных, оскорбляемых индусов, осужденных какою-то фатальною силой на вечное, ничем не заслуженное поругание. Что меня принимали за шпиона, сделалось теперь очевидностью, которая при других обстоятельствах только бы меня смешила. Я и теперь чувствовала одно презрение к «победителю», до того трусливому, что он, очевидно, страшился влияния одинокой женщины на умы миллионов «побежденных». В другое время оно бы, пожалуй, даже очень польстило моему самолюбию и вообще было бы весьма смешно, «когда бы не было так грустно»[1569], да вместе с тем и опасно. Меня страшило то, что вместо услуг индусам, членам нашего Общества, я могу сделаться из-за одного того, что я *русская*, предлогом к их преследованию и разным придиркам со стороны их «начальства». Россия и все русское – беспрерывный кошмар Англо-Индии. Чем ближе к Гималаям, тем сильнее русский «домовой» душит по ночам всякого британского чиновника. А у страха, говорят, глаза велики, и он из белого, пожалуй, сделает черное…

Еще при первом появлении нашего Общества в Индии до меня уже стали доходить слухи о неудовольствии разных сановников, у которых в канцеляриях служили многие из бомбейских членов-туземцев Теософического Общества. «Великие мира сего», *бара-саабы*, сухо советовали своим робким подчиненным «не очень-то дружиться с новоприбывшими *авантюристами* из Америки».

Словом, положение было очень неприятное.

Я села на скамью у водомета, около которого бабу́ отряхался теперь на солнце наподобие мокрой собачонки. Нараян молчал как убитый. Взглянув на него, я вся обомлела: темные круги под его огромными глазами потемнели еще сильнее, зубы оскалились, как у дикого зверя, и он вздрагивал словно в лихорадке…

– Что̀ с вами, Нараян? – испуганно спросила я.

С минуту он ничего не отвечал; только белые, крепкие зубы заскрежетали еще сильнее… Вдруг он присел на песок дорожки и как-то разом повалился лицом в клумбы ярко-алых *арали*[1570] – цвет, посвященный богине Кали…

Цветок ли, любимый кровожадною богиней мщения, воодушевил нашего кроткого, терпеливого Нараяна, или что̀ другое внушило ему страшную мысль, но он приподнял голову и, вперив в меня налитые кровью глаза, спросил изменившимся голосом:

– Хорошо… хотите, я убью его? – прошипел голос.

Я вскочила словно ужаленная.

– Что̀ вы, опомнитесь! Да разве сто̀ит этот пьяный фанфарон, чтоб из-за его дерзостей честные люди рисковали шеей? Вы шутите или бредите, мой милый!..

– Не он, не он… В его лице я вижу только ненавистную нам нацию. Убив его, я отомстил бы за годы страдания, унижения… кровных обид… отомстил бы за многих моих друзей, а вместе с тем и за нанесенное *вам* оскорбление!.. – хрипел он с отчаянием.

– Перестаньте! Неужели вы способны думать, что я чувствую себя серьезно оскорбленною?.. Да я просто смеюсь над его выходкой!..

Но он не слышал меня. Опустив голову на раздавленные растения и словно обращаясь к невидимому собеседнику под землей, он продолжал говорить тем же хриплым, изменившимся голосом. Он словно изливал внезапно прорвавшуюся волну страдания, полную накипевшей в нем за это время бессильной злобы в недра матери – сырой земли… Я никогда не видала его в таком

[1569] Слова из стихотворения М.Ю.Лермонтова «А.О.Смирновой».

[1570] Arale – это лагерстрёмия – род растений семейства Дербенниковые.

возбужденном состоянии. Он казался мне невыразимо жалким, но вместе с этим положительно страшным.

«Что̀ это такое с ним приключилось? – подумалось мне. – Неужели все это из-за этой глупейшей истории?»

– Вас оскорбляют… из-за *нас*… из-за нас одних, – продолжал он полушепотом. – Да то ли еще будет!.. Вас станут скоро преследовать, гнать… Бросьте нас, отвернитесь… скажите, что вы шутили, смеялись над нами, и вас простят, станут звать к себе, предлагать свою дружбу и общество… Но вы этого не сделаете, иначе *маха-сааб* не относился бы к вам, как он теперь относится… Поэтому много горя ждет вас в вашем будущем… горя и клеветы[1571]. Нет, опасно быть друзьями бедных индусов! Нет счастия для сынов *Кали-июга*, и безумец тот, кто подаст нам руку, потому что рано ли, поздно ли, а все же горько ему придется поплатиться за свое преступление!..

С удивлением, почти с ужасом прислушивалась я к этой неожиданной бессвязной речи, но не находила, что̀ ему сказать в утешение и молчала. Невольно я стала искать глазами бабу́. Он лежал на скамейке шагах в тридцати от нас и, обсушиваясь на солнце, должно быть, дремал.

– Не сердитесь на меня, *Упазика*[1572], и простите, что я потревожил вас, – раздался снова голос Нараяна, уже более ровный и спокойный.

– Сердиться на вас, мой бедный Нараян? За что̀ же мне сердиться; ведь вы пошутили? – прервала я его, не зная сама, что̀ сказать.

Он привстал и снова сел на дорожке в обычной ему позе. Обхватив оба колена мощными руками и упершись в них подбородком, он сидел теперь, покачиваясь взад и вперед и вперив глаза в погибшие *арали*. Он, видимо, боролся, чтобы совладать с собой, и, наконец, успел: голос его уже не дрожал и не хрипел, но когда он снова заговорил, в голосе этом слышалось столько непритворного страдания, что я невольно вздрогнула.

– Нет, я не шутил, – произнес он медленно и твердо. – Одно слово, и я бы убил его… Не все ли равно? Ведь моя жизнь, так или иначе, а пропала…

– Но почему же? Что̀ такое случилось? Не может быть, чтобы вы так волновались из-за одного этого дурака? Скажите, ведь не из-за него?

– Нет, не из-за него *одного,* – прошептал он чуть слышно, – а все же мне было бы легче, если б я мог убить пред смертью *хоть одного из этой нестерпимой для нас расы*!!

– Убить!.. Как вы это легко говорите!.. Ведь это же ужасное преступление!.. А что̀ сказал бы Такур?..

– Ничего не сказал бы. Что̀ ему за дело до меня! – еще тише произнес он.

– Но ведь вы… его *челла*?..

Он весь вздрогнул, и его всего перекосило, точно его кто полоснул ножом по сердцу. Он припал еще ниже к коленам, и вдруг из его груди вырвался такой вопль отчаяния, что я совершенно растерялась… Я чувствовала, что бледнею и не в состоянии выносить этой сцены долее.

– Нет, я не *челла* его. Он мне отказал… Он прогоняет меня!.. – зарыдал бедный колосс, словно пятилетнее дитя.

«Вот оно что̀! – вдруг догадалась я. – Это, значит, англичанин является здесь только переполнившею чашу каплей!» И вдруг мне вспомнилось видение… сон… то, что̀ я видала или что представилось мне, будто я видела накануне ночью в Бертпуре. Нараян обнимал ноги Такура. Но ведь то был сон? Или взаправду все это происходило в действительности, и я видела эту сцену наяву?

– Когда же он вам отказал?

Вдруг послышались поспешные шаги. Нараян вскочил и, быстро наклонясь, сказал мне шепотом:

[1571] Это будто пророческие слова относительно автора этих писем и Теософического Общества. – *Примечание в издании книги «Из пещер и дебрей Индостана» 1912 года.*

[1572] *Упа́зика*[*] – буквально «ученица философии» под руководством *гуру* – «учителя», обыкновенно из монашествующей братии. *Челла* – ученик, студент тайных наук и мистик. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Упасика – духовное имя Е.П.Блаватской.

– Прошу вас, сохраните мою тайну нерушимо!.. Ни слова об этом *никому*… Вам я еще пригожусь… Но не говорите мистеру О***… Я ухожу!

Но он не успел.

– Что̀ это вы зарылись здесь, словно вызываете подводных *бхутов*? – внезапно раздался возле нас голос полковника. – А где же Нараян и где же бабу́?.. – продолжал он, подходя к нам с «молчаливым генералом». – А!.. Вот они где!.. Не прячьтесь: оба фанфарона уехали и оказались очень порядочными людьми… Мы расстались друзьями; я обещал им и ваше прощение… Я им объяснил многое, чего они не знали, например, правила и цель нашего Общества… Они заинтересованы и даже признались, что ошибались.

– Нашли где и с кем миссионерствовать, – заметила я с досадой, перерывая этот поток слов. – Может, вы пожелаете присоединить к нашему Обществу и этих двух «патриотов и мыслителей»?.. Не краснейте и не смущайтесь, мой дорогой президент, а согласитесь лучше со мною, что они были бы великолепным *pendant*[1573] к мистеру Г*** и мисс Б***.

Мистер Г*** был и до сих пор состоит довольно крупным чиновником в Северных провинциях Индостана. Притворясь восторженным последователем великой философии индусов, он добился членства в Обществе в то время, когда мы еще не выезжали из Нью-Йорка. Приехав в Индию, мы узнали, что не было во всей стране более жестокого индофоба, чем мистер Г***; что он ненавидел туземцев, обесчестив два семейства браминов (*безнаказанно*, как и всегда бывает в таких случаях); а главное, что ряд насмешливых, диффамационных[1574] против теософии и нас самих писем, которые печатались в 1879 и 1880 годах в *Civil and Military Gazette* Лахора, были делом рук «патриота и мыслителя», как о нем отзывался полковник в Нью-Йорке в восторге от своего «прекраснейшего, благородного англо-индийского сочлена».

– Ну, вот уж вы… опять принимаетесь вспоминать старое!.. – в смущении бормотал полковник. – Что̀ ж! Кто же никогда не ошибается?.. Ведь я же и не выдаю себя за непогрешимого папу… Не все же, однако, англо-индийцы подлецы и предатели.

– Наверное не все, но и не найдется, бьюсь об заклад, более двух дюжин англо-индийцев, которые бы уважали индусов… Здесь, как я теперь вижу, надо быть очень и очень осторожным… Чему вы смеетесь, Мульджи? – спросила я «молчаливого», улыбавшегося во весь широкий рот.

– Вашей щедрости, мэм-сааб, – *две дюжины* англичан в Индии, уважающих нас, *негров*-то?.. Не очень ли много?

– Действительно, – подхватил проснувшийся и совсем просохший бабу́. – Будь у нас даже «две дюжины» таких, то уверяю вас, что все 250 миллионов индусов, «без различия каст и религий»[1575], – привел он цитату из теософических статутов, – молились бы да совершали бы *пуджу* утром и вечером калькуттским и другим *бара-саабам*!

– Я знал только одного за всю мою жизнь, да и того хотели посадить в сумасшедший дом, но он к счастью своему умер, – брякнул Мульджи.

– Кто же он? – полюбопытствовал полковник.

– Мистер Питерс (*Peters*)[1576], бывший коллектор в Мадуре, в Мадрасском президентстве. Он умер более двадцати лет тому назад… Когда я был еще мальчиком.

– В чем же провинился этот Питерс?

– Начал материалистом, вот как наш бабу́… а кончил *пуджистом* (поклонником идолов).

– Как «наш бабу́» пока не намерен кончать, – заметил хладнокровно на это личное замечание бенгалец. Он занимался тем, что обклеивал липкими лепестками цветов нос Кали, идол которой возвышался над кустами *арали*.

– Сделаться *пуджистом*? Что̀ вы этим хотите сказать? Расскажите же нам его историю толковее, – приставал уже навостривший уши полковник.

– Пожалуй, господин президент, только ведь я не умею рассказывать.

[1573] дополнением (*фр.*).

[1574] Диффамация (*лат.* diffamare разглашать, лишать доброго имени, порочить) – публичное распространение сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

[1575] Как писала Е.П.Блаватская, замыслом Теософского общества было «заронить ощущение Вселенского Братства в сердца всех народов, рас, племен, религий и каст» («Наши три цели», 1889).

[1576] Rous Peter (1786–1828) – коллектор в Мадурае, коллекционер.

Но он все-таки рассказал ее нам, и «история» оказалась прекурьезною. В следующем письме передам рассказ, как я тогда его записала со слов рассказчика. В Мадрасе она известна всем и каждому.

III

Передаю, что̀ рассказал нам Мульджи «об англо-индийце, который любил индусов».

Мистер Питерс был коллектором *святого* града Мадура, Мекки Южной Индии. Страстный археолог и почитатель древних рукописей, он нуждался в браминах для разыскания и перевода таковых; поэтому хотя, быть может, он сперва и недолюбливал их, но все-таки водился, как говорится, с индусами и не притеснял их по примеру своих собратий. Материалист худшего пошиба, он только смеялся над их суеверием и предрассудками, но он точно так же относился и к своей христианской религии, а потому брамины не обращали на это большого внимания. «Настика (атеист)», – говорили они, махая рукой. Но вскоре все это изменилось, и мистер Питерс удивил и народы Индии, и своих компатриотов.

Вот как это случилось.

Раз к нему явился никому неизвестный *йог* и попросил личного свидания. Получив позволение предстать пред светлые очи господина коллектора, тот вручил ему древнюю рукопись, объясняя, что получил ее от самой богини Минакши (одна из благовиднейших форм Кали), которая-де повелела передать ее мистеру Питерсу. Рукопись была написана на *олле*[1577], и вид ее был такой древний, что внушал к себе невольное уважение антиквария. Коллектор, гордившийся своими познаниями по части древних письмен, обрадовался и тотчас же пожелал прилично вознаградить отшельника. К величайшему его удивлению *йог* с достоинством отказался от всякой платы. Но он удивил начальника еще более. Как почти все чиновники англо-индийцы, мистер Питерс принадлежал к масонской ложе. Отшельник внезапно подал ему самый тайный масонский знак и, проговорив известную формулу Шотландского братства: «Не так я *это* получил, не так я должен *это* передать»[1578] (то есть рукопись – не за деньги), быстро исчез.

Призадумался Питерс. Послал *сипая* следить за исчезнувшим гостем, а сам тотчас же занялся при помощи пандита-брамина разбором рукописи и ее переводом. *Йога*, конечно, не нашли, так как, по мнению Мульджи, – отголоску в этом случае всего города Мадура, – то был оборотень самой богини Минакши. Из прилежного же изучения *оллы* коллектор узнал много кой-чего интересного.

То была, по уверению пандита, *собственноручная автобиография богини* Минакши, в которой шла речь о проявлениях, могуществе, качествах и вообще ее характере. По собственному заявлению, богиня обладала силою (*сакти*)[1579] самого приятного разнообразия, и мало было чудес, которых она не сулила бы своим любимцам. В ее личное могущество даже и не требовалось слишком слепо верить: *девати* (богиню)[1580] было достаточно *любить* искренно и горячо, как любят мать, и она простирала свое покровительство на поклонника, берегла, любила и помогала ему.

– Ишь ты, *рыбоглазая*! – свистнул, услышав вышесказанное из уст пандита, неисправимый материалист Питерс.

Этот эпитет, впрочем, вовсе не был дерзостью с его стороны. В буквальном переводе «рыбоглазая» есть имя богини, от слов: *мина* – «рыба» и *акши* – «глаз»[1581].

«Но что̀ такое или кто такая богиня Минакши?» – спросят нас европейские профаны.

Минакши есть та же Кали, то есть оплодотворяемая духом Шивы его творческая сила, *сакти*, его женский принцип и *аспект*, или один из многочисленных видов его супруги Кали.

[1577] *Олла** – пальмовые листья, высушенные и приготовленные для письма. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Ola (*англ.*).

[1578] «I have not so received it, nor shall I so impart it». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1579] *Сакти** – буквально «сила», женский принцип в богах мужского пола. Но *сакти* в обыкновенном смысле – *могущество*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Шакти (*санскр.* śakti).

[1580] Этимологически было бы правильно писать по-русски через *букву ѣ: дѣвати. – Примечание редакции журнала «Русский вестник».*

[1581] Мина́кши (*санскрит.* mīnākṣi, «Рыбьеглазая») – одна из аватар супруги бога Шивы, индуистской богини Парвати.

Каждое божество громадного пантеона Индии, женского ли оно или мужеского пола, в своем первородном виде, то есть при первом отделении от «единого и безличного», чисто отвлеченного принципа, который называется у них *Парабрамой*, всегда бывает среднего рода. Но в своем земном проявлении оно двоится как первородный Адам с Евой, и женская половина, отделяясь от мужской, становится богиней, а другая остается божком. Всемирное божество Парабрама – *оно*, а его двойная энергия, которая впоследствии зарождает несчетное число богов и богинь, – *он* и *она*, то есть двуполая. От главных богов, Брамы, Вишну и Шивы и их *сакти* зарождаются, в свою очередь, другие боги. Но эти не прямое потомство, как то можно подумать, божественных супругов, потомство, имеющее в пантеоне браминов совершенно отдельное и отличное от других место: то сами эти же первородные боги и богини, играющие в маскарад и представляющие из себя бесчисленные «аспекты» или виды.

Поэтому и кровожадная богиня Кали, самая могущественная из всех *сакти*, являясь под одним из своих видов как Минакши, например, меняет совершенно все свои личные атрибуты и делается неузнаваемою. Было бы несвоевременно и слишком скучно объяснять здесь идею такого превращения. Достаточно будет сказать, что Кали, превращаясь в Минакши Мадурскую, становится миролюбивейшею из богинь, обладающею всеми наилучшими качествами: кротостью, долготерпением, великодушием и т.д.

Минакши – богиня-патронесса города Мадура, построенного наподобие плана храма *Сриранга*, квадрата, разделенного на множество внутренних квадратов или скверов, в центре которого красуется знаменитый храм Минакши. Богиня, невзирая на свои внутренние качества, а быть может и в доказательство, что не имеет никакого тщеславия и гордости, далеко некрасива под своим внешним образом. Глаза у нее подобятся двум рыбам, откуда и название «рыбоглазая». Она обладает зато необычайным могуществом, в понятиях, конечно, своих поклонников. Несчастные, в которых засел *пизача*[1582], «бес», приводятся на излечение к ней толпами. А таких бесноватых в Индии много, потому что благочестивые брамины причисляют к категории «беснующихся» даже тех, что̀ у нас в Европе называются «медиумами». Феноменальным явлениям дается право гражданства в Индии только в присутствии посвященных в «тайные науки», *йогов, садду* и других чудодеев. Все то, что̀ происходит *помимо воли человека* и называется у нас *бесновaнием*, относится браминами к непристойному поведению *пизач*.

Но что̀ такое *пизача*?

Пизачи – те же «духи», *esprits frappeurs*[1583] спиритов, только не в полном составе своей разоблаченной личности. *Бхутом* (*земным* духом) или *пизачей* делается та только часть души человеческой, которая, отделяясь после смерти от бессмертного духа, остается обыкновенно в *невидимом*, но часто *ощущаемом* живыми образе среди атмосферы, там, где она при жизни тела вращалась и имела бытие. После смерти человека все *божественное* в нем уходит выше, в более чистый и лучший мир: остаются удерживаемые этою атмосферой *одни подонки души*, ее *земные* страсти, которые и находят себе временный приют в полуматериальном «двойнике» усопшего, выгнанном из своей обители разложением и полным разрушением физической оболочки, а этим задерживается окончательное исчезновение «двойника», причиняя ему мучения. Такой посмертный казус всегда прискорбен семейству умершего, и почитается браминами большим несчастием. Для предотвращения такого нежеланного события индусы принимают всевозможные меры. Оно является, как они думают, чаще всего следствием *греховной жажды жизни* или же особенного пристрастия покойника к кому или чему-нибудь, с *кем* или с *чем* он не желал, да и по смерти не желает, расставаться. Поэтому индусы стараются оставаться равнодушными ко всему, не допускать в себе пристрастия ни к чему, боясь больше всего в мире умереть с *неудовлетворенным* желанием и вследствие этого превратиться в *пизачу*. Туземец всех каст и сект ненавидит «духов» и, видя в них *пизачей*, тех же бесов, старается изгнать такого как можно скорее.

[1582] Пи́шачи (*санскр.* piśāca) – в индийской мифологии злобные и вредоносные демоны, нападающие на людей, пожирающие их и пьющие их кровь.

[1583] стучащие духи (*фр.*).

Однако же и почет Минакши! На дворе ее *пагоды* можно видеть ежедневно толпы индусских кликуш. Есть и такие между ними, которые поют петухами и лают по-собачьи, как и у нас на Руси. Но медиумов между ними еще более: то просто-напросто духовидцы и *прорицатели*, в присутствии коих происходят разнообразные явления и всякая чертовщина. Как только приведут одержимого *пизачей* пациента перед рыбьи очи богини, бес начинает кричать (устами одержимого, конечно), что он тотчас же упразднит занятую им квартиру, лишь бы только богиня дала ему время… Больного уводят, и верный своему слову *пизача* в знак того, что сдержал его, бросает пред Минакши клочок волос, вырываемый им всегда на прощанье с головы его жертвы. Такие пучки волос, по рассказам, летят-де неизвестно откуда с утра до вечера в храме пред глазами удивленного народа, и из них можно было бы делать превосходные тюфяки, если бы брамины не сжигали их с великими церемониями[1584].

Стекающиеся тысячами и сотнями тысяч пилигримы приносят громадные доходы этому храму, и его священнодействующие брамины-оракулы считаются богатейшими в Индии. Кроме храма Минакши во всем Мадрасском президентстве только пять других таких доходных *пагод*, а именно: знаменитые храмы Тирупатти, Алагар, Вайдьешваран, Ковиль и Суамималай[1585]; первые два посвящены богу Вишну, а три последние Шиве. В обыкновенные, будничные дни в этих пагодах собирают *ежедневно* от 3000 до 10000 рупий, но в праздничное время суммы ежедневных доходов превышают всякое вероятие. Они достигают часто от 25000 до 50000 и даже до 75000 рупий *в день*! Эти цифры не преувеличены, а хорошо известный англо-индийскому правительству факт. Недаром же мадрасское начальство давно уже точит зубки на колоссальный «пагодский фонд», *the pagoda fund*, Южной Индии.

Злые языки уверяют, будто бы только благодаря компромиссу этот пресловутый «фонд» на время избежал грозящей ему горькой участи очутиться в полном распоряжении мадрасских правителей; богатейшая из всех бесо-исцелительных *пагод*, Тирупатти, догадалась поднести вовремя вышеозначенным правителям 40 лакков рупий (4 милл[иона] руб[лей]), распределив их по чинам между членами законодательного совета, чем спасла на несколько лет и прочие пагоды. Но подобный слух даже и передавать как-то неловко. Помилуйте, англичане – и вдруг взятка! Кому теперь неизвестно в Европе, преимущественно из лондонских газет, что только в одной полуазиатской варварской России есть еще в наш век такие чудовищные аномалии, как *чиновники, берущие взятки* (*Pioneer* и *Bombay Gazette*). Но возможно ли поверить, чтоб англо-индийцы, эти трезвые, воздержные воины и чиновники, из коих имя первым должно быть отныне до конца веков «спартанцы афганских Фермопил», – чтобы кто из них решился получить… *взятку*!.. Да и могли ли бы допустить до этого своих англо-индийцев англичане *pur sang*[1586], англичане Лондона, достойные сыны нации, представители которой карают так сурово в парламенте «алчность к захватам» в соседе и наималейшее отступление от истины и справедливости в других нациях!.. Немыслимо, просто абсурд. Мы не должны этому верить уж потому одному, что такой умный народ не стал бы высказывать столь горячего негодования в печати и парламенте к «*русским* взяточникам», если бы за ним самим водились такие же грешки… Вследствие этого размышления мы решаемся взирать на обвинение браминами как на гнусный наклеп неблагодарных мадрасских язычников и возвращаемся к истории о мистере Питерсе.

[1584] Коли верить рассказам, эти волосы очень опасно трогать. Мульджи в период своей невинной юности украл такой чуб из храма Минакши, и *пизача* тотчас же овладел мальчиком… «Насилу отделался от дьявола, благодаря *девати*», – рассказывал «генерал». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1585] Храм Тирума́лы Венкате́швары (Tirumala Venkateswara Temple) – индуистский храм, посвященный одному из образов Вишну – Венкатешваре. Расположен на холме Венкатадри, одном из семи холмов гряды Тирумалы, у подножия которых находится город Тирупати.

Храм Кудал Ажагар (Koodal Azhagar) в Мадурае посвящен Вишну.

Вайтхесваран Койл (Vaitheeswaran Koil) – индуистский храм, посвященный Шиве, в штате Тамилнад (Южная Индия).

Koil, Koyil, Kovil – тамильский термин, обозначающий особый стиль индуистского храма с дравидийской архитектурой.

Свамималай (Swamimalai) – город в штате Тамилнад, в котором расположен храм, посвященный индуистскому божеству Муругану.

[1586] чистокровные (*фр.*).

Увы, эту «историю» нельзя приписать клевете как «взятку в сорок лакков рупий, поднесенную храмом Тирупатти» зачинщикам пресловутого билля. Языческая могила с языческими знаками почтенного коллектора до сего дня красуется у ворот Мадуры, и при ее виде краснеют культурные чиновники, преемники покойного.

Они краснеют потому, что именно к таким же культурным чиновникам (только не по части взяток) принадлежал и мистер Питерс, а также и потому, что он не только никогда не косился на пагодские фонды, но даже прибавлял к ним из своего кармана. А все это вследствие того, что, прочитав рукопись о Минакши, он почему-то умилился в душе пред столь высокою добродетелью и решился узнать богиню поближе. До той поры, хотя он много изучал философию индусов, но их взглядов на «беснование» не разделял, а исцелительницу от оного к области философии не причислял; напротив, постоянно забавлялся и трунил над такими верованиями туземцев. Но со дня получения рукописи он стал посещать храм и старался собирать все существующие о богине легенды.

Одна из таких легенд, собранных ученым коллектором, оказалась чрезвычайно интересною; и хотя британские теолого-этнографы не оказывают ей должного внимания, но мистер Питерс причислил оную к событиям вполне историческим. К тому же она описана самою богиней в ее «Автобиографии», которую и похоронили впоследствии по собственному Питерса желанию в том гробу, где покоится его прах.

Река Вайга[1587], на южном берегу которой расположен город Мадура, принадлежит к числу так называемых *антарвахини нади*, то есть рек, протекающих от своего источника до впадения в море *под землей*, словом, подземных потоков. Даже в сезон муссонов, когда окрестности затоплены проливными дождями и река выходит из своих берегов, ее ложе осушается в три-четыре дня и от реки остается одно каменистое дно. Но сто́ит только во всякое время года порыть на аршин или два[1588] под землей, чтобы получить превосходную воду, не только необходимую для города, но и достаточную на орошение полей всего уезда.

Таких рек-отшельниц очень немного в Индии, и они поэтому считаются весьма священными. Как известно всем, а может быть только немногим, в Индии каждый храм и холм, каждая гора и лес, словом, каждая местность, как и здание, считающиеся почему-либо священными, имеют свою *пурану* (историю или летопись)[1589]. Записанная на древних пальмовых листах, она навсегда тщательно сохраняется священнодействующим брамином той или другой пагоды. Иногда санскритский оригинал переводится на местный язык, и оба текста сохраняются с равным уважением. В годовщину праздников, в честь таких «богинь-рек» и «богов-холмов» (река у них всегда – *богиня*, а холм – *бог*), рукописи выносятся, и эти местные *пураны* читаются брамином народу по ночам с великим церемониалом и с должными на них комментариями. Во многих храмах ночью под Новый Год индусов[1590] также читается *брамином-астрологом* народу календарь на следующий год.

Эти календари аккуратно указывают положение планет и звезд; отличают *счастливые* и *несчастливые* часы каждого из 365 дней наступающего года; предсказывают день, число и даже *час того дня*, когда будут дожди, ветры, ураганы, затмение планет или солнца и разные другие явления природы[1591]. Все это читается пред богом или богиней, патроном или патронессой храма.

[1587] Вайгай (*англ.* Vaigai).

[1588] 0,7–1,4 м.

[1589] *Пурана* – в буквальном переводе «древняя», но это слово также и синоним *истории*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1590] В марте и апреле, смотря по секте. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1591] Часы и минуты затмений, положим, и у нас астрономы предсказывают не хуже браминов-астрологов. Но странно то, что последние редко ошибаются, предрекая нередко за целый год вперед числа и даже часы случайных ураганов и дождей, которые (особенно последние) чрезвычайно редко случаются вне периода дождевого сезона. Вот что̀ пишет об этих браминах-астрологах махараджа Траванкорский* в статье *The Borderland between Matter and Spirit* («Граница между материей и духом»): «Вера в астрологию, над которою так смеются современные народы, все-таки крепко держится в большей части человечества, и мы находим верующих в нее в самых неожиданных областях. Некий приятель пишущего эти строки, европеец, рассказывал на днях, что раз он отправлялся к лесному складу в самую чащу густого леса, находящегося на островке при слиянии двух рукавов большой реки. Погода была сухая, и оба ложа потоков совсем высохли. Встретив знакомого астролога по дороге, мой приятель получил от него

Толпа благоговейно внимает прорицаниям идола, говорящего устами своего брамина о голоде, войнах и других народных бедствиях; после чего астролог и брамин благословляют толпу и, разделив между беднейшими рис, плоды и другие съедобные приношения, полученные идолами, отпускают ее домой.

Такую *пурану* об *антарвахини нади* нашел в «Автобиографии» Минакши коллектор Питерс. Он ее перевел с помощью своего пандита с санскритского на язык *телугу*, и она до сего дня читается в храме добросердечной богини. Вот она в нескольких строчках и в сокращенном виде. Эта *штула-пурана* объясняет причину подземного течения реки Вайги и доказывает вместе с тем глубокое доверие богини Минакши к мистеру Питерсу, которого она избрала в конфиденты[1592] сего эпизода своей ранней юности и любви к своему супругу Шиве.

Кулласекхара[1593], доблестный царь Мадуры в дни отрочества главных богов, и супруга его (имя которой не перешло в историю) нашли себя вознагражденными за долгие годы постоянного *тапаза*[1594] и благочестивых дел – рождением прелестной дочери. То был плод сотен их прошлых *джанмас* (реинкарнаций)[1595] под образом других внешних личностей, ибо эта дочь была знаменитая и рыбоглазая Минакши. Богиня сделалась богинею не вдруг, а тоже вследствие благочестия во многих предыдущих своих существованиях, в течение коих она молила Шиву и Кали – первого сделать ей честь избранием ее в число своих супруг, а вторую сделать молящую одним из своих *аспектов*. Наконец *Сундарешвара*[1596] исполнил ее страстную молитву и объявил Минакши, что он на ней женится.

Царь Кулласекхара стал делать великолепные приготовления к свадебному пиру. Переполненный гордостью при мысли, что удостаивается такого божественного зятя, он умолял Шиву привести с собою большую свиту из самых именитых вельмож Кайласы[1597]. *Бхуми-деви* (земля-богиня), говорил он, хотя ее плодородие и врожденное ей терпение вошли в поговорку, не успеет родить достаточно *дев* для свадьбы среди этой массы грешников (не говоря уже о животном и других царствах), которую ей приходится ежедневно производить на свет; поэтому если Шива не сжалится, то свадебный пир выйдет недостаточно блестящим и некому будет кушать заготовленные припасы.

Жених обещал удовлетворить амбиции тестя, но когда он сошел с *Кайласы* на «сладкую землю»[1598], то вместо ожидаемой блестящей свиты привел с собою лишь одного безобразного карлика по имени *Кундодара*[1599]. Нареченный тесть принял этот поступок за насмешку и очень им огорчился. Но чтò может значить гнев смертного в глазах бога? Шива, читая мысли Кулласекхары,

---

предостережение, что ровно через три дня будет сильный дождь, река выйдет из берегов и страшно разольется. Но небо было в тот день безоблачно и, не обратив на астрологическое предсказание никакого внимания, приятель мой все-таки продолжал путь к лесному складу. В результате случилось следующее: дождь полил как из ведра в назначенный день, река разлилась, прервав всякое сообщение и унося много драгоценного леса, а сам мой приятель вынужден был спасаться на самом возвышенном пункте островка в импровизированном на скорую руку убежище из бревен, где он и провел несколько суток в весьма плачевном положении. Теперь мой приятель верит в *астрологию*, хотя большее число *астрологов*, несомненно, мошенники. Мы знаем также о многих случаях, когда *час* рождения и *пол* ребенка были совершенно верно, задолго до периода рождения, предсказаны астрологами» (см. журнал *Theosophist*, № за ноябрь, 1884, стр. 41, 2-й столб[ец]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Висакхам Тирунал Рама Варма (1837–1885) – правитель южноиндийского государства Траванкор.

[1592] доверенным лицом (*фр.* confident).

[1593] Дословный перевод этого имени: «глава семейных драгоценностей». – *Примечание Е.П.Блаватской.*
Кулашекхара (*англ. Kulashekhara*) – тамильский царь (800–820).

[1594] *Тапаз* – обрядные молитвы в различных позах. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1595] Джанман (*санскр.* janman) – рождение.

[1596] *Сундарешвара* – «великолепный господин», имя Шивы и один из *екадеза*[*] *Рудра*, то есть «одиннадцати Рудр». Рудра означает в буквально смысле – *разрушитель*, покоритель греха. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Экадаши (*санскр.* ekādaśī) – одиннадцать.

[1597] *Кайласа*[*] – та часть неба, где любимое жилище Шивы и его местопребывание. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Кайлас (*англ.* Kailash, Kailasa) – гора в хребте Кайлас горной системы Гангдисе на юге Тибетского нагорья. Индуисты считают, что на вершине Кайласа находится обитель Шивы.

[1598] *Мадура* означает «сладкую землю». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1599] *Кундодара* – «великое брюхо». – *Примечание Е.П.Блаватской.*
Kuṇḍodara (*санскр.*) – имеющий живот, подобный кувшину (kuṇḍa).

улыбнулся и только сказал: «Царь, накорми моего маленького придворного». Раджа, весьма опечаленный тем, что его провизии будет некому кушать, приказал своему *прадхану мантри* (первому министру) озаботиться, чтобы карлика хорошо накормили. Но когда тот начал есть, то в несколько минут сожрал не только заготовленные во дворце *деликатесы*, но и всю провизию и даже весь годовой запас города Мадуры, а затем проглотил и всю запасную воду в колодцах и фонтанах. Тогда повели все еще вопившего о воде карлика на берег реки Вайги. Все воды ее оказались недостаточными для утоления жажды *Кундодары*, и он разом осушил ее до дна, после чего речная богиня должна была спасаться бегством в недра земли.

То был урок, данный Шивой тестю, не думавшему о многих бедных, которых он мог бы накормить приготовленными к свадьбе яствами, и предпочитавшему, чтоб их скушали придворные вельможи. С тех пор карлик под видом своего каменного *толстобрюхого* идола сидит на берегу высохшей реки и ждет ее годичного появления во время сезона дождей. Но добрая Минакши, сжалясь над судьбой мадурцев, упросила богиню Вайгу вернуться из земных недр и течь к морю на один ярд под землей, а карлику позволяет выпивать всю воду реки только раз в год. С тех пор она и стала патронессою города.

В скором времени погрузившийся в изучение славных деяний могучей *девы* и пораженный ее добродетелями, мистер Питерс, навещая зачастую храм, стал находить нечто привлекательное в выражении рыбьих глаз Минакши. Ее эфиопские уста, казалось, растягивались в кроткую улыбку с приближением коллектора, он стал привыкать к ее безобразию. Холостяк и со скромными вкусами, как и все ученые, Питерс, начав изучать религии индусов сперва ради науки, а может быть и со скуки, стал втягиваться мало-помалу в эту сложную, головоломную философию и вскоре превратился в настоящего *шастри*[1600]. Он уже не подтрунивал над благочестивыми браминами, а стал брататься с ними и окружать себя ими.

Между последними находился один *мантрик*, брамин из храма Минакши, должность которого состояла в том, чтобы произносить пред богиней *мантры* и другие заклинательные молитвы. В скором времени он сделался *alter ego*[1601] коллектора. Наконец, в один прекрасный день он принес ему идола Минакши, и бронзовое изображение было поставлено в спальне хозяина. Зная его за археолога, проживающие в Мадуре немногие англо-индийцы не обратили на это особенного внимания.

Но вот в одну ночь мистер Питерс, спавший всегда очень крепким сном, узрел во сне свою богиню. Рыбоглазое видение поспешно будило его, приказывая «встать и одеться». Но даже и такое приказание не могло подействовать на непробудный сон коллектора. Тогда ему померещилось *во сне*, будто сама богиня стала поспешно одевать его; священные руки Минакши не брезгали даже натягивать на его ноги сапоги, сделанные из кожи *священной* коровы (поэтому самая осквернительная в глазах браминов часть европейского туалета). Одев своего поклонника, она дотронулась до его лба и со словами: «Спасайся в окно, скачи вниз, иначе ты погиб!..» исчезла, а мистер Питерс проснулся…

Коллекторский дом был весь в огне. Пламя уже лизало жадными языками стены его опочивальни, и единственная выходная из нее дверь пылала. Не задумываясь, он выпрыгнул из окна и тем спас свою жизнь. Дом был выстроен на берегу реки, но в то время Вайга была по обыкновению совершенно суха. Вдруг, к изумлению всех, на ложе ее пред глазами сбежавшейся толпы вода стала просачиваться и быстро прибывать пред самою верандой горевшего дома. Благодаря этой неожиданной помощи, пожар был скоро потушен и многие из вещей драгоценной коллекции мистера Питерса спасены. Сгорели только весьма важные для правительства бумаги и документы.

Факт этот заявлен собственною коллектора рукой и за его подписью; подтвержден свидетельством его помощника, клерков и многих из присутствовавших на пожарище, а затем и внесен в шнуровую книгу городского архива, где этот любопытный документ находится и по сие время.

[1600] Богослов, изучивший на память все «шастры», богословские сочинения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1601] вторым я (*лат.*).

Страннее всего то, что мистер Питерс, как по свидетельству его камердинера, так и по собственным воспоминаниям, лег накануне в постель раздетый и разутый, а тут, выскочив из окна, нашел себя одетым и в сапогах! Вдобавок ко всему он выпрыгнул из первого этажа не один, *а с тяжеловесным бронзовым идолом Минакши под рукой*. Загадочный факт, рассказываемый им самим сотни раз, заставлял всех улыбаться и качать головой: «Почтенный Питерс-де был просто пьян накануне и вероятно заснул, как был, даже обутый». Но брамины и туземная часть населения торжествовали и остались в полной уверенности, что *его одела и спасла сама Махадевати*, «великая богиня».

Очевидно, что и мистер Питерс вполне разделял это мнение, судя по непредвиденным результатам происшествия: он вдруг сделался чрезвычайно набожным, если только можно употребить это слово в отношении к предмету такого благочестия, и из полного материалиста действительно «превратился в *пуджиста*», по выражению Мульджи. Питерс стал оказывать почести богине Минакши не хуже любого брамина; бросив службу и выйдя в отставку, облачился в наряд *байрагов*, совершал ежедневно все предписанные *шастрами* религиозные обряды и, наконец, прослыл в народе под названием «белого святого». Он полюбил индусов и сделался таким ярым защитником их, что память его пребывает доселе в сердцах благодарных туземцев, а имя произносится с величайшим уважением всеми приходящими на поклонение пилигримами.

Вследствие такого необычайного «пассажа» правительство объявило его сумасшедшим и назначило комиссию психиатров отправить его в Англию на излечение. Но «богиня» и тут не выдала своего поклонника. Врачи и эксперты, очевидно, подпали под влияние *тараны* (магнетического влияния)[1602] Минакши, так как вместо свидетельства об умственном расстройстве они дали ему чистый лист, объявлявший, что рассудок экс-коллектора находится в полном здравии. Уехав затем обратно в Мадрас, они подтвердили и там свое показание. Питерс имел влиятельных друзей в Англии и независимое состояние: его оставили в покое.

Когда много лет спустя он умер, то пожелал, чтоб его прах был зарыт в таком месте, откуда можно было бы видеть храм его богини. Так и было сделано. Его похоронили после сожжения на пригорке, откуда златая *ступпи* (купол)[1603] на восточной башне храма видна как на ладони. До сего дня возвышается гранитный мавзолей, и пилигримы приходят навещать могилу «белого святого». *Peters Tomb*[1604] одна из примечательностей Мадуры, и турист, желающий полюбоваться видом города и храма, отправляется на всем известный пригорок. Последний находится на земле, принадлежащей храму Минакши, иначе могилу и памятник давно бы уже сняли и сравняли с землей…

Но англо-индийцы, «*не* любящие» индусов, нашли бы свою работу не по силам, если б им пришлось объявлять сумасшедшими всех англо-индийцев, которые хотя и не любят туземцев, но зато верят в могущество их богов и богинь, как это ни покажется странным. И весь этот эксцентричный люд по справкам оказывается вышедшим из рядовых материалистов. Все-то они *экс*-атеисты да позитивисты! Например, вот что̀ пишет махараджа Траванкорский, образованнейший из всех принцев Индии, о другом коллекторе, имя которого он не пожелал объявить[1605]:

«Некий коллектор был отцом нескольких дочерей, но не имел сына. Состоя в знакомстве вследствие своего официального положения с туземными джентльменами разных сект и верований, он получил от некоторых из них совет отправиться в Рамешварамский[1606] храм и там искупаться в море, *если желает иметь сына*. Конечно, он сперва поднял советчиков на смех, но за

[1602] Дха́рана (*санскр.* dhāraṇā – удержание) – длительная концентрация внимания на каком-либо объекте; шестая из восьми частей йоги Патанджали, изложенной в «Йога-сутрах».

[1603] Сту́па, субурга́н (*санскр.* stūpa, «макушка, куча земли, камней, земляной холм», *тиб.* чортен, *монг.* суварга(н), *бур.* субарга(н)) – буддийское архитектурно-скульптурное культовое сооружение, имеющее полусферические очертания.

[1604] могила Питерса (*англ.*).

[1605] См. журнал *Theosophist*, стр. 41, ноябрь, 1884*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* См.: The Borderland between Matter and Spirit // The Theosophist, Vol. VI, 1884. P. 41.

[1606] Rameswaram, Ramesvaram, Rameshwaram, Ramisseram.

сим, извиняясь тем, что морское купанье не может ему ни в каком случае повредить, отправился в Дхавамкоти[1607], выкупался там и *вскоре затем у него родился сын*!»

Несколько англо-индийцев обратились в магометанство; другие, не принимаемые браминами в индуизм, поделались с горя не то *валлабачариями*[1608], не то чертопоклонниками…

Мадура – рукой подать от Мадраса. Когда мы ездили туда года два позднее, а затем и поселились на реке Адьяра, один из старых браминов, знавший Питерса лично, много нам рассказывал про него.

– Богиня открылась ему, – говорил он, между прочим, – в своей *настоящей первородной эссенции*, иначе он бы ее никогда не стал так боготворить.

А в ответ на наше замечание, что хотя они, ведантины, и много говорят про *единство* Парабрамы, но что их поклонение идолам опровергает и противоречит этому единству в их понятиях, он нам отвечал:

– *Девати* (богиня) – идол только в глазах неученого *шудры* (низкая каста); для посвященного *шастри* Минакши, как и прочие божества, просто *один из кирпичей общего здания*, имя коему *Сат*, «сущий»[1609].

Это объяснение и выражение «кирпич» показалось нам тогда весьма неудовлетворительным, а мне так и очень смешным. Позднее, однако, я лучше поняла его значение.

До серьезного изучения мною *Вед* (или, как этимологически правильно, *Вѣд*) и вообще символизма верований браминов я часто задавала себе вопрос: в силу *чего* такие мыслители, какими являются (тому, кто изучал *шесть* главных философий Индии) авторы этих в высшей степени замечательных своеобразных систем, – в силу чего могли такие умные люди сделаться сами или даже допустить в массах, как бы они ни были невежественны, *политеизм* и его внешнее выражение – идолов? Долго я не могла отдать себе отчет в этом странном пристрастии. Я не могла себе объяснить даже поверхностно, почему, например, Кешуб Чендер-Сен, всем известный высокообразованный бенгальский реформатор, человек, когда-то очаровавший своим разговором и взглядами королеву Викторию[1610], а все лондонское высшее общество своим необычайным, увлекающим красноречием, – почему даже этот мистик, глава и *лидер* Брамо-самаджа, не мог до конца жизни отбросить свою богиню *Дургу*[1611]. Иногда казалось просто омерзительным слышать его и читать в печати, как он в своем мистическом полубреде смешивал в одно Магомета, Будду, Чайтанью и Дургу! Но я поняла теперь и сожалею искренно о своих громко высказанных порицаниях этому уже умершему реформатору. Он был горячим монотеистом, но он родился индусом и оставался им до смерти. Быть может, следующее объяснение загадки окажется небесполезным.

В странной мифологии браминов, которая на первый взгляд еще сказочнее греческой, и вообще в их еще более странном мировоззрении, тем не менее, скрывается глубокая философия.

[1607] Храм Рамешварам в *Дхавамкоти*[*] место пилигримства, куда отправляются по обету туземцы, *дабы иметь сыновей*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Dhanushkodi.

[1608] Секта *валлабачариев*[*] самая безнравственная. Она признает одного главу, понтифа, который пользуется неотъемлемыми супружескими правами на жен и дочерей *всех* валлабачариев без исключения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Валла́бха, Шри Валлабхачарья (*англ.* Vallabhacharya, 1479–1531) – индийский религиозный философ, индуистский вишнуитский (кришнаитский) религиозный деятель, ачарья, основатель индуистского вишнуитского течения Пуштимарга («Путь Процветания [души]»), последователь философии шуддха-адвайта (чистой недвойственности).

[1609] «Сат (санскр.). Единая Вечносущая Реальность в бесконечном мире; Божественная Сущность, которая есть, но о которой нельзя сказать, что она существует, так как это Абсолютность, сама Бытийность» *Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 355).

[1610] Кешуб Чендер-Сен всегда называл королеву[*] своею «матерью», а члены Брамо-самаджской секты считаются и зовутся индийскими «унитариями», полухристианами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Виктория (1819–1901) – королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с 1837 г., императрица Индии с 1876 г.

[1611] Ду́рга (*санскр.* Durgâ, Дургá, «труднодоступная» или «непобедимая») – богиня древнеиндийской мифологии, одна из самых популярных богинь в индуизме. Известна также под именами: Парвати – «горная», Кали – «черная», Бхайрави – «зловещая».

Внешняя форма идолопоклонства есть лишь завеса, скрывающая истину как покрывало Изиды[1612]. Но эта истина дается не всем. Для одних завеса скрывает не лик Изиды, а только уходящее в непроницаемую для них тьму пустое пространство; для других оттуда проливается свет. Не одаренным от природы тем врожденным у многих внутренним чувством, которое так метко зовется у индусов «третьим глазом» или «оком Шивы»[1613], гораздо полезнее довольствоваться фантастическими разводами на завесе: таким не проникнуть в глубь непроницаемого мрака, не наполнить пустого пространства. Но тот, кто обладает «третьим глазом» или, говоря яснее, способен перенести свое зрение с грубо объективной на почву чисто внутреннюю, тот узрит в этом мраке свет, а в кажущейся пустоте различит *вселенную*… Внутреннее самосознание укажет ему безошибочно, что присутствие Бога тут *чувствуется*, но не может быть передано, и что выражение оного в конкретной форме находит свое извинение в самой горячности желания передать это чувство массам. И вот, хотя еще порицая в душе форму поклонения, он не станет более открыто смеяться над идолами и верой в них того, кто, неспособный проникнуть за завесу, довольствуется внешностью только потому, что ему трудно, если не совсем невозможно, получить какое-либо подходящее представление о «неведомом Боге».

Дабы доказать наглядно, что все триста тридцать миллионов богов Индии, взятые вместе, указывают на *одного* неведомого Бога, постараюсь объясниться яснее. Для этого окажется достаточным привести одну из аллегорий-сказок древних браминов из *Пуран*, сказку, не дошедшую, как видно, до наших ориенталистов. Она скоро сказывается.

К самому концу последней *пралайи* (*pralaya*, то есть промежуточный период между двумя сотвореними нашего мира) Великий Раджа, пребывающий в вечности бесконечного пространства, желая дать средства будущим людям познать его, выстроил из *присущих ему качеств* дворец над горой *Меру*[1614] и стал проживать там. Но когда люди снова заселили мир, то дворец этот, один конец коего опирался в правую, а другой в левую бесконечность, оказался столь обширным, что маленькие люди даже и не догадывались о его существовании: для них дворец был небесною твердью, за которою в их понятии не было ничего… Тогда Великий Раджа, познав неудобство и жалея маленьких людей, пожелал открыться им *не в целости, а частями*. Он разрушил дворец, созданный из его качеств, и стал бросать один кирпич за другим на землю. Каждый из кирпичей превратился в идола: красный в бога, а серый в богиню, и каждый из *деват* и *девати*, воплотившись в идола, *получил одно из неисчислимых качеств Маха-Раджи*. Сперва весь пантеон состоял из одних превосходных качеств. Но люди, пользуясь безнаказанностью, стали делаться все порочнее и злее. Тогда Великий Раджа послал *ка́рму* (закон возмездия) на землю. *Карма*, не щадящая и богов, превратила многие из *качеств* в орудия наказания; и таким образом появились между всепрощающими кроткими божествами боги-разрушители и боги-мстители.

Сказка эта, рассказанная нам мадурским брамином, объясняет, почему он назвал богиню Минакши «кирпичом», а вместе с этим указывает на единство в глубине всего этого многобожия. Между *dii majores*[1615] священной горы Меру, Олимпа Индии, и *dii minores*[1616] разница в их сути невелика. Первые прямые, а вторые раздробленные, преломляющиеся лучи одного и того же светила. Чтò такое в действительности Брама, Вишну и Шива? Тройной луч, прямо исходящий из «светила вселенной», *Суайамбхувы*, то есть *силы* или *духа*, оживотворяющего и оплодотворяющего материю, олицетворенную в Сарасвати, Лакшми и Кали: три представления

[1612] Покрывало Изиды – покров древнеегипетской богини Изиды, считавшейся хранительницей сокровенных тайн природы и олицетворением ее жизненных сил.

[1613] См.: «В Индии это называется “Глазом Шивы”, но за пределами великой горной Цепи, в Эзотерической фразеологии, оно известно, как “Открытый Глаз Дангмы”. Дангма означает очищенная душа, тот, кто стал Дживанмукту, высочайшим Адептом, или, вернее, Махатмою. Его “Открытый Глаз” есть внутренний духовный глаз ясновидца; и способность, которая проявляется через него, не есть ясновидение, как оно обычно понимается, то есть сила видения на расстоянии, но скорее способность духовной интуиции, через которую получается непосредственное и достоверное знание. Эта способность тесно связана с “Третьим Глазом”, которым мифологические традиции наделяют некоторые человеческие расы» (*Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина. Т. I. Рига, 1937. С. 91).

[1614] Меру (Сумеру – «благая Меру») – священная гора в космологии индуизма и буддизма, где она рассматривается как центр всех материальных вселенных, считается обителью Брахмы и других дэвов.

[1615] старшими богами (*лат.*).

[1616] младшими богами (*лат.*).

пракрити (материи), три богини трех богов. Эти три четы, синтезированные в *Суайамбхуве*, «божестве *непроявляющемся*», суть символы, олицетворяющие невидимое присутствие его во всех явлениях природы. Словом, Брама и Сарасвати, Вишну и Лакшми, Шива и Кали представляют в своей совокупности *дух* и *материю* с тройственным в них качеством – *созидания, сохранения* и *разрушения*.

Вишну один, а имен у него 1008. Каждое из этих имен есть название *одного из качеств Единого*. А личные качества Вишну воплощаются, в свою очередь, в других второстепенных богов индийского пантеона. Превратившись, таким образом, в отдельную от Вишну личность (между тем как сам Вишну есть лишь олицетворение одного из *семи* главных качеств или атрибутов *Суайамбхувы*), каждое олицетворение называется одним из *аспектов* или «видов» Вишну, Брамы или Шивы, словом, того или другого из *главных* богов и богинь. У всех по стольку же имен, которые священнодействующий брамин той или другой секты повторяет *в наше время* как попугай, но из коих каждое имело в дни древности глубокое значение. *Суайамбхува* – первая эманация или луч Парабрамы, *бескачественного* божества, первое веяние духа его; он и есть *тримурти*, синтезис[1617] трех духовных сил в соединении с тремя силами материальными. А из качеств этих трех пар родятся меньшие боги, *dii minores*, представляющие, в свою очередь, качества наибольших богов.

Так семь первобытных цветов призмы, на которые разлагается *бесцветный* луч, в дальнейших сочетаниях образуют вторичные сложные цвета и разнообразятся *ad infinitum*[1618]. У бога *Сурьи* (солнца), говорят брамины, *семь сыновей*, потомство которых составляет добрую треть пантеона *дев*. А бог воздуха *Вайю* – родитель семи первородных слогов и семи музыкальных тонов, в которых зарождаются и из коих исходят всевозможные комбинации звуков в гармонии природы.

В древней Индии религия была тесно связана с созерцанием природы. В Божестве олицетворялись всемирные истины и самая суть *Истины*. Всякая открытая истина, в чем бы она ни заключалась, имеет прямое отношение к Божеству или *самобытной* Истине. В пантеизме индусской религии груб собственно только внешний метод выражений, обыкновенно имеющий отталкивающую и карикатурную форму.

Естественный вывод из всего этого тот, что пантеизм Индии, видимо обоготворивший все грубые силы природы и как бы олицетворяющий одни внешние образы, связан с областью физического ведения, химии, особенно астрономии, и представляет собою как бы опоэтизированный материализм, продолжение халдейского сабеизма[1619]. Но если, отбросив его внешнюю форму, доведшую темные массы до самого отвратительного поклонения кумирам, мы проникнем до первоначального происхождения мифов пантеизма, то не найдем в них ни богов, ни даже внешнего поклонения разным предметам из царств природы в их обыкновенном образе, а поклонение *духу вездесущему*, поэтому столь же присущему малейшей травке, как и силе, зародившей и вырастившей ее.

Таким является простое и естественное объяснение 33 *крорам*[1620] (330 миллионов) богов Индии. Эти боги зародились и получили бытие вследствие темного стремления олицетворить неолицетворяемое, сотворяя себе тем самым «кумира». Краеугольный камень философского и религиозного мировоззрения их мудрецов очутился с течением времени в руках властолюбивых, холодно расчетливых браминов, и этот камень был разбит ими на осколки, истолчен в мелкий порошок для удобнейшего усвоения массами. Но для мыслителя, как и для всякого *непредубежденного* ориенталиста, эти исковерканные осколки, как и мельчайший щебень от них, все-таки от того же камня – атрибуты проявленной энергии Парабрамы, единого, безначально и бесконечно сущего.

[1617] синтез (*англ.* synthesis).

[1618] до бесконечности (*лат.*).

[1619] Сабеизм – одно из течений астролатрии – звездного культа; поклонение звездам, обоготворение небесных светил. В древнее время сабеизм был особенно распространен в Вавилоне и Ассирии, где храмы одновременно служили обсерваториями, в Аравии, Сирии, Малой Азии и т.д.

[1620] *Крора* – 100 лакков или 10 миллионов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Брамины-ведантисты постулируют три рода существования: *пáрамáртхика – действительное*, истинное; *вьявахáрика – условное практическое*; и *прáтибхáзика*[1621] – *кажущееся*. Параброма – единственное представление первого, поэтому он и зовется *Сат*, «воистину сущий» или *единосущий*; ко второму классу принадлежат олицетворенные в различных образах боги, *личные* души[1622] смертных и все явленное, феноменальное, в мире субъективного чувства. Этот класс, получив бытие в представлении темных масс, имеет основание не более твердое, чем все то, что̀ мы видим во сне, но ввиду реальности практических отношений людей к этим богам существование их допускается *условным* образом. Третий класс включает в себя такие предметы, как марево, перламутр, принимаемый за серебро, свернувшаяся змея, принимаемая за веревку, а в своем подразделении и человека. Люди *думают*, воображают себе, что видят то или другое: стало быть, для того, кто это видит и воображает таковым, оно *действительно существует*. Но так как эта действительность только временная и самая суть предметов преходящая, стало быть, условная, то и выходит, в конце концов, что вся эта действительность есть только *иллюзия*.

Все эти воззрения не только не мешают вере в личность божества и единство его, но даже служат непроходимою преградой атеизму. В Индии нет атеистов в том значении, какое мы, европейцы, придаем этому термину. *Настика* есть атеист в смысле *неверования в богов, идолов*. Это известно в Индии каждому, и мы в этом вполне убедились. Атеистам Запада и даже его *агностикам* далеко до философии *настиков* Востока. Первые грубо отрицают все, кроме материи; последние, то есть индийские материалисты, *настики*, отнюдь не отрицают возможности существования того, чего они не понимают. Истинный философ поймет *дух*, а не букву их отрицания. Он легко убедится в том, что если, указывая на абстракцию, называемую *Парабрамой*, они учат, что этот принцип «без произвола и деятельности, без чувств, как и без сознания», то делают они это именно потому, что, по их понятию, *единое* под этим названием есть *безусловный* произвол, *безначальная* и *бесконечная* деятельность, *самобытные* самосознание, самомышление и самочувствие.

Выходит так, что пантеисты Индии, удерживая своих идолов, грешат только избытком религиозного, хотя и дурно применяемого чувства. Да и то сказать: после всесокрушающего и ровно ничего не созидающего *животного* материализма Европы такой пантеизм является нравственным и душевным отдохновением, цветущим оазисом среди мертвой, песчаной пустыни. Лучше верить *хотя в одно из качеств божества*, олицетворив его и поклоняясь ему под тем видом, которое по силе разумения каждого представляет ему удобопонятнейшее представление и символ *Всего,* – нежели, отвергая это *Все* под предлогом, что оно недоказуемо научными путями, не верить ни во что̀, как то делают наши ученые материалисты, да и модные агностики.

С точки зрения всего вышесказанного, хотя удивляясь и даже искренно смеясь над оригинальным выбором предмета божественного поклонения мистера Питерса, мы поймем, почему из ярого материалиста школы Милля и Клиффорда он так внезапно и неожиданно для всех превратился в пантеиста и даже в *пуджиста*[1623].

А теперь вернемся снова в Диг.

[1621] прáтибхáсика (*санскр.* prātibhāsika).

[1622] *Личная* душа, или *земное* сознание, отлична от бессмертного в нас «духа» в учении браминов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1623] От слова *пуджа* – поклонение богам по установленным правилам; не молитва, а обрядность. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

IV

Рассказ Мульджи, весьма сокращенный мною, но в его устах переполненный подробностями, довел нас незаметно до обеденного часа, то есть до пяти часов пополудни.

Кругом нас стоял невыносимый зной. День, проведенный нами в Диге, был до того жаркий, что можно было заподозрить *Сурью* в желании испечь живыми всех поклоняющихся ему джатов, а вместе с ними и нас грешных, так часто проклинавших его чересчур горячие ласки…

Палящие лучи обливали, как растопленным золотом, мраморные стены и купола киосков, лежали ослепляющими пятнами на сонных водах прудов, пускали смертоносные стрелы во все живое и мертвое. Они заставили даже кучи попугаев и павлинов, которыми сады Индии изобилуют, как наши русские огороды воробьями, прятаться в самую чащу кустов. Тишина вокруг нас стояла непробудная… Все спало, все млело и горело…

Но мы еще до начала рассказа о мистере Питерсе забрались в центральную беседку из мрамора, высокую и почти спрятанную в самой чаще сада, где, не рискуя выходить из найденного нами благословенного приюта, наслаждались в нем относительною, конечно, прохладой. Окруженная со всех сторон водой небольшого бассейна, – среди которого она возвышается, обширная и затемненная водяными ползучими растениями, – она давала нам приют, где мы не чувствовали в ней ни большего жара, ни утомления. К нам на несколько саженей в окружности манило тенью и прохладой; за чертой зеркального, миниатюрного пруда пылал ад, и земля трещала и лопалась от огненных лобзаний страшного весеннего солнца, лучи которого лизали своими пламенными языками все еще роскошную, но уже увядающую растительность сада. Розы сжимались и осыпались; даже лотос и водяная лилия закручивали в трубочку окраины своих толстых, выносливых лепестков, словно брезгливо сторонясь от жгучего прикосновения. Одни орхидеи, «цветы страстей»[1624], высоко поднимали свои пестрые, насекомообразные чашечки, упиваясь этим огненным потоком, как другие цветы упиваются прохладною росой…

Что̀ за оригинальный, прелестный сад! Разбитый на голой скале на пространстве каких-нибудь ста двадцати саженей в длину да пятидесяти в ширину[1625], он заключает в себе более двухсот больших и малых водометов и фонтанов. Управляющий, слащавый, похожий на евнуха старик, уверял нас, что «не все водометы пущены»; многие засорились и попортились, но что в день приема в Диге, если не ошибаюсь, принца Уэльского их было шестьсот. Но мы остались вполне довольны и двумястами. За несколько рупий садовники доставили нам возможность чувствовать себя среди восхитительной прохлады целый день и гулять лунною ночью в аллее, обсаженной вместо деревьев двумя сплошными рядами высоко бьющих фонтанов. Ничто не могло сравниться с эффектом этих двух стен водяной пыли, искрящейся в лунном свете бриллиантами и переливающейся всеми радужными тенями перламутра. Чудный уголок, а между тем, забытый всеми, не посещаемый никем, кроме случайно проезжих англо-индийских чиновников, всегда готовых пользоваться угощениями туземных принцев, а в благодарность поносить их на всех перекрестках.

[1624] *Passion flower* называется так потому, что этот род орхидей распускается вполне только в полуденный зной, но вовсе не от того, что его лепестки представляли подобие креста, гвоздей и тернового венца, как многие уверяют[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Речь идет о страстоцвете или пассифлоре – роде растений семейства Страстоцветных, включающих более 500 видов, большая часть которых растет в тропической Америке. В 1610 г. изображение цветка пассифлоры попало в руки итальянского историка и религиозного деятеля Джакомо Босио. Босио начал собирать и другие описания и изображения цветка, привозимые мексиканскими иезуитами, и в том же году опубликовал доклад «Della Trionfante e Gloriosa Croce» («Торжествующий и славный крест»), где описал цветок пассифлоры как наглядное воплощение страданий Христа. Три рыльца пестика символизировали гвозди, которыми были прибиты к кресту ступни и руки Христа. Внешняя корона олицетворяла терновый венец, тычинки – пять ран. Семьдесят две венечные нити внутренней короны были приняты за количество шипов тернового венца. Копьевидные листья обозначили копье, пронзившее Христа. Железки, найденные на обратной стороне листа, должны были означать тридцать сребреников, полученных Иудой за предательство. Эти сравнения дали повод к названию растения Passiflora, от латинского «passio» – страдание и «flos» – цветок, то есть страстоцвет.

[1625] 255–106 м.

Махараджа Бертпурский сам и не заглядывает в Диг. Джатский потентат, питомец правительства, предпочитает шипенье шампанского журчанию всех фонтанов своего прелестного дворца, и нет для него мелодии слаще звука откупориваемой бутылки коньяка…

Таким образом, вековой тенистый сад глохнет в своей дикой красоте, брошенный людьми, но зато предоставленный в полное распоряжение целой армии великолепных, хотя тоже одичалых пав. Любимая птица Юноны (которая в Индии зовется *Сарасвати*) наполняет сотнями дорожки, важно прогуливаясь и заметая длинными хвостами накопившийся годами сор. Она унизывает сверху донизу деревья, и, благодаря ее присутствию, старый сад часто издали принимает вид заколдованной рощи в волшебной сказке: залитые ярким солнечным светом, косматые деревья словно дышат, шевелясь и волнуясь, и из-за их густой листвы выглядывают, отливая сапфирами и золотом, тысячи сверкающих, любопытных глаз… То глазки, рассеянные по хвостам движущихся в ветвях павлинов.

Выйдя на террасу в сад, я долго не могла отдать себе отчета в этой странной фантасмагории и спустилась по ступеням вниз, чтобы ближе рассмотреть чудное явление. Мое любопытство было тотчас же наказано «оскорблением действием». Тяжелый полет сорвавшегося с дерева и испуганного моим внезапным появлением павлина прервал мои размышления о чудесах Индии, сбив у меня с головы топи, а саму меня с ног. Я утешилась эксплорацией[1626] сада, а бабу́ отомстил за мое падение, вырвав из хвоста другого, ни в чем неповинного павлина полдюжины перьев «на память о Диге!».

Сад перерезан по всем направлениям узкими дорожками, которые чистятся и освобождаются от накопляющегося на них навоза только пред приездом «именитых гостей», как объяснил нам садовник; из чего с отличающею нас прозорливостью мы заключили, что не принадлежим к этой счастливой категории. Во всех углах, и даже в глубине сада, мирно дремлют в своих мраморных гнездах неподвижные воды под покрывалом густой тины. Бассейны фонтанов, пруды и миниатюрные озерки превратились в зеленую кашу, и только воды ближайших к дворцу прудов очищены и много способствуют общей красоте этого уголка. Невзирая на очевидное запущение, особенно красив восьмиугольный бассейн посредине сада с прохладным, приютившим нас от жара киоском. Окруженные меньшими бассейнами с высокими водометами, вылетающими из корзин роскошных тропических цветов, мы блаженствовали в продолжение целого дня, сидя в нем словно в подводном царстве. К пруду ведут четыре перерезающие его накрест аллеи водометов, а к киоску – четыре мраморные, ажурные мостика…

Утомленные разговором, мы теперь сидели в молчании; каждый из нас предавался собственным думам и занятиям. Я читала, подумывая более о Такуре, нежели о содержании книги; полковник дремал. Сидя на скамейке у стены и закинув назад голову в чащу ползучей зелени, из-за которой торчала его длинная, седая борода, наш уважаемый глава, полковник О***, слегка похрапывал. Нараян и Мульджи сидели на корточках на полу, а бабу́ поместился наподобие кариатиды на пьедестале какого-то сломанного и отсутствующего идола и тоже дремал.

Так мы сидели, не двигаясь, сонные и молчаливые, довольно долго. Наконец, часам к 5½ дремлющий сад стал постепенно просыпаться; жара остывала, павлины вылезали из своих углов, стаи зелено-золотистых попугаев перекликались с верхушек деревьев… Еще несколько минут – и солнце исчезнет за чертой соленых озер; истомленная за день природа отдохнет до следующего утра, остынет до нового огненного искуса.

Я бросила книгу и стала наблюдать, как все вокруг нас начинало дышать и двигаться. Сад превращался из пещи Данииловой[1627] в рощу классической идиллии: недоставало в нем только игривых, плещущихся нимф да веселой свирели Пана. Прозрачная влага пруда отражала теперь только синее небо да на ночь садившихся по вырезным перилам мостика тщеславных павлинов. Приготовляясь ко сну грядущему, они играли хвостами, как испанки веером: распуская и снова закрывая их и снова любуясь их отражением в воде… Наконец, брызнув последними золотыми

[1626] исследованием (*англ.* exploration).

[1627] Речь идет о трех отроках в пещи огненной, персонажах Книги пророка Даниила (Дан. 1, 7), иудейских юношах в Вавилонском пленении. Эти друзья пророка Даниила были брошены в огненную печь по приказу царя Навуходоносора за отказ поклониться идолу, но были сохранены архангелом Михаилом и вышли оттуда невредимыми.

искрами, солнце исчезло и на нас потянул легкий ветерок. В беседке было так хорошо, так прохладно, что мы решительно отказались идти обедать в душные залы дворца и решили потребовать *кхану* (обед) в беседку, отправив для этого послом бабу́.

Неугомонный бенгалец под предлогом боязни мщения общипанного им павлина, которого он узнал, по его уверению, в одном из сидящих на перилах, вместо дороги по мостику выбрал кратчайший путь, стремительно нырнув с пьедестала, где восседал, прямо в пруд. Неожиданный всплеск воды перепугал, разбудив дремавшего полковника, который тотчас же заботливо осведомился, нет ли для бабу́ опасности утонуть?..

– Лучше утонуть, нежели рисковать мщением *оборотня*! – прокричал, захлебываясь водой и фыркая, насмешливый скептик.

– Какого оборотня? – полюбопытствовал наш президент, успокоенный тем, что вода доходила бабу́ еле до груди.

– Да проклятого павлина! Ведь это тот самый оборотень, что̀ слетел к нам вчера вечером в Бертпуре на веранду! – горланил бенгалец, с усилием ступая по вязкому дну пруда. – Я же сам видел, как он подмигнул Мульджи на меня.

– Это он все в мой огород кидает камушками, – заметил, хмурясь, «генерал». – Разве этот *настика* когда-нибудь во что̀ верил? Он вечно смеется над всем и всеми…

– Ну, теперь можете посмеяться и вы над ним… Взгляните только на эту фигуру! – сказала я, расхохотавшись.

Действительно, бабу́ представлял прелюбопытное зрелище. Он насилу вылез из тины и, вскарабкавшись на высокий парапет пруда, оставлял за собою на белом мраморе целые потоки зеленоватой грязи. Покрытый болотными травами и тиной, он утратил всякое человеческое подобие.

– Вы походите на утопленника, мой бедный бабу́, – засмеялась я ему. – Ну можно ли чувствовать такое влечение к воде! Ведь это сегодня вы уже во второй раз. Смотрите, не сделайтесь после смерти водяным *пизачей*, да и не утоните когда-нибудь…

– «Чем был, то есмь и тем буду», – получила я в ответ цитату из афоризмов его всеотрицающей секты. – «Прах есмь и прахом буду», а утонуть, говорят, самая приятная и легкая смерть, *мэм-сааб*…

– Что̀ ты *есть*, все видят; чем *будешь*, не ведаю, а вот что ты непременно был в предшедшем своем существовании ньюфаундлендским щенком, так это верно, – отомстил ему Мульджи.

Но бабу́ не слыхал сделанного сквозь зубы на его счет замечания. Немного сконфуженный своею наружностью, он бросился бежать опрометью к дому.

Владей я, как то воображал Нараян, даром предвидения, я бы скорее проглотила свой язык прежде, нежели решилась бы на сделанное мною последнее замечание. Бедный, веселый, беззаботный мальчик!.. Думал ли он тогда, что его ожидает ранняя и столь мучительная смерть в мутно-желтых волнах Гангеса?.. До самого сего дня я не могу равнодушно вспомнить о бедном бабу́ и о веселых, проведенных нами вместе неделях путешествия, хотя уже прошло пять лет с тех пор и почти два года со дня рокового происшествия. Как часто, слишком часто, грезится мне с того времени в тревожном сне эта полуребяческая, худенькая фигурка, вся покрытая черно-зеленою тиной дигского пруда! Мнится мне тогда, будто ее когда-то блестящие, полные добродушного веселья глаза, теперь стеклянные и потухшие, глядят на меня в упор; и я слышу снова ясно, как наяву, знакомый, смеющийся голос на мое бессознательное пророческое предостережение: «Не утоните когда-нибудь» – таким же пророческим ответом: *«Чем был, то есмь… Прах есмь, прахом буду»*, и я просыпаюсь с дрожью ужаса при воспоминании[1628]!..

«Неужто так он и остался… *прахом*?» – часто задаю я себе вопрос, задумываясь над прошлым. И тотчас же я припоминаю тесно связанный с этою безответною загадкой смерти,

[1628] Бедный малый утонул в 1883 году самым ужасным и вместе глупым образом. Между Дера-Дуном и Хардваром Ганг еще не река, а поток мелкий, но чрезвычайно быстрый. Там переходят в одном месте по мостику, и у кого лошади, те ведут ее за повод возле мостика в воде, не достигающей лошади и по колено. Но бабу́ захотел, невзирая на предостережение, переехать реку верхом. Лошадь споткнулась и упала, а он запутался в стременах и не мог высвободиться. Поток, по рассказам, катил обоих более мили до бассейна водопада, где седок и лошадь, оба, исчезли. Его смерть была, само собою разумеется, приписана «гневу богов»! – *Примечание Е.П.Блаватской.*

неразрешенною еще нашими европейскими мыслителями, спор между Нараяном и бабу́ и ответы Такура на наши вопросы. Этот спор завязался у них всего [через] несколько дней после памятного для меня проведенного в Диге дня.

Передам этот замечательный разговор in extenso[1629], надеясь, что для серьезного читателя он будет интересен, не потому, конечно, что он решил долго мучившие меня лично вопросы, но потому, что он объясняет своеобразный взгляд ведантинов на загробную жизнь, ее тайны и вообще на душу человека.

Для вящего уяснения позволяю себе сказать несколько предварительных слов и тем сделать последующий разговор более понятным для читателя. Иначе не знакомому с философией ведантинов (*тайной* школы) и особенно с их сложною теорией души и ее значения в вечности, было бы весьма трудно уследить за всеми этими столь разнообразными названиями «духовного человека». Они бесчисленны, как и имена их масок-богов, потому что каждый *аспект* души (или скорее того совокупного духовного *агрегата*, который зовется у ведантинов *настоящим* человеком или «духовною личностью», тогда как его бренное тело или *земная* личность считается *иллюзией*), каждое качественное видоизменение души имеет свое особенное, характеристическое название. Например, они делят «земную личность» на три главные группы: духа, души и тела, а затем подразделяют эти группы на семь составных сил или принципов, из коих первые две, дух и «божественная душа» (седалище духа), безличные и безкачественные *per se*[1630], а пять остальных именуются *кошей*, то есть «ножнами» или оболочкой разных духовных и земных качеств человека, стало быть, личные и качественные. Так *маномайя коша*[1631] в буквальном переводе вышло бы: «призрачного понятия ножны», то есть седалище или вместилище чисто земных, а поэтому самому *призрачных* концепций человека. Эта *коша* есть оболочка *понятий его земного разума* в соединении с действиями органов наших пяти чувств, которые, затемняя божественный, чистый разум своими грубыми земными понятиями, превращают, таким образом, всякую истину в *мираж*.

Особенно затруднительна эта теория для тех, кто, признавая сотворение отдельной души для каждого человека и отвергая теорию его многочисленных реинкарнаций, тем самым отвергают «эманации», то есть самую суть пантеистического учения Индии. Читая, например, о *седмиричной*[1632] конституции человека, можно подумать, будто в нас сидят семь отличных одна от другой личностей («семь бесов», по выражению одного русского теософа), которые являются в своем нумерическом порядке будто кожицы в луковице, становясь по мере своего удаления от наружной и самой грубой оболочки, то есть тела, все эфирнее и субъективнее. Но философия Веданты ничего подобного не проповедует. Все эти *коши* придуманы ради уяснения ее догмата о полном единстве Парабрамы – основания и *субстанции* всей *явленной* вселенной; если же не объяснять эманациями этот догмат зарождения качественной вселенной от бескачественного духа, то догмат этот остался бы совершенно непонятным для самих пантеистов.

Дух един и неразделим, а души человечества представляют несчетное число отдельных единиц. Эти души суть эманации, «духи от духа». Но так как безличная и бескачественная *безусловность* лично проявляться не может, то представляется оборотная сторона Парабрамы, *Мулапракрити*[1633], его совечная сила или энергия, *корень* всего существующего. Неотделимая от Парабрамы, она вместе с ним составляет *невидимую вселенную*. То, что̀ отделяется, не есть *Мулапракрити*, но только свет, или сияние, от «света вселенной», который и есть эманация, превращающаяся в *видимую* вселенную. Но здесь снова является затруднение: где место для *видимой* вселенной? Как поместить что-либо там, где все уже занято, даже и в *безграничном*

[1629] полностью (*лат.*).

[1630] сами по себе (*лат.*).

[1631] Ментальная оболочка.

[1632] семеричной (*устар.*).

[1633] *Мулапракрити* – буквально «корень материи»[*], то есть первобытная эссенция вещества. Но так как Парабрама – *Всё*, то и этот корень тот же Парабрама. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Мулапракрити (санскр.). Парабрахмическая основа, Абстрактный Божественный Женский Принцип – Недифференцированная Субстанция. Акаша. Буквально – “Корень Природы” (Пракрити) или Материи» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 268).

пространстве, если фактически это пространство и есть самое Вездесущее, *Сат*? Как, наконец, извлечь качественное вещество из бескачественного духа, то есть из того, что̀ является в нашем представлении *ничем*?

Ведантины решают это затруднение так: *видимая* вселенная есть не что̀ иное, как *призрак* наших чувств, временная иллюзия столь же временных, как и обманчивых, понятий *земного* человека, который и сам есть иллюзия и одна *коша* или ножны духовной и поэтому единственной *реальной* личности. Ни видимый мир, ни объективный человек *не существуют* в действительности, ибо все видимое и подлежащее сознанию посредством свидетельства наших пяти чувств есть *самообман*, потому что существует и есть *всё* лишь одно – *Сат*.

Но прежде чем превратиться из *реального* «ничто» хотя бы в *призрачное* «нечто», такая трансформация должна происходить постепенно. «Сияние от света» есть все-таки Парабрама бескачественный, стало быть, и неспособный к действию. И вот *тень* – конечно, тоже «призрачная», ибо тени без тела не бывает, а Парабрама бестелесен – начинает в постепенной дифференциальности своего бессознательного действия (*nota bene*[1634] – бессознательного только в нашем условном понятии о самосознании) превращаться из бескачественного и безличного в качественное и личное, то есть сперва в видимые миры, а затем и в человека. Но человек, как и миры, не мог быть сотворен *разом*, даже в той грубой оболочке, которую мы *воображаем* видеть в нем. Он был сформирован и образовался следующим порядком:

Группа I

1. *Брама* или *атман*, луч Парабрамы, или дух.

2. *Будди*[1635] – его *вахан* или вместилище, носитель духа; высшая или божественная душа.

(Эта двойственная единица есть *корень* человека, хотя в нашем понятии эта сама по себе *безличная* и *бескачественная* единица является чистою *абстракцией*. Ее личность начинает слагаться и обрисовываться только по прошествии многих воплощений, так как *будди*, чтобы приобрести даже духовные качества, должна, унося их после смерти земной личности, брать их от первого принципа II группы – *манас*[1636]).

Группа II

3. *Манас* – седалище ума. В совокупности с *кама-рупой* (см. ниже) это и есть настоящая земная личность, *ego* человека или обитаемого ею тела, и зовется *человеческою* или *земною* душой, когда она подразумевается в своей отдельности от *будди*, или «божественной души». В соединении же с *будди* она называется *сутратмой* (нить-душа), так как она одна из этой тройной группы следует, изменяя только свои личные качества, за первою группой во всех ее земных воплощениях.

4. *Кама-рупа* – «седалище желаний». Этот принцип переживает человека, но вместе с

5. *Маяви-рупой*, «призрачным телом» или *двойником* личности, исчезает со временем. Эти 4-й и 5-й принципы превращаются после смерти человека в *пизачи* или в тех материализованных «духов», в которых спириты видят *души* своих покойников, а брамины – *бесов*.

Группа III

6. *Джива*, или жизнь; «жизненный принцип».

7. *Штуль-шарира*[1637], или тело человека, маска души.

[1634] обратите внимание (*лат.*).

[1635] «Буддхи (санскр.). Вселенская Душа или Разум. *Махабуддхи* есть название Махата; также Духовная Душа в человеке (шестой принцип), проводник Атмы, экзотерически – седьмой» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 92).

[1636] Здесь слово «манас» женского рода.

[1637] Стхула-шарира.

Эта группа есть самая кратковременная из всех «иллюзий», которая и исчезает бесследно после ее разрушения.

Таким образом, мы видим, что три группы с их семью разделениями резюмируются все «божественною душой». Безличная и бескачественная единица должна приобретать личность и духовные качества от каждой новой *манас*, т.е. от разумного *ego*, и не в одной, а в бесчисленной серии его воплощений. Прежде, нежели она может успеть сделаться *богоподобною* личностью, достойною соединиться даже временно с *Сат*[1638] и перестать быть «иллюзией», она должна пройти все стадии людского страдания, испытать лично все, испытываемое беспомощным человечеством, делать самоличные усилия к очищению себя от земной грязи, извлекая из обитаемых ею личностей только высшие, духовные качества, *если такие имеются*, перегорать, как золото в огне. Всякое новое воплощение есть новый шаг к очищению и совершенству. Все это для того, чтобы в конце веков и все прошлое человечество могло также жить по истине в Боге, как Бог будет жить в будущем (человечестве), «в седьмом», учат ведантины *тайной школы*, называя настоящее человечество только *пятым*.

А теперь следующий разговор с Такуром сделается понятнее читателю.

– Учитель, – спрашивал Нараян Такура среди горячего спора с бедным бабу́, – что̀ это он говорит и возможно ли это слушать!.. Чтоб от человека после смерти его ровно ничего не оставалось? Чтоб его тело, как он уверяет, просто разлагалось на свои составные элементы, а то, что̀ мы называем душой, а он «временным самосознанием», испарялось, исчезая, как пар из застывшего кипятка?..

– Что̀ ж такого в этом странного? Ведь бабу́ *чарвака*[1639] и поэтому говорит лишь то, что̀ тебе скажет всякий другой *чарвака*.

– Но ведь *чарваки* врут! Есть и другие, которые верят, что настоящий человек не есть его физическая оболочка, а заключается в его разуме, в седалище его самосознания… А разве может самосознание покинуть душу даже после нашей смерти?

– В *его случае* может, – отвечал также хладнокровно Такур, – потому что *он искренно и твердо верит в то, что̀ теперь проповедует*.

Нараян бросил удивленный, полный смятения взгляд на Такура, а бабу́, побаивавшийся последнего, окинул нас торжествующею улыбкой.

– Но как же так?.. Ведь Веданта учит, что «дух Духа» бессмертен и душа человеческая не умирает в Парабраме… Разве есть исключения?..

– В основных правилах духовного мира исключений не может быть, но есть правила для зрячих и правила для слепых.

– Это я понимаю, но в таком случае, как я ему и сказал, его «полное и окончательное исчезновение самосознания» не более, как аберрация слепого, который, не видя солнца, отрицает его… но узрит его духовными глазами после смерти…

– Ничего он не узрит. Отрицая его при жизни, он не увидит его и за гробом.

Заметив, что Нараян страшно волнуется и что даже мы, оба с полковником, уставились на него в ожидании более определенного ответа, Такур, очевидно, нехотя продолжал:

– Ты говоришь о «духе от Духа», об *атмане*, и смешиваешь дух с душой смертного, то есть с *манас*. Дух, без сомнения, бессмертен, ибо он без начала и, стало быть, без конца. Но речь идет теперь не о духе, а о человеческой, сознающей себя душе; ты ее смешиваешь с первым, а бабу́ отрицает и то, и другое, как дух, так и душу. Вы оба не понимаете друг друга.

– Его-то я понимаю, но…

– Не понимаешь меня?.. Постараюсь высказаться яснее. Вся суть твоего вопроса приводится к следующему: ты желаешь узнать, возможна ли, даже в случае закоренелого материалиста, полная утрата его самосознания и самочувствия после его смерти? Так что ли?

[1638] *Сат* – слово почти непереводимое на европейские языки. Здесь *Сат* означает *единосущную реальность*, кроме которой все одна иллюзия, самообман. *Сат* есть вечная, безграничная *суть* всего в вечном и безграничном пространстве, где кроме *Сат* нет ничему более места. Словом, *Сат* есть единосущие бескачественного и безусловного духа – *неявленного* божества. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1639] *Чарвака* – секта бенгальских материалистов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Да, потому что он вполне отрицает все то, что̀ для нас составляет несомненную истину… во что̀ мы все свято веруем…

– Хорошо. На это я, веруя так же свято, как и ты, в наше учение, которое называет посмертный период, то есть промежуточное время между двумя жизнями, лишь *временным* состоянием, отвечаю утвердительно и говорю: один ли год или миллион лет продолжается этот антракт между двумя действиями иллюзии жизни, загробное состояние может без всякого нарушения правил оказаться совершенно тем состоянием, в каком находится человек во время глубокого обморока. Бабу́, стало быть, *в его случае прав*.

– Но почему же… и как… коль скоро правило бессмертия не допускает, как вы нам говорите, исключений?.. – осведомился полковник.

– Не допускает, конечно: *для всего того, что̀ действительно существует*. Тому, кто изучал *Мундакья-упанишаду*[1640] и *Ведантасару*[1641], не следовало бы и спрашивать…

– Но *Мундакья-упанишада* именно и учит, – робко заметил Нараян, – что между *будди*[1642] и *манас*[1643], как между *ишварой* и *праджной*[1644], на самом деле не более разницы, как *между лесом и его деревьями, между озером и его водами…*

– Совершенно справедливо: потому что одно или даже сотня засохших от потери жизненного сока или вырванных с корнями деревьев не могут помешать лесу оставаться тем же лесом…

– Так… но ведь *будди* представляет в этом сравнении лес, а *манас-тайджази*[1645] деревья. А если первая бессмертна, то как же будучи тем же, что и *будди*, может *манас-тайджази*[1646] потерять совершенно сознание до своего нового воплощения?.. Это-то и затрудняет меня…

– Напрасно, если ты только возьмешь на себя труд не смешивать абстрактное представление целого с его случайными видоизменениями. Вспомни, что если мы можем, говоря о *будди*, сказать: «Она безусловно бессмертна», то нельзя сказать того же ни о *манас*, ни о *тайджази*. Ни та, ни другая не существуют отдельно от божественной души, потому что первая есть качественная принадлежность земной личности, а вторая – то же, что̀ и первая, только с отражением в себе *будди*. В свою очередь, *будди* оставалась бы только *безличным* духом без этого в себе элемента, заимствованного ею от человеческой души и который обусловливает и делает из нее нечто *как бы отдельное от Всемирной души* на все время цикла человеческих воплощений. Скажи ты поэтому, что *будди-манас* не может ни умереть, ни потерять сознания ни в вечности, ни во время переходных периодов, и тогда, по нашему учению, ты был бы прав. Но применять эту аксиому к ее качествам все равно, как если бы ты настаивал, что так как душа полковника О*** бессмертна, то значит и румянец на его щеках тоже должен быть бессмертным. Выходит, что ты, очевидно, смешал в своих понятиях сущность с явлением; забыл, что в соединении с одною *манас*, или «человеческою» душою, светозарность самой *тайджази* делается вопросом времени, так как и бессмертие, и загробное сознание становятся для *земной* личности человека качествами вполне условными, завися от сотворенных ей самою, при жизни ее тела, условий и верований. *Карма* (закон возмездия) действует непрерывно: *и мы пожинаем в мире загробном плоды лишь того, что̀ сами посеяли в этой жизни*.

[1640] Мундака-упанишада (*санскр.* Muṇḍaka Upaniṣad).

[1641] Веданта-сара.

[1642] «Божественная душа» человека. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1643] *Манас* как седалище земного рассудка дает мировоззрение, основанное на свидетельствах этого разума, а не духовное прозрение. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1644] *Ишвара* – коллективное сознание *явленного* божества, Брамы; а *праджна*[*] – его индивидуальная мудрость. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Праджня – буддийское понятие, обозначающее высшую трансцендентальную интуитивную просветленную мудрость, в которой отсутствуют какие-либо признаки или качества. В буддизме считается, что праджню можно постигнуть лишь с помощью интуитивного прозрения и осознания, а не путем анализа.

[1645] *Тайджази*[*] – «светозарная», вследствие связи ее с *будди*; *манас* – озаренная светом «божественной души». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Тайджаси.

[1646] *Манас-тайджази* – «светозарный разум», *человеческий* ум, освещенный светом духа, а *будди-манас* – «божественное откровение *plus*[*] человеческий разум и самосознание». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] плюс (*англ.*).

– Но если мое *ego* может очутиться после разрушения моего тела в состоянии полной бессознательности, то какое же может быть *для меня* в этом наказание за грехи моей жизни? – спросил полковник, задумчиво поглаживая бороду.

– Наша философия учит, что наказания постигают *ego* только в будущем воплощении, а непосредственно за гробом ожидают нас только награды за понесенные и *незаслуженные* страдания в земной жизни. Все наказание, как видите, *состоит в отсутствии награды, в полной потере сознания своего счастия и покоя. Карма* – дитя земного *ego*, плод действий его всеми видимой личности, *даже помышлений и намерений* духовного *я*, но она также и нежная мать, которая залечивает нанесенные ею в предшедшей жизни раны прежде, чем станет снова бичевать это *ego*, нанося ему новые. Если нет в жизни смертного такого горя или несчастия, которое не было бы плодом и прямым последствием греха в его предшедшем существовании, то зато, не сохранив о том ни малейшего воспоминания в настоящей жизни и чувствуя себя не заслуживающим такой кары и поэтому страдающим *безвинно*, вследствие уже одного этого человеческая душа достойна утешения и полного отдыха и покоя в жизни загробной. Для нашего духовного «я» смерть является всегда избавительницей и другом: безмятежным сном младенца или же сном, полным блаженных грез и сновидений.

– Но сколько мне помнится, периодические воплощения *сутратмы*[1647] уподобляются в *Упанишаде* земной жизни, проходящей поочередно между сном и бдением… Так ли это? – спросила я, желая возобновить первый вопрос Нараяна.

– Так; это сравнение очень верное.

– Не сомневаюсь; только я его плохо понимаю. После сна для человека начинается другой день, но человек душой, как и телом, все тот же самый, что̀ был и накануне, тогда как при каждом новом воплощении меняются не только его наружная оболочка, пол и самая личность, но, по-видимому, и все его духовные качества… Да и как же это сравнение может быть верным ввиду того, что люди, восстав ото сна, хорошо помнят не только то, что̀ они делали вчера, но и за многие дни, месяцы и даже годы назад, а между тем в своей настоящей жизни они не сохраняют ни малейшего воспоминания о какой-либо прошлой своей жизни… Ведь проснувшийся человек может, пожалуй, забыть то, что̀ он видел во сне, но он все-таки знает, что он спал и что во время сна он жил… О прошлой же жизни мы даже и этого не знаем. Как же так?

– Есть такие, быть может, что̀ и знают, – как-то загадочно произнес Такур, не отвечая на прямой вопрос.

– Подозреваю… только *не мы*, грешные. Поэтому как же нам, не достигшим еще до *самма-самбудди*[1648], понимать это сравнение?

– Изучая его и поняв правильнее характеристику и три рода того, что̀ мы называем сном.

– Ну, это довольно трудно. Даже наши величайшие физиологи только запутались на этом вопросе, а провалившись в объяснениях сами, запутали нас еще более, – засмеялся полковник.

– Потому что взялись не за свое дело, а за обязанность психологов, которых у вас в Европе вовсе нет, по крайней мере, между учеными. Западные психиатры те же физиологи, только под другим названием, и действуют на основании принципов еще более материалистичных. Прочтите хоть Моудзле (Maudsley)[1649] и вы увидите, что они лечат от душевных болезней, не веря в существование самой души.

– Но мы снова удаляемся от предмета наших расспросов, который вы как будто не желаете нам выяснить, Такур-саиб… Вы точно подтверждаете и одобряете теории бабу́, а ведь он именно

[1647] В *Веданте будди* в своем совокуплении с духовными качествами, сознанием и понятием тех личностей, в которых она воплощалась, – в *Веданте* называется *сутратмой*, что̀ буквально значит «нить-душа», потому что как перлы на витке, так целый длинный ряд жизней человеческих нанизывается на эту нить. *Манас* должна сделаться *тайджази* (светозарною), дабы в соединении с *сутратмой*, так сказать, вися на ней, как жемчужина на нитке, достигнуть и *прозреть* себя в вечности. Но часто вследствие греха и ассоциации с чисто земным разумом и самая эта светозарность исчезает. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1648] Познание прошлых своих инкарнаций*. Одни йоги и адепты тайных наук достигают-де посредством величайших аскетических подвигов такого полного прозрения *всего* своего прошлого. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Самьяксамбуддха (*пали* samma sambuddha) или просто Будда – тот, кто достиг нирваны своими собственными усилиями и мудростью и умело обучает других.

[1649] Генри Модсли (1835–1918) – английский психиатр и философ-позитивист.

на том основании, что мы ничего не знаем ни о нашей прошлой земной, ни о посмертной жизни и желает доказать, что за гробом нет и не может оставаться какого-либо сознания…

– Говорю снова: бабу́ – *чарвака*, который и повторяет то, чему его учили. Я подтверждаю и одобряю не саму систему материалистов, но только правильность воззрений самого бабу́ в том, что̀ касается его личного загробного состояния.

– Выходит поэтому, что такие, как бабу̀, должны составлять исключение из общего правила?

– Нисколько. Сон есть общее и неизменное правило как для человека, так и для всякой земной твари. Но есть разные сны и еще более разные сновидения…

– Но он отрицает не одно сознание в посмертной жизни и в ее сновидениях, говоря языком *Ведантасары*[1650]. Он отвергает бессмертную жизнь вообще, как и бессмертие собственного духа.

– В первом случае он поступает совершенно по канонам европейской современной науки, основанной на свидетельстве наших пяти чувств. В этом он грешен только пред теми, кто не разделяет его мнений. Во втором случае он не менее прав: без предварительного внутреннего сознания и веры в бессмертие души ей не сделаться *будди-тайджази*[1651]; она останется *манас*, а для одной *манас* бессмертия быть не может. *Дабы жить жизнью сознательною в загробном мире, следует сперва уверовать в тот мир в земной жизни*. На этих двух афоризмах тайной науки построена вся наша философия о посмертном сознании, как и о бессмертии души. *Сутратма* получает всегда по своим заслугам. По разрушении тела для нее начинается либо период полного бдения, либо сон хаотический, либо непробудный сон без грез и сновидений. Если ваши физиологи нашли причинность снов и грез в бессознательной заготовке их во время бдения: почему то же самое не признать и по отношению к *посмертным* сновидениям? Повторяю то, чему учит *Ведантасара: смерть есть сон*. После смерти пред духовными глазами души начинается представление по заученной нами при жизни, а часто нами же самими сочиненной программе: практическое исполнение наших или *правильных* верований, или же созданных нами самими иллюзий. То посмертные плоды древа жизни. Понятно, что вера или безверие в факт сознательного бессмертия не могут повлиять на безусловную действительность самого факта, коль скоро он существует. Но как вера, так и безверие в него отдельных личностей не могут не обусловить действий этого факта в его применении к каждому в частности. Теперь, надеюсь, вы поняли?

– Начинаю понимать. Материалисты, не веря ни во что̀ не проверяемое их пятью чувствами и так называемым *научным* разумом и отвергая всякое духовное проявление, указывают на земную жизнь как на единственное сознательное существование; поэтому по вере, а в их случае по *безверию*, и воздается им позднее. Они утратят свое личное «я», заснут бессознательным сном до нового пробуждения. Не так ли?

– Почти так. Можете добавить, что ведантины, признавая два рода сознательных существований, земное и духовное, указывают только на последнее как на *неопровержимую* действительность; земная же жизнь вследствие ее изменчивости и кратковременности одна иллюзия обманчивых чувств. Жизнь наша в сферах духовных уж по тому одному должна признаваться действительностью, что в них живет никогда не меняющееся наше бесконечное и бессмертное «я», *сутратма*, тогда как при каждом новом его воплощении оно одевается в совершенно отличную от предшедшей личность временную, преходящую, в которой все, кроме ее духовного прототипа, обречено на бесследное разрушение.

– Но позвольте, Такур, разве личность, мое земное, сознательное «я», может погибнуть не только временно, как в случае материалистов, *но даже бесследно*?

[1650] «Ведантасара» («Сущность Веданты») представляет собой текст адвайта-веданты XV в., написанный Саданандой Йогендрой Сарасвати.

[1651] То есть без полной ассимиляции с *божественною* душой *земной* душе, или *манас*, не жить в вечности сознательною жизнью. Она делается *будди-тайджази* (или *будди-манас*), когда ее стремления влекут ее при жизни от земного к миру духовному. Тогда, упитанная эссенцией и проникнутая светом своей божественной души, *манас* исчезает в *будди*, делается *ею самою*, сохраняя одно лишь духовное сознание о своей земной личности. Иначе как *манас*, – то есть *человеческое* мнение, основанное на свидетельстве только физических чувств, – земная или личная наша душа впадает, так сказать, в непробудный сон без грез и без сознания до нового воплощения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– По нашему учению, оно даже *должно* так погибнуть и во всей своей полноте, кроме того в ней начала, которое, соединясь с *будди*, стало чисто духовным, составляя с нею впредь и навеки одно несокрушимое целое. Но в случае завзятого материалиста может случиться, что так как ни сознательно, ни бессознательно равно ничего из его личного «я» никогда не отражалось в *будди*, то ей и не приходится уносить в вечность ни одного атома этой земной личности. Ваше духовное «я» бессмертно, но от вашей настоящей личности оно унесет с собою лишь *то, что̀ заслуживает бессмертия*, то есть один аромат скошенного смертью цветка.

– Ну, а сам цветок или земное «я»?

– Сам цветок, как и все прошлые и будущие цветки, которые цвели и будут цвести после них на родной ветке, *сутратме*, дети одного корня *будди*, обратятся в прах. Ваше настоящее *я* не есть, как вам самой должно быть известно, сидящее предо мною ваше *тело*[1652], ни ваша *манас-сутратма*, а *сутратма-будди*.

– Но это не разъясняет мне, почему вы называете загробную жизнь бессмертною, бесконечною, действительною, а жизнь земную зовете *призраком*? Ведь по вашему учению выходит, что и загробная жизнь имеет свои пределы, что и она, хотя продолжительнее земной жизни, но все же должна иметь свой конец?..

– Без сомнения. Духовное *эго* человека двигается в вечности как маятник между часами жизни и смерти. Но если эти часы, периоды жизни земной и жизни загробной, ограничены в своем продолжении, и даже самое число таких этапов в вечности между сном и бдением, иллюзией и действительностью имеет свое начало, как и свой конец, то сам *духовный* странник вечен. Поэтому и часы его загробной жизни, когда разоблаченный он стоит лицом к лицу с истиной, а не с миражами его преходящих земных существований во время периода его скитальчества, который у нас зовется «циклом рождений», составляют в наших воззрениях *единственную действительность*. Такие перерывы, невзирая на их конечность, не только не мешают *сутратме*, постоянно совершенствуясь, следовать все время неуклонно, хотя постепенно и медленно, по пути к ее последней трансформации, когда она, достигнув цели, становится «божественным» существом; они не только содействуют достижению этой цели, но без таких конечных перерывов *сутратме-будди* никогда бы и не достигнуть ее. *Сутратма* – актер, а ее многие и разнохарактерные воплощения – роли его. Не назовете же вы, я полагаю, эти роли, а тем менее их костюмы, личностью самого актера? Как и он, душа принуждена играть во время цикла рождений, и до достижения самого преддверия *паранирваны*[1653] много таких, часто неприятных для нее ролей, но как пчела собирает с каждого цветка его мед, оставляя остальное на пищу земным червям, так и наша духовная личность, *сутратма*, собирая один нектар душевных качеств и самознания каждой земной личности, в которую *карма* принуждает ее воплощаться, сливает, наконец, все эти качества воедино, являясь тогда существом совершенным, *дьян-чоханом*[1654]. Тем

[1652] Ведантины чувствуют такое полное презрение к физической оболочке, что говоря о чисто механических действиях тела, они не употребляют местоимения *я* и говорят: «Это тело ходило, эти руки делали» и т.д. Лишь когда речь идет об умственных действиях, они заявляют о себе: «*Я* думал, *я* желал» и т.д. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1653] Между *нирваной* и *паранирваной* есть большая разница. *Нирвана* – та духовная жизнь, которою живет каждая *личная* душа *сутратмы* (кроме душ материалистов, как видно), то есть душа А. или душа Б. после каждого своего разоблачения и которая ей присуждается законом возмездия (*кармой*) за ее личные земные страдания. *Паранирвана* же – то блаженное состояние, которое ожидает *сутратму* в ее полном составе, то есть в совокупности всех личных душ, нанизанных на этой *нити*. «Душа» – неправильное выражение, но я его употребляю за неимением у нас термина более подходящего: следовало бы сказать не «личных душ», а «одних *ароматов* личных душ», по выражению Такура. Ибо по «разрушении мира» (*пралайи*) все эти «ароматы», слившись в одно целое, образуют единого «божественного человека», который и *живет в Парабраме* вечно, тогда как каждая душа отдельно взятой личности живет только в луче божества, в *атма-будди*, временно. Между *нирваной* и *паранирваной* аналогическая разница, как между состоянием души *до* и *после* дня Страшного Суда. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1654] *Дьян-чохан*[*]*, esprit planétaire*[**], «от Парабрамы исходящий и в Парабраму вновь уходящий» после жизненного цикла. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Дхьян-Чохан (*англ.* Dhyan-Chohan).

«Cho-han – духовный руководитель, наставник» (Из письма Е.П.Блаватской М.Холлис-Биллинг, 2 октября 1881 г.).

Dhyāni (*санскр.*) – будда, бодхисатва.

Мэри Холлис-Биллинг (1837–1908) – американский медиум и член Теософского общества.

хуже для земных личностей, с которых ей не пришлось что-либо собрать. Такие личности, конечно, не переживают *сознательно* своего земного существования[1655].

– Стало быть, бессмертие для земной личности все-таки условный вопрос? И самое бессмертие *не* безусловно?..

– Нисколько; оно только не простирается на *несуществующее*. Для всего того, что̀ существует как *Сат* или исходит от *Сата*, бессмертие, как и бесконечность, безусловны. *Мулапракрити* – оборотная сторона Парабрамы, но оба одно и то же. Суть этого *всего*, то есть дух, сила, материя, бесконечна, как и безначальна, но форма, приобретаемая этим тройным единством во время воплощений, внешность, есть, конечно, только одна иллюзия личных концепций. Поэтому мы и назвали одну загробную жизнь *действительною*, а земную, с включением в ней самой земной личности, называем *призрачною*.

– Но зачем же в таком случае называть реальность сном, а призрак – бдением?

– Сравнение сделано для облегчения нам представления; с точки зрения земных понятий оно весьма верное.

– Затем, если загробная жизнь основана на справедливости, на заслуженном воздаянии за всю земную скорбь, а *сутратма* пользуется малейшим проблеском духовных качеств в каждом из своих воплощений, то как же можно допустить, чтобы духовная личность в нашем бабу́, – он ушел и мы можем говорить о нем не стесняясь, – чтобы личность в этом мальчике, столь идеально честном, благородном, бесконечно добром, невзирая на все его безверие, – чтоб эта личность, говорю я, не перешла в бессмертие, а погибла как «навоз от цветка»!

– Кто же, кроме его самого, когда обрекал его на такую судьбу? Я знаю бабу́ с малых лет и вполне уверен, что жатва с него *сутратмой* будет обильная; хотя его безверие и материализм далеко не напускные, но все-таки умереть навеки и в полноте своей личности *он не может*.

– Но вы же, Такур, сейчас только подтверждали правильность его воззрений на его личное состояние за гробом?.. А его воззрения те – что у него улетучится после смерти *всякое сознание*…

– Подтверждал и снова подтверждаю. Можно проспать несколько станций на железной дороге и все-таки, не сохранив об *этих* ни малейшего сознания, проснуться на следующей и достичь цели путешествии уже в сознательном состоянии. Вы нападаете на сравнение между сном и смертью? Так вспомните же, что даже человеку известны три рода сна: непробудно-крепкий без малейшего сновидения; сон с хаотическими, неопределенными сновидениями; наконец, со снами столь живыми и ясными, что для спящего они делаются на время полною действительностью… Почему же в таком случае вы не можете допустить, что так бывает и с освобожденною от тела душой? По разлуке с ним для нее начинается, смотря по ее заслугам, а главное, *ее вере*, жизнь либо вполне сознательная, либо полусознательная, или же она впадает в тот непробудный сон без грез, как и без сознания, который равняется состоянию *небытия*. Это есть исполнение «программы», о которой я говорил, сочиненной и заготовленной заранее для себя материалистами. Но материалист материалисту рознь. Человек злой или даже просто большой эгоист, прибавляющий к своему полному безверию равнодушие ко всему миру, должен непременно оставить у преддверия смерти свою личность навеки. Ей нечем зацепиться за ее *сутратму*, и с последним вздохом ее обрывается между ними всякая связь. Но такие, как бабу́, проспят только одну «станцию». Придет время, когда и он сознает себя снова в вечности и раскается, что потерял даже *один* день[1656] из жизни вечной.

** планетарный дух (*фр.*).

[1655] Философия *тайной* Веданты не верит в ад и не допускает наказания за земные грехи в духовном мире. Человек-де родится беспомощным, игрушкой внешних, не зависящих от него обстоятельств, хотя он и одарен свободным произволом. Он столько страдает безвинно в этом мире, что бесконечное милосердие даст ему полный отдых в мире теней; и только затем, уже в следующей земной жизни и в новом воплощении, он понесет должное наказание за грехи в предшедшей своей *роли*. Выбор всякой такой последующей жизни и наказание определяются и приводятся в исполнение *кармой*, «законом возмездия». Это-де доказывается тем, что на нашей земле постоянно страдают, по-видимому, ни в чем неповинные люди. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1656] В ответ на часто получаемое ведантинами замечание, что сотни и тысячи таких прожитых *сутратмой*, или *его* человека, земных жизней все-таки равняются как бы вместо бессмертия полному исчезновению каждой личности, они обыкновенно отвечают: «Возьмите для сравнения с вечностью жизнь человека на земле, жизнь, составленную из стольких-то дней, недель, месяцев и лет. Если эта личность сохранила в старости хорошую память, то она может легко

– Но вернее ли все-таки сказать, что смерть есть рождение к новой жизни или, еще лучше, возвращение в вечность?

– На деле оно так и есть и я ничего не имею против перефразировки. Но только с нашими условными понятиями о материальной жизни слова «жить» и «существовать» неприменимы к чисто субъективному состоянию посмертного бытия, и если б они употреблялись в нашей философии без твердого знания всех ее объяснений, то ведантины весьма скоро пришли бы к странным идеям, которые преобладают в наше время между американскими спиритами, проповедующими о вступающих в брак «духах» как между собою, так и со смертными… Как и у истинных, а не номинальных христиан, загробная жизнь ведантинов есть та страна, где нет ни слез, ни воздыханий, где ни посягают, ни женятся… Поэтому и вследствие того, что жизнь разоблаченной души, обладая всею живостью реальности, как в иных сновидениях, не имеет ни одной из грубо объективных форм земной жизни, пригодных только для телесных чувств, наши философы и сравнили ее с грезами во время сна. А теперь я, кажется, все объяснил…

Мы разошлись, но этот разговор запал мне в душу и я его никогда не забывала[1657]. В тот день я чуть не поссорилась с бабу́ за его *чарвакские* выходки, но в этом бенгальце, невзирая на все его добрые качества, недоставало какой-то струны… И я решила предоставить его собственной участи. Однако часто, – как часто! – после его ранней смерти я сожалела о своем равнодушии…

Едва мы кончили обед в беседке, как нам доложили, что какой-то молодой человек в одежде йога, присланный «Такур-саибом», просит позволения видеться с нами. При имени Такура полковник, осведомлявшийся уже несколько раз о своем *гуру* (учителе), но не получивший никакого удовлетворительного ответа от Нараяна, поспешно вскочил из-за стола.

– Пусть, пусть он войдет! – засуетился он в восторге. – Я уверен, что это его *челла*, которого он обещал выслать по приезде домой собственно для моего специального обучения в *пранаяме*[1658]…

– Что ж вы тотчас после обеда думаете взять первый урок?.. – осведомилась я.

– Конечно, если только *челла* будет согласен… Зачем терять дорогое время?

– Но ведь с вами еще, чего доброго, сделается удар на полный желудок… Вы просто сходите с ума с вашею страстью к *йогизму*. Вспомните, что̀ я вам говорила… предостерегая вас на станции возле Бертпура…

– Помню, помню, – обиженно проговорил наш президент. – Я хорошо понимаю и давно сознаю, что вам почему-то не хочется, чтоб я изучал таинства древней Индии…

– Да какие же это таинства? Просто фокусы, и для вас они совсем лишние и даже опасные…

– Буду надеяться, что Такур не питает каких-либо вредных замыслов против моей жизни, ни даже против… моего здоровья, – получила я сухой ответ.

Я махнула рукой.

– Полковник, – тихо позвал его Мульджи. – Мэм-сааб права… *Пранаяме* учатся с самой ранней молодости и…

Но он не успел кончить, а нахмуренное лицо полковника прояснилось улыбкой блаженства: пред ним стоял, неслышно проскользнув босыми ногами по мостику и в темноте, посланный Такура…

Он вдруг воспрянул пред нами, словно вырос из-под мраморного пола киоска; весь облитый дрожащим, сильно колеблющимся от ветерка светом восковых свеч, он стоял у входа, неподвижный, опустив глаза и со сложенными на груди руками. Длинные фантастические тени скользили по его белой одежде и лицу, придавая его маленькой, тонкой, почти прозрачной по худобе фигурке что-то странное и неземное в ее очертаниях.

вспомнить все выдающиеся в ее прошлой жизни дни и годы. Но и забыв некоторые из них, разве она не остается все одною и тою же личностью? Так и для божественного *ego* при конце цикла воплощений. Для него каждая отдельная жизнь будет тем же, что̀ каждый отдельный день в жизни человека». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1657] «Этот разговор» изложен также в книге Е.П.Блаватской «Ключ к теософии» (глава IX «О кама-локе и дэвачане»).

[1658] Первоначальный метод обучения кандидатов в йоги. Процесс состоит в том, чтобы постепенно приучаться не дышать, произнося известные мантры. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– *Сарва бхишта ммундаха!* (Да исполнятся все ваши желания!), – прозвучал его тихий, нежный, как у девушки, голосок на тамильском языке.

Мы все отвечали на его приветствие, кто как знал и умел. Мульджи и Нараян бормоча что-то по-санскритски (должно быть, формулу), закрывая ладонями уши и оба низко кланяясь; бабу́ оскаля зубы и со сложенными вместе ладонями; я пробормотав сквозь зубы обыкновенное приветствие по-английски.

Зато полковник отличился, удивив присутствующих вообще, а меня насмешив к тому же несказанно.

Он согнулся в три погибели и, заложив уши ладонями по примеру двух индусов, вдруг распластался пред смиренно стоявшим перед ним юношей и почти уткнулся носом в его голые ноги…

Мы все бросились к нему, думая, что он поскользнулся, слишком низко кланяясь, и упал. Но он вскочил на ноги также проворно и, приветствуя посла еще раз, проговорив «салам» и прикасаясь правою рукой ко лбу, приглашал его левою к скамье у стола со всевозможными знаками подобострастного уважения, словно у него дело шло о приеме принца крови.

– Что̀ вы такое творите, полковник? – сказала я ему тихо по-французски. – Ведь он подумает, что вы смеетесь над ним.

– Ради Бога, ни слова! Я его узнал… хотя Такур только намекал мне про него… Он не простой *челла*, не ученик, а адепт «Братства Рощи»[1659]… Вы слышали, он приветствовал нас на тамильском наречии?.. – прошептал в ответ полковник тоже по-французски.

– Так что̀ ж это доказывает? Он…

– Извините меня, *madame et monsieur*[1660]… что я вас прерываю… Но я говорю по-французски, я родом из Пондишери[1661], – вдруг огорошил нас на языке Виктора Гюго[1662] новоприбывший тем же тихим, нежным голоском, в котором не слышалось ни малейшей нотки насмешки, столь понятной бы в его случае.

Я не выдержала и расхохоталась на весь сад, но полковник почему-то рассердился, хотя и скрыл довольно ловко неприятную конфузию.

– А… вы из Пондишери? Очень, очень рад; значит нам будет легче объясняться… А я уже было боялся, что мы не поймем друг друга…

– Я говорю и по-английски, – прозвучал тот же голос.

– Превосходно! – воскликнул полковник, и тут же и столь же внезапно он, видимо, утрачивал кое-что из своего благоговения пред таким обширным светским образованием в ущерб, как он полагал, наукам мистическим. – Превосходно! Садитесь же сюда к столу и познакомимся… Вы к нам от Такур-саиба?..

– Да; это он послал меня к вам…

– Вы его *челла*?.. Ах да, извините меня, между прочим, что я принял вас за одного из Братства Рощи… Я полагал…

И не высказав, что̀ именно он полагал, полковник весело, хотя немного и принужденно, рассмеялся.

– Вы не должны извиняться, потому что вы угадали верно… Я действительно принадлежу к этому Братству.

Мне сделалось положительно жаль полковника, до такой степени он растерялся при этом новом поражении. Широко раскрыв под очками зрачки, не сводя глаз с лица юноши, бедный президент смотрел на него таким растерянным взглядом, как будто видел пред собою выходца с того света. Смотрела и я на него с величайшим любопытством, а за мной и два индуса: Мульджи и

[1659] *Brotherhood of the Grove* – известное, хотя тайное общество мистиков в Мадрасском президентстве. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Е.П.Блаватская наперевалась опубликовать в журнале «Русское обозрение» статью о «“Братствах Рощи” (Современные йоги)» (см.: Письмо Е.П.Блаватской Д.Н.Цертелеву. Сентябрь 1890 г. // http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html).

[1660] мадам и месье (*фр.*).

[1661] Пондишери – французская колония (1674–1954) на юго-восточном побережье Индии.

[1662] Виктор Гюго (1802–1885) – французский писатель, поэт, драматург.

бабу́. Один Нараян сидел, грустно поникнув головой, и, казалось, смотрел лишь *в самого себя*, не замечая ничего и никого.

– Вы… вы один из этих удивительных адептов… Вы *садду*?.. Я так и знал… Я это предчувствовал!..

– *Oh my prophetic soul!*[1663] – тихо продекламировал бабу́ из *Гамлета*.

– Пока только кандидат в оные: скромный *шишия*[1664] к вашим услугам, полковник-саиб, которому Такур-саиб поручил ваше предварительное воспитание, если позволите.

Незнакомец говорил тихо, серьезно и с большим достоинством. Ни малейшей улыбки на его юношеском, почти детском лице без малейшего следа бороды и с еле заметным пушком на верхней губе. На вид ему казалось не более шестнадцати лет. Только вглядываясь пристальнее в его замечательное лицо несомненно дравидского типа, можно было заметить на нем признаки возмужалости. Он сидел у стола, и теперь на него падал яркий свет лампы, позволявший мне рассмотреть вернее его черты. Он был еще ниже ростом и вообще еще миниатюрнее нашего маленького бабу́. Его крошечные, как у десятилетней девочки, ручки лежали на столе, напоминая мне своею атласистою кожей и цветом красивые бронзовые руки на пресс-папье. Овальное, поражающее своею худобой и нежностью лицо с маленьким прямым носом, маленьким с тонкими губами ртом и неестественно огромными глазами и бровями, черными, словно он их намазал дегтем; все это осененное львиною гривой, вьющиеся волны которой падали в беспорядке на его уши, лоб и плечи. Костюм его состоял, как и у нашего бабу́ в знойные дни, из нескольких аршин тончайшей белой кисеи, из-под которой виднелись угловатые очертания его изможденного остова. Две глубокие морщинки между бровей, такие же складки у углов рта и глаз красноречиво опровергали первое впечатление юности. Позднее мы узнали, что ему далеко за тридцать лет.

Он сидел, не двигаясь, как бы почтительно ожидая вопросов и вперив спокойный, ничего не выражающий взор в полковника. Если бы не легкое колыхание его ожерелья из семян *рудракши*[1665], его можно было бы принять за каменное изваяние, так мертвенно и неподвижно было его лицо.

Последовало очень неловкое молчание. Сконфуженный трижды подряд полковник поправлял очки, снимал, протирал и снова седлал ими нос, не произнося ни слова и забывая при этом известии не только изъявить радость, но даже поблагодарить новоприбывшего за принимаемые им на себя обязанности «предварительного воспитания».

[1663] «О вещая моя душа!» (*англ.*).

[1664] *Ученик*[*] высшего класса, студент «тайных наук», прошедший все искусы кроме последнего, делающего из него *садду*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Шишья (*санскр.* śiṣya).

[1665] *Рудракша*[*] – семя или, скорее, косточка плода на дереве, которое растет только в Гималаях и Нильгири, преимущественно в Непале. Ожерелье или четки из оного – самая ценимая, как и самая трудно приобретаемая вещь в Индии. Туземцы взирают на *рудракшу* как на нечто священное, и одни *йоги* имеют право носить их на шее или даже прикасаться к этому семени вследствие необычайных приписываемых ему магических свойств. *Рудракша* – двойное слово и значит: «око Рудры» (*Рудра* – одно из имен Шивы), и одни *триглазые* адепты тайной науки – те, которые выработали себе годами аскетизма «третье око» Шивы (другими словами, ясновидение и дар прорицания, символом коих служит *рудракша*), – знакомы со всеми этими свойствами. Целые тома на санскритском и тамильском языках посвящены описаниям этого талисмана, инструкциям, как распознавать годные от негодных семян, и т.д. Магические свойства *рудракши* зависят от возраста дерева, от почвы, от окружающего это дерево леса и даже от *личных качеств* того, кто собирает плоды. «Человеку порочному *рудракша* принесет-де не пользу, а вред». Весьма немногие деревья этой породы приносят плоды, а из приносящих более 90% не годятся для должного употребления: или плоды опадают до созрения[**], или же перезревают; самые пригодные те, которые, будучи растерты на пробном камне, оставляют на нем золотую пыль: принцы и раджи Индии платят за них сумасшедшие деньги, от 1000 до 5000 рупий за каждое семя, а считающихся за лучшие, с одним *мукхам*[***] (надрезом) или *индентацией*[****] на косточке, не купить и за 10000 рупий. Такие *рудракши* находятся лишь на нескольких деревьях в Непале и то по одной или по две на дереве в несколько лет. Недозрелые – красные, коричневые, серые и желтые – семена ничего не сто́ят: одни *черные* драгоценны. Махараджа непальский заплатил 10 лакков (1 миллион рупий) за полдюжины таких *настоящих* семян. Величиной они с маленький орех и шероховатые, как косточка персика. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Рудра́кша – вид вечнозеленых широколиственных деревьев семейства элеокарповых.

[**] созревания (*устар.*).

[***] Mukha (*санскр.*) – лицо.

[****] Индентация (*англ.* indentation) – вмятина, отпечаток, оттиск, вдавливание.

«И в чем это *воспитание* будет состоять? – думалось мне, – он только насмешит весь народ!..»

– Я имею к вам письмо от Такура-раджи и маленький подарок, – прервал молчание посланный.

Запустив руку под кисею, он извлек из ее широких складок сперва запечатанный конверт, а затем коробочку, и положил оба предмета пред полковником. При виде их наш президент, наконец, встрепенулся и тут же вошел опять в свою колею.

– А!.. Весьма, весьма благодарен вам… мой *гуру*!.. – отвечал полковник с веселою улыбкой. – Вы позволяете?.. – указывая на письмо.

Гуру (учитель) сделал легкий поклон и жест одобрения, которые принесли бы честь любому маркизу парижской гостиной, до того оба были запечатлены достоинством и грацией.

Письмо было распечатано и, прочтенное сперва про себя, затем сообщено всем нам громко. Оно было коротко, но содержало интересные для всех нас известия.

«Посылаю вам, любезный полковник, – писал Такур, – обещанного мною инструктора в интересующих вас науках. Субраманья-Мурга-Ананда-Суами – для сокращения называйте его Анандой-Суами – молод, но он уже достиг предпоследней ступени, ведущей во внутренний храм *гупта-видьи*. Он член Братства Рощи, стало быть, вполне знакомый со всеми приемами различных систем, как они практикуются тою или другою сектой. Не быв индусом, вам нельзя, конечно, следовать ни одному из специальных методов, усвоенных сектами, но вам представится выбор из учений лучших школ, и таким образом вы будете в состоянии выучиться многому… Сожалею искренно, что даже в случае вашей полной победы над *искусами* вы не можете все-таки принадлежать к нашему *ашраму*[1666]: вы были женаты, отцом семейства и светским человеком – три непреодолимые препятствия к *радж-йогизму*…»

На этой фразе полковник слегка запнулся, и на секунду его голос оборвался и задрожал. Как эхо раздался в далеком углу еле слышный, но полный сердечной муки вздох, скорее похожий на стон… Быстро взглянув в ту сторону, я увидела исчезающую в темноте высокую фигуру на мостике…

«Бедный Нараян!» – вздохнула я про себя, прося полковника продолжать чтение. Никто не обратил внимания на этот вызванный страданием звук, никто – кроме, как мне показалось, новоприбывшего. Тяжелые веки медленно приподнялись, и из-под густой бахромы ресниц сверкнул устремленный на мостик взгляд. Загадочное выражение этих глубоких, темных как ночь глаз поразило меня так сильно, что, мысленно рассуждая о его значении, я не расслыхала[1667] окончания письма Такура и должна была попросить полковника передать мне его для прочтения.

«…Впрочем, – прочитала я далее, – в случае, если вы выйдете победителем, это не помешает мне считать вас моим *челлою* в некоторых отношениях. Но не надейтесь когда-либо сделаться *радж-йогом*. Это положительно невозможно.

Завтра с зарей вы все последуете за Анандой-Суами, который и проведет вас мало кому известною и кратчайшею дорогой ко мне. Вследствие известных причин вы отправитесь в ландо махараджи только до ближайшей деревни, откуда оно будет отослано обратно. О поклаже не беспокойтесь: она уже отправлена куда следует из Бертпура. В деревне вас встретит другой экипаж и отвезет в Шри-Матуру, месторождение Кришны. Затем вам придется ехать в лодке, верхом и даже идти пешком по лесам. Для *Упазики* найдется паланкин, но и ей, конечно, надо будет сделать *косс*[1668] пятнадцать пешком; передайте ей, чтоб она заранее не отчаивалась: *наши дороги окажутся для нее менее трудными*, чем англо-индийские или европейские пути сообщения; *я позабочусь о том*. Советую вам всем сохранить в тайне ваш визит в наши раджпутские вертепы; *бара-саабам* нет до него дела».

[1666] Тайный храм, куда вступают одни *посвященные*. Такие существовали прежде во всех пагодах, но теперь их мало. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1667] расслышала (*прост.*).

[1668] *Косс* – 1¼ английской мили. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Косс – единица длины в Индии, равная 1,829 км.

Засим следовало еще несколько строчек инструкций и говорилось о посылке полковнику *салиграма*[1669].

Пока наш президент с жадно бросившимися к коробке индусами благоговейно рассматривает сокровище, опишу этот талисман и все, что̀ мы узнали про его свойства в тот вечер от Ананды-Суами.

Салиграм пользуется такою же славой в Индии, как и *рудракша*; то круглый, иногда овальной формы камень, черный как смола и столь же блестящий, величиною от персиковой косточки до гусиного яйца, но достигающий в редких случаях до размера дыни, когда он делается *буквально бесценным*. Впрочем, его ценность зависит более от обладания различными свойствами, нежели от величины и формы. Есть крошечные *салиграмы*, похожие на зерно перца, сто́ящие целые состояния. Как и всегда бывает, находятся между ними, подобно египетским *скарабеям*, поддельные камни, бессовестные имитации, но *посвященного* брамина никакая подделка не обманет. Впрочем, этот камень по-настоящему вовсе и не камень, а окаменелая раковина…

Настоящие и самые ценные салиграмы находятся только в одном месте, в глубине реки Гандака[1670] в Непале, одной из главных данниц священного Гангеса. Это место охраняемо от искателей салиграма солдатами непальского короля, которые живут на берегах круглый год в казармах, и каждый найденный салиграм посылается в царскую сокровищницу. Их нельзя купить у махараджи ни за какие деньги, но он дает их изредка тем из ученых браминов, к чьим рукам камень пристанет, как пиявка, протянутый к ним на расстоянии нескольких аршин. Этот род искуса удается весьма редко, но английский резидент, Годсон[1671], присутствовал при таком случае и видел, по рассказам, явление собственными глазами. Совершенно гладкие салиграмы, если только они не имеют других каких-либо признанных качеств, мало ценятся. Некоторые пробуравлены природой вдоль своей оси; другие имеют на себе как бы выдолбленный резцом отпечаток разных фигур, таких, например, как *Сударсана*[1672] или *Чакра*, Колесо Вишну и его орудие. Есть салиграмы с дырой или без оной, но такие, что когда их тщательно распилишь надвое, то внутри гладких стенок являются изображения *матсии* (рыбы)[1673] и *курмы* (черепахи) или каких-либо других *аватар* (воплощений) бога Вишну. Если вдобавок такой *салиграм*, брошенный в сосуд с молоком, вместо того, чтобы пойти ко дну, – свойство каждого честного камня в природе, – начнет плавать кругом сосуда, наподобие рыбы или черепахи, то он и объявляется несомненно подлинным; ему отдаются почести, как бы он был сам Вишну.

Бывают такие *салиграмы*, – к числу этих принадлежит образчик, подаренный Такуром президенту, – на коих фигуры представляют Кришну (*аватара* Вишну) под видом *Го́палы* (пастуха) со стадом его коров. На нем игра природы достигла своего крайнего искусства: картина казалась словно выдолбленною тончайшим резцом художника, хотя воображению и приходилось играть в созерцании коров некоторую роль[1674].

[1669] Священный камень зовется «шалагра́ма» или «шалагра́ма-шила», его название иногда произносят как «шалигра́м» (*санскр.* Śāligrām) или «шалигра́ма-шила». Слово имеет несколько написаний и произношений в разных регионах Азии. Например, по всей Южной Индии и, в меньшей степени, в Северной Индии и Непале его зовут «шалиграма». Индологи называют камень Вишну «шалаграма», что приближает его к оригинальному произношению на санскрите. Для геологов и палеонтологов шалаграм представляет собой окаменелость аммонита. Им называют подкласс вымерших головоногих моллюсков. Свое название аммониты получили в честь древнеегипетского божества Амона с головой барана и закрученными рогами.

[1670] Га́ндак (*англ.* Gandaki).

[1671] Брайан Хьютон Ходжсон (Hodgson, 1800–1894) – английский этнолог, востоковед и натуралист, государственный служащий в Индии и Непале.

[1672] Суда́ршана или Суда́ршана-ча́кра (*санскр*. Śudarśana Chakra) в индуизме – вращающийся огненный диск, один из атрибутов и символов Вишну, а также его аватара.

[1673] Ма́тсья (*санскр.* рыба) в индуизме – первая аватара Вишну.

[1674] Мы видели у одного махараджи *салиграмы*, на коих нашли изображения нескольких аватар, как-то: *Уграха-Нарасинга*[*] – то есть Вишну, раздирающий под видом льва *Хираньяказиту*[**], тирана ракшазов; *Кальяна-Нарасинга*[***] – Вишну, улыбающийся спасенному им *Прахла̀ду*, и т.д. «Не может это быть природой; это дело черта», – говорил один миссионер. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Угра (*санскр.*) – ужасный; Нараси́мха – в вайшнавизме «человек-лев», полу-антропоморфная аватара Вишну, ужасающая, свирепая и отражающая демоноборческие мотивы его образа.

Образование таких камней приписывается натуралистами какому-то роду рыб. Рыба-де выбирает камушек, а затем, прижавшись к нему, начинает свивать себе гнездо или раковину, материалы для которой она выпускает, как паук, из собственного организма. Замуровавшись в раковине на некоторое время и почувствовав всю скуку уединения, рыба разбивает раковину и уплывает далее, а камень с раковиной превращаются в *салиграм*. Это я вычитала, впрочем, в *туземной* естественной истории *дравидов*. Насколько объяснение совместно с истиной и западною наукой сказать не берусь.

Полковник несказанно обрадовался такому редкому дару. Он осматривал *салиграм* со всех сторон, любовался им, нянчился с ним. Узнав от Ананды-Суами, что он должен носить его для вящей действительности его скрытых качеств на теле, он стал приставать ко мне зашить его немедля в кожаный мешочек с тесемками для привязывания вокруг пояса. Он притащил иголку, нитки, ножницы. Лишь изрезав пару новых лайковых перчаток, я успела купить этою ценой спокойствие на весь остальной вечер.

Отправляясь далеко за полночь отдохнуть часа два до отъезда, я увидела на ступенях террасы две фигуры. Одна из них сидела, опустив на ладони голову; другая стояла пред ней, скрестив на груди руки. Я узнала Нараяна и Ананду-Суами…

[**] Хираньякашипу (*санскр.* Hiraṇyakaśipu, «имеющий золотые одежды») – один из асуров, описываемых в пуранических текстах индуизма. Говорится, что он был могущественным царем в Южной Индии в период Сатья-юги. Его младший брат Хираньякша был убит Варахой – воплощением Вишну в образе гигантского вепря. Разгневанный Хираньякашипу, решив отомстить Вишну за смерть своего брата, стал совершать суровую аскезу, в результате которой получил особое благословение творца этой вселенной Брахмы. Когда Хираньякашипу попытался убить своего сына Прахладу за то, что тот поклонялся Вишну, Вишну явился в образе человекольва Нарасимхи и разорвал Хираньякашипу на части.

[***] Kalyāṇa (*санскр.*) – благословенный.

V

Наутро все было сделано по программе Такура. С зарей, то есть за полчаса до солнечного восхода, так как зари у нас в Индии не полагается, мы отправились к какой-то деревушке при полном свете звезд и вышли из ландо в ту самую минуту, когда, словно газовые рожки под рукой театрального капельдинера, звезды все разом потухли, а с горизонта на нас блеснуло, дохнув огнем и пламенем, солнце, светило дня и бич туристов в Индии.

Было шесть часов, а до девяти нам оставалось проехать еще миль пятнадцать до Маттры[1675], святой земли индусов всех сект, кроме шайвов. Только твердо решившиеся покончить с жизнию могут путешествовать в Раджпутане весной позже девяти часов утра. Вследствие этого мы выгрузились из нашего раззолоченного ландо только для того, чтобы пересесть в крытый шарабан времен господства португальцев, а может и самого Александра Македонского, в который как на слона пришлось нам влезать по лестнице. Я поместилась с Нараяном и бабу́ на одной скамье, а полковник сел между Анандой-Суами и Мульджи на другой. Такое распределение мест имело свое значение. «Молчаливый генерал» был ярым поклонником мистических приемов *хатти-йогов* и сочувствовал полковнику О*** в его факирских стремлениях, а я восставала против них, тогда как бабу́ просто смеялся над «влюбленными в грязных *байрагов* европейцами».

Таинственный *салиграм*, не взирая на свои чудотворные свойства, должно быть, причинял полковнику некоторую неловкость в движениях. Он был величиной с большой апельсин. Укрепив его тесемками вокруг талии, счастливый обладатель оного не мог ни скрыть его присутствия на своей особе, ни помешать ему переезжать на поясе с одного места на другое при каждом толчке нашего допотопного экипажа. *Салиграм* торчал у него то на одном боку, то выглядывал из-под парусинного тонкого пальто на другом. О*** постоянно поправлял его, вставал с места и вообще, как говорят, немилосердно толокся, чем и приводил меня в нервное раздражение…

Вероятно, полуночный разговор Нараяна с юным Братом Рощи повлиял на него и успокоил его. Бедный отверженный кандидат казался если не совсем утешенным, то, по крайней мере, покорившимся своей участи. Пока *trio*[1676] мистиков торжественно рассуждали о чудотворной силе золы из священного коровьего навоза, мы с бабу́ искали средств позавтракать из корзинки с провизией, не выкалывая себе глаз и не причиняя другим ущерба. Нас подбрасывало и швыряло с одного конца шарабана на другой самым недостойным образом, и я чуть было не возроптала на Такура за такой экипаж.

Ради исторической верности, впрочем, спешу оговориться: употребляя слово *trio*, я выражаюсь неверно. Рассуждали о чудодейной силе золы, которою пачкаются сектанты Шивы, только «генерал» с полковником, а поправлял их многочисленные ошибки и неправильные воззрения Ананда-Суами. Нараян слушал и поучался.

Дорога скоро пошла песчаная. Попадая, наконец, яствами вместо носа и глаз в рот, куда им и следовало сразу попасть, если бы не ухабы, мы, наконец, с бабу́ насытились и успокоились. Полковник, перестав изображать собою каучукового человека на веревочке, тоже прояснился, и разговор скоро сделался общим и весьма назидательным.

Что̀ у кого болит, тот о том и говорит.

– Это уж не наша с вами вина, полковник, что мы оба были женаты, – рассуждал огорченный Мульджи. – Вы еще, может быть, женились по собственному желанию, а меня закабалили, когда мне было всего шесть лет… Что̀ ж мне было делать? Не убивать же своей жены для того, чтобы поступить в *радж-йоги*, да оно и не помогло бы, а только послужило б еще бо́льшим препятствием. Вот и выбирай… В *радж-йоги* не пускают, а от *хатти-йогов* отстраняют. Конечно, это система весьма на практике опасная, но что̀ же нам делать, Суами, когда другого нам нет выбора? Лучше *хатти*, чем ничего. Достигнув известного возраста, нельзя обойтись без религии… Никак нельзя!..

– Можно изучать философию и не вдаваясь в крайности, – спокойно заметил Ананда-Суами.

[1675] Матхура, Муттра

[1676] трое (*англ.*).

– Вам это легко говорить. Вас не женили насильно и не спрашиваясь и пред вами все дороги к тайным наукам открыты, – разозлился Мульджи.

– Меня, впрочем, интересует в этой науке не столько религия, сколько достижение трансцендентальных тайн *йогизма*, и я должен достичь своей цели так или иначе. Я *должен* научиться не только *пранаяме*, но и всему, что̀ способствует развитию психических сил, – кипятился О***.

– Надеюсь, что вы, прежде всего, научитесь носить ваш *салиграм*. Вы чуть не перебили мне локтя им, – завопила я, потирая руку при новом толчке.

– Извините и будьте снисходительны к вашим товарищам. Ведь я же не нарочно… Дотроньтесь до талисмана ушибленным местом, я уверен, что вся боль пройдет!.. Не хотите? Ну, как знаете. Только не забывайте, что этот *салиграм* – подарок нашего благословенного Такура и что он, наверное, *недаром* его прислал.

– Конечно *недаром*, а как *искус*, да и не вам одному, как я теперь узнаю к своему горю!..

– Для того чтоб *салиграм, рудракша* и другие такие *святыни* оказывали действие, в них следует прежде всего верить, – заметил Нараян с упреком в голосе, – а для того чтоб они приносили пользу их владельцам, с ними надо обращаться каждое утро и вечер по предписанным *шастрами* правилам, иначе они скоро утрачивают свои качества, а затем приносят один лишь вред тому, кто их на себе носит…

– Правила, о которых вы выговорите, мой милый Нараян, равняются *пудже*?.. Это ли вы советуете полковнику? – накинулась я с негодованием на него…

– Неужели это так? – произнес О***, немного взволнованный сказанным, но не выясняя чем именно, новым ли сведением от Нараяна или же моим пояснением. – Правда ли это? – переспросил он, обращаясь к Ананде-Суами.

Аскет тихо наклонил голову в знак согласия, но ничего не сказал. Наступило молчание.

С минуты его появления между нами этот юноша сильно возбуждал мое любопытство. Я положительно не могла прийти к какому-либо определенному о нем заключению и только наблюдала за ним издали. Рекомендация Такура была так веска в моих глазах, что я, конечно, не доискивалась, хороший и честный ли он человек, не шарлатан ли, каких много бывает из величающих себя *аскетами* и *йогами* в Индии. С этой стороны Ананда-Суами был вполне застрахован против подозрения. Но я страстно желала узнать, насколько в нем развиты те изумительные психические дары, пред которыми мы все склонялись в лице Такура. Обладает ли он в равной степени с последним способностью читать в мыслях других, как в открытой пред ним книге? Может ли он не только читать, но и *управлять* мыслями других, производить хоть некоторые из тех удивительных явлений, которые, по-видимому, так легко даются Такуру? «Зачем он его прислал? К чему?» – думалось мне. Я знала, что полковник напрасно надеется достичь, хотя в малых размерах, не только высоты *радж-йогизма*, но даже тех странных, необъяснимых психо-физиологических способностей производить так называемые «чудеса», которыми справедливо славятся некоторые *хатти-йоги*[1677]. Для *радж-йогов* требуется, как показано, дрессировка и чисто

[1677] Посвятить себя учению *хатти-йоги* по *мертвой* букве системы Патанджали может всякий. Для этого не нужно быть ни философом, ни даже уметь читать или писать, а надо просто обладать железною волей, выносливостью индусов, их равнодушием к физическим страданиям и слепым фанатизмом, да верой в выбранного *бога*. Настоящие *хатти-йоги*, пожалуй, те же медиумы с прибавлением *вменяемости* и *произвола*, которые отсутствуют в западном *медиуме*. Они производят свои феномены *ad libitum*[*], заставляя явления зависеть от собственной воли и *управляя джиннами*, тогда как спириты сами находятся под управлением *джиннов* (духов), олицетворяющих эту еще не открытую силу. И *хатти-йоги* доходят до этого страшными самоистязаниями, которых под конец и не чувствуют как *convulsionnaires de St.-Médard*[**] да некоторые католические святые. Но метод *радж-йогов* совсем другой. Их девиз: mens sana in corpore sano[***]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] свободно (*лат*.).

[**] конвульсионеры Св. Медарда (*фр.*).

Конвульсионеры – фанатическая секта, возникшая в 1730 г. во Франции вследствие преследования янсенистов. Местом их собраний было кладбище Св. Медарда в одном из предместий Парижа, где находилась гробница Франциска Парижского – янсениста, умершего в 1727 г. в припадке экстаза. На его могиле огромные толпы народа изливали свои чувства в экзальтированных молитвах, речах и пророчествах. С 1731 г. фанатизм дошел до таких пределов, что молящиеся, простираясь на могиле святого, впадали в конвульсии.

[***] здоровый дух в здоровом теле (*лат*.).

психические неуклонные усилия в этом направлении с самых юных лет; полное изучение, а главное, понимание *тайного* смысла учения Патанджали, а не мертвой буквы его системы, и посвящение в мистерии, которых не выдадут посвященные брамины никому и ни за какую цену. А дабы сделаться *хатти-йогом*, необходимы годы нечеловеческих, сверхъестественных усилий и физических истязаний. Да и надо родиться с такими физиологическими *идиопатиями*[1678], иначе ничего из этого и не выйдет, а останется лишь факирская отвратительная внешность да чистое шарлатанство. Против последнего Такур гремит во всеуслышание, а первого он не в состоянии предоставить полковнику. Так для чего же эта напрасная комедия? Зачем допускать нашего честного, доверчивого президента одурачиваться в глазах индусов, как и в своих собственных глазах? Расспросить разве Ананду? Следить за ним, пока он чем-либо выдаст свою миссию? Только не похоже, чтоб он был способен проговориться!.. Не сводила я с него глаз целый вечер накануне, не сводила их и теперь с пяти часов утра, и все же не пришлось мне уловить на этом юношеском лице ни тени улыбки, ни даже какого-либо определенного выражения. Оно неподвижно, положительно, непроницаемо под маской мертвенного, полного спокойствия. Голос его, мягкий и нежный, напоминает монотонное чтение вполголоса; ни малейшей интонации, хотя цветы восточного красноречия подчас так и сыплются; мысли сильно и верно выражены. В глазах тоже отсутствие выражения, даже иногда мысли. Огромные зрачки то сжимаются, то расширяются, блестят и потухают, словно в них происходит периодическое движение часового прибора. У меня даже побежали мурашки по телу, когда его лучистые, спокойные глаза встретились с моим любопытным взглядом. Но и тут глаза эти мне ничего не сказали. Нет сомнения, он владеет собой еще лучше Такура.

Между тем полковник не переставал волноваться.

– Но ведь я же не знаком с обрядностями! – жаловался он. – Как же мне быть? И что̀ же мне делать с *салиграмом*?

– Снять и сохранять его в шкатулке, – посоветовала я.

– Не научите ли вы меня необходимым формулам, когда мы приедем в Маттру, дорогой *гуру*, – продолжал О*** молить юного сфинкса, не обращая никакого внимания на мой совет.

– К сожалению, должен вам в этом отказать. Одни *брамины-вайшнавы* (секта Вишну), посвященные в *арчану*[1679] (обряд) *санкхама*[1680], *падмама*[1681], *тульзи*[1682] и *салиграма*, могут в свою очередь посвящать других. Я же не имею такого права.

– Так, может быть, вы успеете уговорить одного из таких браминов? Постарайтесь, прошу вас.

– Постараюсь, но только успех очень сомнителен, – отвечал Ананда, глядя на всех и ни на кого. – Впрочем, этот *салиграм* обладает сильными свойствами и без лишних *джапам*[1683] (церемоний), и я даже обязан вас предупредить…

– Что̀ такое? Расскажите, умоляю вас…

– Этот камень представляет Гопалу-Кришну[1684]. Тот, кто носит его при себе, должен избегать встречаться с коровами. Иначе коровы, целое стадо их, бросятся бежать с радостным мычанием за обладателем такого *салиграма*. Он привлекает их неудержимою магнетическою силой…

[1678] Идиопатия (*греч.* idios свой, pathos болезнь) – болезнь самостоятельная, не зависящая от других недугов, в отличие от симптоматических или симпатических заболеваний.

[1679] *Арчана*[*] – магическая формула. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Арчана – поклонение Богу, совершение обрядов поклонения.

[1680] *Санкхам* – раковина[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Шанкха (*санскр*. śaṅkha).

[1681] *Падмам* – священный лотос[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Падма (*санскр.* padma).

[1682] *Тульси* – растение; все эти предметы посвящены Вишну. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1683] Джа́па (*санскр.* japa) – духовная практика медитативного повторения мантр или имен Бога в индуизме.

[1684] *Гопала*-Кришна – пастух-Кришна. Есть *салиграмы*, представляющие *Сампата*-Кришну, «расточителя богатств», *Сантана*-Кришну[*], «дарующего детей», и т.д. для всяких нужд и специальностей. Если за тем, кто носит на себе *Гопалу*-Кришну, не бегут встречаемые им коровы, то камень, говорят, *поддельный*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Santān (*санскр.*) – потомок, ребенок.

Я посмотрела на Ананду-Суами в удивлении. Смеется он, что ли, над нами? Но его лицо было, как и всегда, серьезно и бесстрастно.

Полковника чуть-чуть передернуло.

– Это так, – вставил словечко Мульджи. – У моего деда был такой *салиграм*; и коровы такура Видванского[1685], у которого он служил *деваном* (министром), чуть было раз не забодали его, ласкаясь к нему.

– А ведь Маттра полнехонька коров, полковник, да вдобавок еще *священных*! – пригрозила я, еле удерживаясь от смеха.

– А «священных макашек» там еще больше! – ввернул словцо бабу́.

– Ну, это для того, чтобы не снимать с тебя лишних фотографий, бабу́, – язвительно заметил благочестивый Мульджи. – Тебе-то уж нечего помогать мэм-сааб. Она не обязана уважать наших верований, а ты – индус...

– Мы обязаны как теософы уважать *все* верования, – сентенциозно произнес президент. – Но не в том дело, а в вопросе, как мне употребить с пользой *салиграм*? Впрочем, я посоветуюсь об этом с Такуром, – добавил он, как-то разом успокаиваясь. – Что̀ это у вас за бамбук, Ананда-Суами? – внезапно вопросил он, занявшись новым предметом и с любопытством разглядывая висевшую на руке аскета палку.

– Это *хануманта-бера*… магический жезл всех мадрасских аскетов, – предупредил бабу́ ответ.

– Так ли это? – переспросил полковник с сомнительным доверием к познаниям бабу́. – Могу ли я просить вас, Ананда-Суами, дать мне на этот счет несколько подробностей?.. Я читал про такой жезл в сочинениях Жаколио. Правильно ли он его описывает?

– Нет; потому что он собирал свои сведения от тех, которые сами ничего не знали о *дёнде* (название жезла)[1686] и греховно обманывали его.

– Ну, а нам вы можете дать историю этого вашего бамбука и сказать, почему он считается *магическим* и называется «ханумановским»?

– Вам могу. Вы теософы и имеете право на наше доверие. Я к вашим услугам. Спрашивайте.

– Так почему, например, отвергая богов как сказки, вы между тем носите посвященные Шиве и Хануману предметы? Что̀ это за тайна?

– В этом нет ни малейшей тайны. Все дело в том, что в нашей мифологии нет той басни, которая не была бы основана на истине. Я ношу *рудракшу* и *дёнду* не потому, что брамины вздумали окружить эту истину туманом той или другой басни, а потому, что дерево и плод, из которого они сделаны, имеют сами по себе свойства, полезные для некоторой предвзятой мною цели.

– Однако, это довольно рискованное для вас дело. Те, кому вы не объясните сущности дела и причину такого действия, не увидят между вами и *хатти-йогами* никакой разницы.

– Отрешившись от света, мы не видим причины озабочиваться тем или другим его мнением о нас. Люди могут думать о нас, что̀ им угодно.

– Вы сейчас говорили о полезных для вашей цели свойствах дерева и плода *дёнды* и *рудракши*. Не можете ли вы нам сообщить кой-чего об этих свойствах?..

– Я могу вам сообщить лишь мертвую букву легенды и основанной на ней обрядности. Настоящий смысл открывается нам только после третьего посвящения.

Два глубоких вздоха раздались одновременно в шарабане. Но лицо Ананды осталось бесстрастным, хотя он и взглянул мельком на Нараяна.

– *Хануманта-бера* (дерево Ханумана) растет лишь на Удаягирских холмах[1687] в милях в ста от Неллора[1688] в Мадрасском президентстве, – начал Ананда своим тихим, однообразным голосом.

[1685] Wadhwan.

[1686] Daṇḍa (*санскр.*) – палка, посох, жезл, булава, палица, дубина.

[1687] *Удаягири* – два слова: *удая* – солнечный восход и *гири* – холмы. Они расположены на восток от Коромандельского (настоящее произношение *Куру-маналь*, «черные пески») берега*, а *Астагири* (западные горы)** – на Малабарском берегу. Обе цепи соединяются на юге *Нильгирийскими* или «Голубыми» холмами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– *Хануманта-бера* – любимое дерево обезьян породы Ханумана и поэтому оно сделалось священным и названо в его честь. Одни невежды-материалисты способны видеть в Ханумане настоящую обезьяну, а в ней – бога. Хануман называется у нас в мифологии *ваханом* Рамы, то есть седалищем или физическим прототипом того, кто сам представляет олицетворение качеств солнца[1689]. Хануман – прародитель дравидов, расы во всем отличной от браминов севера, и назван *ваханом* Рамы потому, что наши предки были вполне детьми солнца, *сурьяванзами*, союзниками солнца юга и тропиков, как и союзниками великого «царя-солнца» в смысле метафорическом. Хануман, короче сказать, если взирать на него в смысле символическом, есть коллективно взятое представление южных народов, даже на Западе. Исторически он Бхимасена, сын Кунти, тетки Кришны с отцовской стороны, а мифологически – сын Вайю, бога воздуха[1690], хранитель и перевозчик при реке *Вираджайя*[1691], индусского Стикса, которую каждому смертному приходится переезжать в мире теней и которой *никому не переехать без помощи Ханумана*. Смысл этого тот, что прежде чем человек достигнет в других и более совершенных мирах той точки прогресса, когда он не станет более нуждаться в грубо-объективном образе, он должен начать с исходной точки человечества под видом обезьянообразного человека со всеми его животными страстями и инстинктами. Дабы сделаться *девом* следует сперва родиться человеком. Надо завоевать каждый шаг, каждую ступень, ведущие к высшему прогрессу, *личными усилиями и заслугами*. Не трудно понять, почему брамины учат, что эта река *Вираджайя*, имеющая, по их учению, такое огромное символическое значение в нашей духовной эволюции, охраняется Хануманом, и затем – почему и сам бог-обезьяна находится в таком почете[1692]. Купаясь, каждый брамин обязан при восходе солнца, закрывая пальцами обеих рук ноздри, уши, глаза и рот и сосредотачивая все свое внимание на священном четверосложии «Вираджайя», произнести его трижды и громким голосом. Особенно обязателен этот ежедневный обряд для браминов-брамачариев…

– Не от того ли, что в *Рамаяне* Хануман зовется тоже «брамачарием», «девственным аскетом», глубоко изучившим логику и *нававьякарнаму*[1693], или все девять систем грамматики? – невинно спросил бенгалец.

– Не перебивайте, бабу́!.. Это неучтиво, да и нам мешаете слушать, – сердито воскликнул Мульджи.

– Действительно, «девственный аскет» и «брамачария» – эпитеты, по праву принадлежащие Хануману, – спокойно и как бы не замечая умышленного намека подтвердил мадрасский *брамачария*. – На Ханумана даже указывают как на основателя санскритской грамматики; вследствие чего ни один поэт или автор не преминет написать ему, наряду с Сарасвати, богиней тайной мудрости, хвалебный гимн на первой странице своего сочинения.

– Но когда же мы услышим о «магическом жезле»? – жалобно спросил полковник.

---

[*] Коромандельский берег – восточное побережье полуострова Индостан к югу от дельты реки Кришна до мыса Коморин.

[**] Астагири – мифическая гора на западе, за которую заходит солнце.

[1688] Неллуру, Неллур (*англ.* Nellore).

[1689] Рама как царь и герой – лицо вполне историческое, что̀ уже доказано многими ориенталистами; он представитель Солнца, *un dieu solaire*[*]. *Вахан* же – просто «носитель чего-нибудь, реципиент[**], объективная форма, в которой заключается и чрез которую демонстрируется нечто бестелесное – *сущность* вещества. Так тело есть *вахан* души, которая в философии браминов и на санскритском языке, как и всякая другая бестелесная сущность, проявляемая материей, зовется «наездником» *вахана*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] солнечный бог (*фр.*).

[**] Реципиент (*лат.* recipiens, получающий) – тот, кто получает что-то.

[1690] Бхи́ма (*санскр.* Bhīma, ужасный) или Бхимасе́на – герой индийского эпоса «Махабхарата», второй по старшинству и самый сильный из Пандавов. Сын царицы Кунти и бога ветра Ваю, считался частичным его воплощением.

[1691] Вираджа (*англ.* Viraja) – река между духовным и материальным мирами.

[1692] *Хануман* – олицетворенный символ «земного человека», который, невзирая на свою животную натуру, развивает в себе духовную природу личными усилиями и, побеждая первую, выходит интеллектуальным победителем всего земного, делаясь, наконец, богоподобною личностью, достойною идти рука об руку с Рамою, воплощением высшего божества. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1693] Нававьякарана – девять (nava) древних трактатов по санскритской грамматике.

Вьякара́на (*санскр.* Vyākaraṇa) – вспомогательная часть Вед, одна из шести веданг, основной темой которой является санскритская грамматическая традиция.

– Теперь я снова к вашим услугам, – слегка поклонился нам французский брамин. – В день *Хануманта-джайянти*[1694] поклонники обезьяны-воина постятся целый день и совершают *пуджу*. Затем ровно в назначенный посвященными астрологами «счастливый» час они отправляются на Удаягирские холмы, где, совершив все предписанные церемонии, срезают палки со священных деревьев *Хануманта-беры* и несут к себе домой.

– Такие же, как ваша палка?

– На вид точно такие. Но так как весьма мало ученых браминов, которые успевают довести до конца *приготовление* палки, потому что требуется более года ежедневных о ней забот, пока палка превратится в «магический жезл», то в итоге они чрезвычайно редки.

– А какие же свойства «жезла», когда он приготовлен по всем правилам?..

– Это зависит от его обладателя, так же как и в вопросах о *рудракше*, о *тульзи* и других подобных этому предметах. Сообщаемые ей свойства разнообразны. Если вы спросите о них брамина-сектанта, то он вам ответит, что посредством своей *дёнды* он может вызывать подвластных ему «духов» и заставлять *пизачей* выходить из завладеваемых ими человеческих тел; что *дёнда* помогает приобретать и развивать в себе ясновидение; предохраняет обладателя от *джиннов* (злых духов), болезней и дурного глаза; вылечивает от всяких недугов; словом, что ее свойства те же, какими обладал великий «обезьяна-бог», и так далее.

– Но вы нам повторяете лишь то, что̀, вероятно, ответил бы на наш вопрос *сектант*. А вы ведь не принадлежите к этому классу? Так вот мы желали бы знать, что̀ *вы* нам ответите…

– Я отвечу, что *палка* без *руки*, сообщающей ей силу совершать тот или другой подвиг, бесполезна; что в руке *радж-йога, ум и воля коего действуют вполне сознательно*, палка делается проводником этой воли, как телеграфическая проволока, проводящая мысли того, кто посылает депешу, но остающаяся в отсутствии такого агента куском простого металла. В руке *хатти-йога* ее действия часто бывают изумительны, но так как ум двигательной силы действует *бессознательно*, то и свойства *дёнды* переменчивы и не всегда согласны с разумом и строгою нравственностью.

– Но разве *хатти-йог* действует бессознательно, как наши *медиумы*?

– Нет, не совсем. В принципе, действуют его собственные желания и даже мышление; стало быть, он действует *не* бессознательно. Но, веря в своих несуществующих богов и их помощь, он не *сознает своего полного сознания*, не признает своего личного контроля. Обособляя действие от причинности, то есть от своей сознательной воли, потому что бóльшая часть таких чудодейных *саньязи* не философы, а просто фанатики, он и сам считает производимые им явления работой Ханумана и вводит других в заблуждение, сея вместо знания и добра одно суеверие, а часто и великое зло.

– Так, стало быть, и мой *салиграм* без моей воли не станет действовать? Но как же мне приобщить его к ней?.. Научите ради истины и во имя человечества. Могу ли я, например, лечить им, производя месмерические *пассы*?..

– Если воля в вас сильна, желание помочь и любовь к человечеству непоколебимы, то, вероятно, вы на него со временем сильно подействуете. Но, повторяю, ваш *салиграм* обладает еще собственными, специально ему присущими качествами. Это тоже своего рода магнит, с которым вы можете делать разные опыты, разнообразя их до бесконечности, но специфические свойства которого всегда останутся при нем.

– Gare aux vaches, mon colonel[1695], – засмеялась я.

– Ах, оставьте, прошу вас! Не мешайте! – замахал руками глубоко заинтересованный президент. – Ну, а вот ваши *рудракши* на шее, *тульзи* и эти *tutti quanti*[1696] аскетов? Что̀ ж о них-то?.. Такие же, как и *дёнда*, – а?.. Ведь все-то это *святыни* Шивы да Вишну, разных *рудр* да *деват*, в которых вы не верите, но эмблемы коих вы все-таки носите, как будто на свете и нет других предметов с такими же полезными вам свойствами? – подмигнул полковник аскету, который и бровью не повел.

[1694] День рождения Ханумана – в апреле месяце*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Хануманта-джаянти, Ханумат-джайанти (*англ.* Hanumanh Jayanti, Hanumath Jayanti).

[1695] Будете популярны у коров, мой полковник (*фр.*).

[1696] подобные им (*ит.*).

– Вы ошибаетесь. Я только не верю в сущность и личность таких богов. Я отвергаю тень, а не самое бытие. Я верю в эти мировые силы, облеченные народною фантазией в формы сохранителя и разрушителя; и, зная кое-что из сокровенных соотношений таких сил с силами природы и ее вещественными произведениями, я не могу не верить в них. Иначе такие личности, как Такур и даже я сам, не отдавались бы вполне и всецело служению им.

– Но зачем же в таком случае, – спросила я, впервые обращаясь к нему прямо, – именно «такие», как Такур, позволяют жертвовать истиной и духом – форме?.. Вот наш Мульджи замазал себе в честь Маттры, без сомнения, весь лоб белою золой. Для чего это пачкание?

– Это не «пачкание», мэм-сааб, – отвечал немного обиженный «генерал», – а уважение к вековым обычаям…

– Но ведь вы не шайва[1697], для чего же вы следуете обычаю этих сектантов?..

– Потому что он общепринятый.

– Но в чем же заключается философия этого общепринятого обычая? На чем она основана?

– На сказке, – вмешался опять бабу́. – Шива, видите ли, был тоже *брамачарией*, «девственным аскетом», как и Хануман; *смазана̀м*[1698] было его любимым местопребыванием; там, весь выпачканный в золе умерших, с человеческим черепом вместо чаши для воды и весь обвешанный вместо гирлянд из цветов тысячью восемью змеями, с кодисешой[1699] на голове, он имел такую ужасную наружность, что заслужил название *Угры*[1700]. Но зато, когда его коллеги, другие боги, ради усмирения его слишком свирепого нрава женили его на Парвати (Кали и т.д.), то *Угра* сделался *Сантой,* святым[1701]. Так вот в память его аскетических подвигов шайвы и натирают себе тело и всю рожу белою золой. Двойное нравоучение басни: не делайся *брамачарией* и аскетом, пока не уверен в своем темпераменте, а затем *женись*, если желаешь превратиться в святого мученика…

– Ну, будет тебе болтать… Ты ведь во всем найдешь что̀ осмеять…

– Нисколько, мой дорогой Мульджи. Я помогаю мэм-сааб собирать сведения; доказываю ей всю логичность и пользу втирания золы в тело…

– Такое втирание основано на гигиене, – пояснил Ананда. – Шайвы-аскеты избегают многих эпидемических болезней таким способом. Это ведь зола не тел сожженных, а одного лекарственного корня, перемешанного с коровьим навозом.

– Но почему же *радж-йоги* не натирают себе тел… этим приятным… средством?

– У них есть другие и еще лучшие.

«Оттого они и не стареют, должно быть; по крайней мере, наружно», – подумала я, глядя на Ананду.

О*** продолжал коситься на *дёнду* и ожерелье своего *гуру* и снова повел атаку.

– Все это так, и вы нам превосходно объясняете, почему вы *не* делаете того либо другого. Но до сих пор я не могу добиться, почему *радж-йоги*, как посвященные, так и кандидаты на посвящение, все-таки делают кое-что из практикуемого *хатти-йогами*? Какая разница, например, в употреблении *дёнды* и *рудракши радж-йогом* и *хатти-йогом*?..

– Это может быть объяснено лишь тому, кто обладает правильным воззрением на разницу между этими двумя родами *йогизма* и на природные свойства названных предметов. *Хатти-йога* – позднейший и в сравнении с *радж-йогой* современный компромисс мистицизма; это результат веков неряшливого обращения с философией, победа внешней формы и обрядности над духом учения, а затем и постепенное вырождение *брама-видьи*, божественной премудрости. Утратив вследствие личного честолюбия и земных страстей способность к объединению с Брамой, то есть

[1697] *Шайва* – поклонник Шивы, *вайшнав* – Вишну. *Рудра* – титул обоих богов, «господин». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1698] *Смазана̀м* – место сожжения трупов браминов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Шмаша́н(а) (*санскр.* çmaçāna, кладбище) – в индуизме место, куда приносят умерших для сожжения на погребальном костре.

[1699] Кобра-капелла. Многие из факиров секты *шайвов* – носят эту змею живою на голове вместо тюрбана. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

[1700] *Угра* – свирепый. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1701] *Санта* – святой. Игра слов: «из *угры* сделался *сантой*», значит – из *свирепого* превратился в *святого*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

с абсолютною природой, бо̀льшая часть браминов, отчужденная от окончательного верховного посвящения, трудностей коего она не могла преодолеть, заменила *радж-йогу хатти-йогой*. Верующие в действительность последней убеждены, что сам *Шива-махатмиам*[1702] сидит в каждом зерне *рудракши*, почему и относят всякое явление, происходящее с помощью, например, *рудракши*, как ясновидение или исцеление болезни, не к своим силе и воле, а к непосредственному действию и участию Шивы. *Радж-йог*, напротив, отвергает как такое вмешательство, так и личность Шивы в принципе. Для него нет антропоморфных богов, есть только абсолютная, обоюдоострая сила созидания и разрушения, первоматерия, всемирная и единая, неотъемлемая частичка коей – он сам, хотя в обманчивом сознании земных ощущений он и является преходящим индивидуумом. Проверив ее свойства годами методических опытов и сознавая эту силу в себе, он одаряет ею данный предмет, то есть концентрирует ее в нем, будь тот предмет *рудракша*, *салиграм* или *дёнда*, а затем при случае дает то либо другое направление этой силе, двойственное качество коей есть притяжение и отталкивание, делая это по собственной воле и усмотрению. Шива тут ни при чем. Таким же способом он превращает и жезл «дёнду» в *вахан*, наполняя его своею силой и духом и передавая ему на время собственные свойства. На Западе у вас магнетизер, пропитывая своим жизненным током бумагу или какой-либо другой предмет для употребления больным, делает то же самое, только в несравненно меньших размерах.

– Позвольте, однако… Вы говорите о силе, духе, свойствах и могуществе, как будто это все сводится к жизненной силе, к «магнетическому» току. Я понимаю, что магнетизер может пропитать избытком своей жизненности неодушевленный предмет в видах исцеления, я и сам это делал, но как же мне понимать ваше заявление о такой же передаче этому предмету воли, мышления, сознательных действий и т.д., то есть невещественных, чисто психических качеств и свойств?.. Разве это возможно?..

– Для того, кто о *радж-йогах* и настоящей *брама-видье* ровно ничего не знает или знает очень мало, для того, кто не знаком с психологией Востока, вещество есть плод его собственных воззрений, выводов западной науки и ее гипотез, то есть плод *понятий безусловно относительных*. Для него всякое вещество, от тока жизненной силы до минерала, есть материя. Ему неизвестны переходные степени от вещества условного и ограниченного до вещества первобытного и безусловного, то есть до первоматерии – *Мулапракрити*: поэтому и объяснить ему суть действий *радж-йога* и передачи им неодушевленному предмету эссенции его творческой силы чрезвычайно затруднительно, если не невозможно. Для западного ученого, у которого понятия о веществе основаны на соотношениях его организма с внешним миром и ограничены одною этою рамкой, *все*, что̀ не есть материя, есть либо «ничто», либо чисто бестелесное качество. Он или не верит в дух, или же если и верит, то неспособен получить ясного представления о «духе-*Сат*» и «духе-силе». По его мнению, дух нечто невещественное, поэтому неотделяемое и непередаваемое. А свойств и всех условий *силы* он не знает. Теургия древних западников, однако же, приводит нам в своих летописях бесчисленные примеры неодушевленных предметов, одаренных временным движением и как бы сознанием и даже произволом. То же свидетельствуют и религиозные верования современных западников. Но что̀ известно в итоге ученому западнику о мировой субстанции, о ее сущности и видоизменениях? Все, что̀ вы знаете о веществе и его свойствах, о чувствах физических и духовных, – все ведь это лишь относительное знание, обусловленное свойствами вашего же земного организма, ваших же личных опытов и выводов науки, и основано на внешних чувствах, а не на действительных качествах вещества. Поэтому, если я вам скажу, что недалеко то время, когда, начав консервами и экстрактом из говядины, молока и других животных продуктов, ваши химики дойдут, наконец, до экстрактов жизненного принципа, что̀ уже отчасти и производится с давних времен гомеопатами и такими бессознательными алхимиками, как некий профессор Йегер[1703], то вы станете смеяться… Несмотря на такое неверие, я позволю себе предложить вам это сведение в виде пророчества.

[1702] Махатмья.

[1703] См.: *Jaeger G.* Entdeckung der Seele. B. I–II. Leipzig, 1884–1885 (*Йегер Г.* Открытие души. Т. I–II. Лейпциг, 1884–1885). Первое издание вышло в 1878 г.

См.: *Salzer L.* [The Observations of Dr Yaeger of Stuttgart] // The Theosophist, Vol. IV, July, 1883, Supplement. P. 4–7 (*Зальцер Л.* [Наблюдения доктора Йегера из Штутгарта] // The Theosophist, 1883, т. IV, июль, Приложение. С. 4–7).

– Но какое же тут сравнение?.. Разве можно закупорить дух в бутылку! Ведь это мы только читаем в сказке *О рыбаке и джинне*, о духе, засаженном в сосуд под печатью царя Соломона[1704]… в *Тысяче и одной ночи*…

– Так зачем же вы выбрали именно эту печать для девиза вашего общества[1705]?

– Потому что это фигура *Шри-Антары… Чакры*[1706] или «Колеса Вишну», самый древний символ Индии…

– «Печать Соломона», находимая у нас, как и у халдейцев, у первобытных народов Европы, как и у туземцев обеих Америк, в Африке, как и в Азии, доказывает лишь одно: сказка *О рыбаке и джинне* основана на факте. *Джинн*, то есть злой и вместе добрый, услужливый дух, есть олицетворенный символ той силы в природе, о которой я вам говорил: силы *созидающей и разрушающей, притягивающей и отталкивающей*. Соломон в народных легендах тот же «магик» и адепт. Он – патрон иудейских, как и европейских каббалистов, как Гермес – патрон магов египетских. Эта сила, сосредоточенная на каком-либо предмете, Соломоном ли, Гермесом ли, или *радж-йогом* Индии, то есть посвященным в тайные науки адептом, есть не что̀ иное, как бескачественный дух и качественная материя. Эта-то сила и создала человека, *вахана* Парабрамы и Мулапракрити. В свою очередь, человек, сознающий в себе эту двойную силу, может передать избыток оной другим *ваханам*. Но для того чтобы порождать и развивать в себе такой избыток, он должен, прежде всего, отрешиться от собственной личности, отдаться вполне служению человечеству, забыть свое личное *я*, сделаться сперва достойным того, чтобы быть сотрудником природы, а затем уже – *адептом*.

– Но как и в чем именно помогает он человечеству или даже его прогрессу *дёндами* да *рудракшами*? Я понимаю желание сделаться адептом, изучить таинства природы из *личной*, так сказать, эгоистической цели прежде всего, а затем уж помогать своими познаниями другим, но я не вижу никакого отношения между *рудракшами* и адептами с точки зрения благодетелей человечества!..

– Сожалею, но объяснить вам этого при вашей настоящей духовной слепоте не берусь. Повторяю, чтобы сделаться *радж-йогом*, следует прежде всего отречься *безусловно* от собственной личности, не иметь *эгоистической* цели, потому что такою целью задаются одни *хатти-йоги*, которые вследствие этого и уронили значение тайных наук в глазах непосвященных.

Густав Йегер (1832–1917) – немецкий биолог.

Леопольд Зальцер (1827–1907) – австрийский врач, гомеопат, член Теософского общества, с 1867 г. жил в Калькутте.

[1704] В еврейских и исламских средневековых легендах, а также в христианской средневековой Европе печатью Соломона называется символ из двух наложенных друг на друга равносторонних треугольников (Звезда Давида), помещенный на легендарном перстне-печатке царя Соломона, который давал ему власть над джиннами и возможность разговаривать с животными.

[1705] «В Эмблеме Теософского общества <…> воспроизведена Гексаграмма (часто называемая Двойным Треугольником, знаком Вишну, а в иудейской религии известная как печать Соломона или звезда Давида). Двойной Треугольник, символически изображающий макрокосм или проявленную Вселенную, содержит в себе идею Единства мира.

В классической йоге этой шестиугольной звездой обозначается сердечная Анахата-чакра. Шесть вершин фигуры тяготеют к центральной, невидимой седьмой точке изначального первичного Огня.

Треугольники символизируют три грани проявления, известные в различных религиях как Троица или Тримурти. Темный треугольник, указывающий вниз, и светлый треугольник, указывающий вверх, – это символы нисхождения духа в материю и вознесения преображенной материи в мир духа» (Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь, 2012. С. 389).

См.: «…“Двойной Треугольник”, соединение и слияние чистого Духа и Материи, Арупа и Рупа, символами которых являются Треугольники. Этот двойной Треугольник есть знак Вишну; это есть Соломонова Печать и Шри-Антара браминов» (*Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина. Т. I. Рига, 1937. С. 168).

[1706] Шри́-я́нтра, Шри-чакра – наиболее знаменитая из всех тантрических янтр (диаграмма в тантрической традиции буддизма и индуизма). Представляя собой сокровенное устройство космоса, Шри-янтра образована взаимным пересечением треугольников в двух направлениях: четыре вершинами вверх, символизируя мужской принцип, и пять вершинами вниз, символизируя женский принцип. Эта янтра изобретена для того, чтобы дать образ полноты и целостности существования.

– Но не можете ли вы, – настаивал несколько сконфуженный прямым уроком полковник, – дать мне понять простым примером для чего именно *радж-йоги*, как и презираемые ими *хатти-йоги*, носят, например, жезлы, вот эти *дёнды*?..

– Для того чтоб эссенция двукачественной силы не рассеивалась под напором внешних случайностей повседневной жизни, а находилась бы, так сказать, в резервуаре, была бы всегда готовою к употреблению ввиду возможных событий…

– Каких… например?

– Вообразите себе, что вы идете по улице с *радж-йогом* и ведете разговор о предметах совершенно обыкновенных, но почему-либо интересующих его. В руке он держит никогда не покидающую его *дёнду* – вот как эта, – показал Ананда на свою семиколенную трость. – На вас бросается из-за угла бешеная собака. Опасность близкая, пред которою вопрос о вашем спасении зависит от быстроты действия, измеряемой не минутами, а секундами, мгновениями. Хотя мысль действует с быстротой электричества, однако же, для приведения в порядок ума, только что занятого посторонними предметами, для извлечения из познавательного аппарата импульсов воли, необходимых для отражения собаки, может потребоваться полсекунды более того времени, которое понадобилось бы собаке, чтобы вас укусить. Без своей *дёнды радж-йог*, быть может, не успел бы вам помочь. Но *дёнда*, пропитанная эссенцией силы *радж-йога*, действует с быстротой молнии: направленная против животного, она мгновенно парализует его импульс броситься на вас, а повторением движения *радж-йог* мог бы даже убить зверя налету и не дотрагиваясь до него, если б это оказалось *нужным*. Вот что̀ может сделать *дёнда* в *обыкновенных* случаях. Но называть ее поэтому *магическим жезлом* неправильно, так как ни «жизнь», ни *рудракша* не могут быть обособленными от нашей сознательной воли и мышления или действовать независимо от нас. Одарять их таким свойством значит признавать в них присутствие познавательного аппарата, как у человека, и равняется произвольному распространение суеверия и грубого поклонения веществу.

– Вы сейчас сказали, что *дёнда* никогда не покидает руки *радж-йога*? Я никогда не видал, однако, такого жезла в руках у Такура?

– Действующая сила заключается не во внешней форме *вахана*, и не одна *дёнда* выбирается носителем или седалищем «силы», – получили мы уклончивый ответ.

В эту минуту шарабан, стуча, гремя, подпрыгивая низом и отдуваясь полотняным верхом, скрипя колесами и вообще издавая самые невероятные звуки, загрохотал на мостовой Маттры, обетованной земли благочестивых *вайшнавов* (поклонников Вишны).

«Шри-Маттра!» – воскликнул Мульджи, бросаясь ничком на пол шарабана. «Шри-Маттра!» – повторил за ним Нараян, вдумчиво вглядываясь вдаль, как бы поджидая кого. Один Ананда даже не повернул головы, въезжая. Пока мы все толпились, толкая и падая друг на друга, чтобы взглянуть из-за полотна на ряд розовых, унизанных обезьянами храмов, он и глазом не мигнул, даже когда я почти отдавила его голую ножку. На мои извинения он только посмотрел *в меня* (не на меня) своими глазами кроткой лани, как бы желая вычитать во мне, в чем именно я извинялась…

Мне стало жутко от этого взгляда. Я забыла Маттру и предалась воспоминаниям о потерявшем душу «человеке-автомате» в сказке какого-то американского Гофмана[1707].

[1707] Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822) – немецкий писатель, композитор, художник.

VI

Мои соображения и думы об отсутствии «личной» души в Ананде были внезапно прерваны самым для нас неожиданным образом. Мы проезжали между двумя рядами зданий с выступавшими почти на середину переулка террасами, когда над нашими головами на полотняный верх фургона что-то вдруг тяжело упало, забегало, засуетилось, застрекотало, и с визгом, который покрыл разом даже разнохарактерные звуки, издаваемые нашим шарабаном, нас атаковала, а, быть может, по своему и приветствовала целая стая больших и маленьких обезьян. Они цеплялись за бока экипажа, заглядывали в боковые отверстия, лезли одна через другую и через наши головы и плечи. Их появление было так внезапно, что я с трудом могла сообразить, что̀ такое случилось. Все они разом накинулись на стоявшую на скамье, к несчастию, незакрытую корзинку с провизией. В одно мгновение ока бутылка с холодным кофием[1708] была разбита, Мульджи выкупан в черной жидкости, коробка с чаем разорвана на лоскутки, а чай рассыпан по фургону и мостовой; и мы увидели полковника увенчанного рисовою лепешкой, а мое платье все испачканное вареньем…

Их было десять или пятнадцать штук, и в первую же минуту их появления в шарабане распространился такой острый, специфический запах, что я чуть было не задохлась. Обезьяны не тронули никого, явно производя лишь простую разведку насчет съестного; наш кучер не успел еще, повертывая за угол, остановить лошадей, а вся стая уже исчезла так же быстро, как и появилась… Два брамина с бритыми головами, подскочившие было на помощь к шарабану, увидав своих «богов» ретирующимися, спокойно вернулись на свои места у ступеней пагоды…

Чтобы добраться до приготовленного нам места отдыха, нам пришлось проехать почти вдоль всего города. Маттра, освещенная ярким утренним солнцем, лучи которого скрывали вековую копоть и грязь древних домов, показалась нам очень живописною. Город расположен веером на западном, крутом берегу Джумны и весь разостлался на высоких, убегающих вдаль зелеными волнами пригорках. Шри-Кришна[1709], *аватара* Вишну, доказал свой артистический вкус избрав Маттру сперва местом своего рождения, а затем сделав эту местность ареной своих амурно-мистических похождений с *гопи* – пастушками, от избытка коих он, вероятно, и посинел. Насколько верна эта гипотеза – сказать не берусь, но в таком духе было объяснение бабу́ при виде благоговейного ужаса Мульджи пред громадным идолом бога-пастуха, окрашенного в темно-голубую краску с ног до головы, от щек до свирели. Далее мы рассмотрим филологически и этнографически причину его синего цвета.

Мы переехали реку по мосту из плоскодонных лодок, конструкцию которого почему-то восхваляют сравнительно с прочими. Священная река, соперница *Ганга*, по утреннему обычаю была переполнена очищающимися от грехов индусами обоего пола. Вдоль крутого берега ведут к воде ряды мраморных ступеней, платформы которых все до одной украшены миниатюрными храмиками, каждый в честь одной из пастушек.

Весь город искрещен переулками, восходящими и нисходящими, наподобие переулков Мальты, с кривыми каменными ступеньками, по которым не проехать и на лошаке, а слоны, тоже *священные*, свободно ступают по ним своими колодообразными, тяжелыми ногами, отправляясь друг к другу в гости, от одной пагоды к другой. Случается так, что встретясь хобот к хоботу и видя невозможность, не сворачивая одному из них назад, разойтись одному в гору, а другому под гору, слоны пускаются на следующую штуку. Обменявшись несколькими фразами с похлопываньем ушей и обниманий хоботами и убедясь в обоюдной дружбе, слон поменьше становится к стенке, а слон побольше ложится наземь, стараясь по возможности стушеваться. Затем первый поднимает ногу и осторожно, не торопясь, лезет через товарища с легкостью и грацией, но иногда слон спотыкается и падает, хотя хобот лежащего, поднятый в виде вопросительного знака на все время опасной переправы, всегда наготове и помогает изо всех сил

[1708] Кофе (*устар.*).

[1709] Шри – буквально «благодать» – одно из имен Лакшми, супруги Вишну. Но теперь это имя сделалось прилагательным, эпитетом, синонимом святости. Так говорят: Шри-Маттра, Шри-Кришна и т.д., то есть благодатная или св. Маттра, благодатный Кришна и пр. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

меньшему, слабейшему брату. Уважение и услуги, оказываемые слонами один другому, вошли в поговорку, служа живым упреком людям[1710].

Маттра настоящий зверинец. В нем более животных, чем людей, хотя цифра его народонаселения доходит до трехсот тысяч в месяцы паломничества. Все улицы буквально запружены «священными» быками и слонами; крыши домов и храмов покрыты «священными» обезьянами, а над головами носятся тучами, затемняя Божий свет, «священные» павлины и попугаи. И все это живет на свободе, не принадлежит никому, а напротив, распоряжается по-хозяйски как городским добром, так и самими людьми. Злополучные торговцы и торговки на базарах принуждены приносить провизию в герметически закрытых корзинах, полуоткрывая их для покупщиков с величайшими предосторожностями, иначе обезьяны, вечно торчащие настороже у базарных ворот и привыкшие взимать контрибуцию с каждой повозки, – чем и объясняется их атака на нас, – тотчас же все разнесут, да вдобавок и за волосы оттреплют того, кто станет защищать слишком энергично свой товар. Одни слоны ведут себя с величайшим достоинством и честью. Они никогда не возьмут ничего сами, но будут скромно стоять у лавки с лакомствами и ждать терпеливо, пока их попотчуют. В Маттре считалось в 1880 году до 30000 обезьян, до 5000 быков и, кажется, несколько сот слонов. Запах был там такой, что в продолжение целого дня моей побывки в священном городе я не отрывала платка с одеколоном от лица. Святость окружала нас со всех сторон. Святость веяла на нас из-за каждого угла, била нам в нос так, что к вечеру у нас, «белых», распухли носы от чиханья. *Святые саньязи* стояли вверх ногами на каждом перекрестке; *святые* быки устилали мягким ковром собственного произведения немощеные улицы, а *святые* макашки кидали в нас с крыш переваренные их ненасытными желудками награбленные ими плоды и овощи… К вечеру я перестала укорять бабу́ в его атеизме. Я вполне понимала его ненависть к «богам» и сочувствовала ему.

Но святость в сторону, Маттра один из интереснейших и древнейших городов Индии. В дни много наблюдательного Мегасфена греки унесли с собою на родину воспоминания о многих священных *вайшнавам* местах. Так, цитируя посланника Селевка, Арриан[1711] говорит о Маттре[1712] (Mathoras) и о *Клизабаре* (?)[1713], называя их главными городами *сурасенов*[1714]. Под Клизабаром Мегасфен вероятно подразумевал *Кайласпур*, так как и Маттра и этот город построен потомками *Сурасены*, деда Кришны. Далее греческий писатель говорит о *Будеусе* (Βουδύας) и *Крадевасе* (Κραδεύαζ)[1715] как о прародителях этого племени сурасенов, главного в стране в те времена. Мегасфен, по своему греческому обыкновению коверкавший имена, вероятно, говорит о Будде и Кроштдеве[1716], родоначальниках племени яду́ расы *индуванзов*, то есть Лунной. По родословному дереву, официально проверенному и засвидетельствованному правительством раджи

[1710] Замечательно, что слоны, народ обидчивый и с большою амбицией, никогда не дерутся между собою, живя в городах, хотя в диком состоянии они часто уничтожают друг друга. Замечательно и то, что, оказывая все знаки обоюдного уважения, они никогда не дружатся между собою, а выбирают постоянно предметом страсти и пламенной любви собачек, ослов и других небольших животных. Один такой слон, полюбив ослика, взял его под свое покровительство. Слон был свободный, «пагодский», а ослика нанимали под работу. Раз английский солдат, наняв его, сел на него верхом и стал колотить по бокам тяжелыми сапогами. Слон стоял у ворот обитаемой его другом конюшни и, увидав, что его любимца обижают, схватил хоботом британского воина и так потрепал его, что тот, освободившись, хотел было в ярости на месте застрелить слона. Его уговорили не делать этого, потому что другие слоны, тут же стоявшие, рано или поздно *убили бы его непременно*: *espris de corps*[*] у слонов удивительный. Солдат послушался. Заинтересованный рассказом, он простил слону, и кинув ему кусок сахарного тростника, предложил ему в знак примирения. Слон постоял над ним, подумал и, взяв, наконец, лакомый кусок, прямо понес его и положил хоботом в рот обиженного осла, а сам повернулся и ушел, «словно оскорбленный человек и не глядя на меня», говорил солдат, рассказывая нам сам это событие. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] корпоративный дух (*фр.*).

[1711] Луций Флавий Арриан (ок. 89 – ок. 175) – древнегреческий историк и географ.

[1712] Пишется *Math'hura*; я следую фонетическому правилу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1713] Метора, Клейсобора (см.: *Арриан.* Индика, гл. VIII).

[1714] Шурасена (*санскрит.* Śūrasena) – царство в Древней Индии. Столица царства находилась в Матхуре. По традиции свое название царство получило по имени известного правителя династии ядавов Шурасены.

[1715] Будия, Крадэва (см.: *Арриан.* Индика, гл. VIII).

[1716] Крошту (Крошта).

Уйдепурского, эти два имени действительно стоят во главе потомков Будды[1717] и Эллы (земли)[1718], одним из коих был Кришна, и они часто упоминаются в *Пуранах*. А уже в дни процветания Кришны (по уверению браминов за 5000 лет, а по показанию ориенталистов за 1200 лет до Р.Х.) Маттра была древним городом.

Но теперь от этого когда-то сильно укрепленного города уцелели всего трое полуразрушенных ворот да остатки когда-то грандиозной крепости. Обезьяны довершили начатое афганцами разрушение, и сама мечеть Аурунгзеба с ее четырьмя изразцовыми голубыми башнями покривилась от запущения. Теперь мусульманам нет больше в Маттре места. Даже нелегко выживаемые из гнезд идолопоклонства американские миссионеры спасовали пред обезьянами да быками и давно уже обратились в бегство. Остались полновластными хозяевами темно-лазоревые Кришны да их зверинец с прислуживающими ему браминами.

А было время, когда место рождения Кришны, божественного Дон-Жуана Индии, славилось своею роскошью и богатством; слава эта и привлекла первых афганских завоевателей. Во время своей экспедиции против Кённуджа[1719] в 1017 году Махмуд Газнийский, прослышав о сокровищах города «Кришны-Вос-Девы»[1720], направился туда со своею армией и, найдя город беззащитным, потому что брамины его справляли в то время *пуджу*, овладел им и предал грабежу. Ханумановская армия, видно, выродилась; ее потомки все разбежались: «В течение десяти лет после поругания погаными могулами священный город не видал в своих недрах любимых богами союзников» (то есть обезьян), – гласят летописи Маттры. Хороши союзники! Видно, нечего стало им есть в священном граде, оттого и разбежались.

Махмуд сжег и поразбивал множество идолов и собрал громадные сокровища, много золота, серебра и драгоценных камней. Он разорил бы и многочисленные храмы, но нашел, что работа разрушения потребовала бы целых месяцев; другие летописцы уверяют, что он их пощадил ради их неописанной красоты. Одно верно, – и это мы видим из его письма к губернатору Газни, – Махмуд был поражен внешним видом города и его богатствами. Вот выдержка из этого письма, переведенная мною из документов, собранных и напечатанных Ост-Индскою компанией:

«В городе Маттре тысяча зданий, прочных, как вера правоверных, и бóльшая часть из мрамора; кроме того, несчетное число храмов. Невероятно, чтобы сей город достиг своего настоящего вида и состояния без затраты на него многих миллионов динариев или чтобы другой такой же мог быть выстроен в период менее двух веков».

Затем автор письма рассказывает, что между находками в храмах Маттры оказались «пять идолов из чистого золота, глаза коих были каждый из цельного рубина стоимостью в 50000 динариев. На одном идоле был найден сапфир весом в 400 *мискалей*[1721]; «само изображение, по сплавке, принесло 98300 *мискалей* чистого золота». Кроме этих идолов, «найдено и увезено 100 идолов из серебра, навьюченных на такое же число верблюдов». Махмуд оставался в Маттре «двадцать дней, в течение коих город сильно пострадал от огня», кроме других потерь от разграбления.

После этого Маттра была оставлена в покое на много веков до вторичного ее разграбления афганами армией Ахмед-Шаха Дурани[1722] в 1757 году. Ахмед не командовал лично афганскими войсками, передав начальство над этими разбойниками своему сердару Иеган-хану, прозванному иезуитами Занусом. Тифенталер[1723] пишет, что эта армия была силой в 25000 человек кавалерии, и добавляет: «Маттра чрезвычайно населенный город с богатейшими жителями. В этом, как и в

[1717] Не следует смешивать прилагательное *будда* (премудрый) с Буддой Гаутамой, известным реформатором и основателем буддизма, приобретшим этот титул в глубокой старости. В Индии было много *будд* до времен принца Гаутамы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1718] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 461–462.

[1719] Каннаудж (*англ.* Kannauj).

[1720] Кришна-Васудева (*санскр.* kṛṣṇa vāsudeva, Кришна, сын Васудевы) – одна из форм Кришны в индуизме. Исторически, культ Кришны-Васудевы был одной из древнейших форм поклонения в кришнаизме и вайшнавизме.

[1721] Доныне употребляется весовая мера жемчуга: в Турции 4,804, в Египте 4,633, в Персии 4,536 грамма. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1722] Ахмад-шах Дуррани (Ahmad Shāh Durrānī, 1773–1723) – основатель Дурранийской империи, которая является началом современного Афганистана.

[1723] Йозеф Тифенталер (1710–1785) – австрийский миссионер, иезуит, исследователь Индии.

другом городе, Бендробане[1724] (прославленном аватарами Кришны), афганцы учинили много жестокостей, выказывая свою ненависть к идолам тем, что сжигали дома со всеми живущими в них; убивали жителей мечом и копьем; уводили дев и юношей в плен; резали священных, в глазах суеверного индуса, коров и быков в их храмах и заливали кровью алтари и улицы города»[1725]…

Наконец, по смерти Муджуф-хана Синдия, махратский царь, завладел в свою очередь Маттрой и затем подарил ее французскому авантюристу Перрону[1726] за оказанные им услуги и под условием будущего союза. Только в 1803 году город был занят британскими войсками *без малейшего со стороны жителей сопротивления* и укреплен в том же году трактатом за Ост-Индскою компанией[1727]. Таким образом, англичане сделались еще раз «победителями», как они любят величать себя в Индии.

Впрочем, за исключением нескольких укрепленных городов вся страна перешла в цепкие руки Англии таким же способом, под политический шумок. Высокоблагороднейшие (*most honourable*) отцы Компании никогда не пренебрегали захватом того, чтò плохо лежит. Сперва они делались покровителями и заступниками, отцами и благодетелями угнетенных царьков Индии; затем начинали представлять последним всю выгоду союза с ними; кончалось тем, что, невзирая на всевозможные трактаты и соглашения, скомандовав в один прекрасный день союзнику *ôtes-toi de là, que je m'y mette*[1728], они присоединяли его владение к другим царствам, побежденным ими столь же воинственным образом, и завладевали им навеки. Зачем терять драгоценную силу, побеждать *suo marte*[1729], когда оно лучше дается в руки *per casum obliquum*[1730]?

В своих политических *Мемуарах* честный полковник Тод передает полученный им в 1817 году замечательный ответ старого (тогда уже слепого) Нестора[1731] Индии, Залима Синга[1732], такура Котского. «На все мои уверения, – пишет резидент, – что мы не ищем расширения наших владений в Индии, он мне отвечал недоверчивою улыбкой: "Вполне уверен, что вы так теперь думаете, – сказал он мне однажды с обычною ему учтивостью, – но недалеко то время, когда вся Индия увидит себя под оною *сиккой* (*экка сикка*[1733]: одна эмблема власти). Вы явились в нашу страну махараджей в счастливое для вас время: *пфут*[1734] был созревшим и вам оставалось только класть его себе в рот по кусочку. Не думайте, что ваше могущество и храбрость делают вас господами Индии. Вы этим обязаны только нашему разъединению и ссорам между владетелями"»[1735].

Как ни странным оно покажется, но кончая эту цитату, Тод добавляет к ней собственное и, по-видимому, совершенно искреннее размышление: «Эти слова не лишены своего глубокого значения, *хотя я и уповаю, что пророчество его никогда не сбудется*».

[1724] Бриндабан, Вриндаван.

[1725] См.: *Tiefenthaler J.* Historisch-geographische Beschreibung von Hindustan. B. II, T. I. Berlin, 1788. P. 176 (*Тифенталер Й.* Историко-географическое описание Индостана. Т. II, ч. I. Берлин, 1788. С. 176).

Цит. по: Muttra // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 656.

[1726] Пьер Кюйе-Перрон (1753(1755)–1834) – французский военный авантюрист в Индии.

[1727] См.: Muttra // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 656.

[1728] убирайся, дабы я мог занять твое место (*фр.*).

[1729] силой (*лат.*).

[1730] незаконным путем (*лат.*).

[1731] Нестор Летописец, Нестор Печерский, Нестор Киевский (ок. 1056–1114) – древнерусский агиограф, монах Киево-Печерского монастыря.

[1732] Залим Синг – владетельный принц Коты (*Kotah*), герой, известный всей Индии. Пред этим раджпутом и его непобедимою храбростью отступали даже англичане. Он умер в 1827 году. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Залим Сингх (Jhala Zalim Singh, 1739–1824) – индийский политик, администратор, реформатор, фактический правитель Коты (с 1770 г.).

[1733] «Éki sicca» (*Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. II. Madras, 1873. P. 512).

[1734] *Пфут* – род сладкой тыквы или дыни, которая, вполне созрев, лопается, разлетаясь на куски. Синоним слова *пфут* на языке хинди – «разделение, раздор, несогласие»[*]; Залим Синг, говоривший как все индусы притчами, сравнивал поэтому государства и мелкие владения Индии с этим плодом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Phūt – род дыни; разногласие, раздор, разделение» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 589–590).

[1735] *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 655.

Оно, однако же, сбылось, и слово в слово. Господа англичане проглотили все куски распавшегося *пфута* один за другим и даже ухитрились вернуть изо рта Франции раньше ею проглоченные куски… У Джон-Буля пищеварение превосходное.

От англичан перейдем к патрону города Маттры. Известно ли что-либо о Кришне верного, про то надо спросить ориенталистов. Если бы составить каталог их различных мнений, в итоге получились бы следующие точные данные:

1. Кришна – один из десяти *аватар* Вишну. Период его рождения еще не установлен. Он колеблется между 1200 годом до Р.Х. и 1200 годом по Р.Х.

2. Кришна – лицо историческое, ибо его называют «черным (*кри*) принцем» племени яду, и все указывает на его эфиопского происхождение.

3. Кришна – либо миф, либо обезьяна, ибо его изображают голубым, а голубых людей, как известно, нет, тогда как есть голуболицые макашки.

4. Кришна – олицетворение всех добродетелей: следуют восторженные цитаты из *Багават-Гиты*[1736].

5. Кришна – олицетворение безнравственности: приводятся в пример *Пураны* и секта *валлабачариев*.

Этого достаточно, дабы убедиться, что сумма сведений об этом герое-боге равняется нулю. Ориенталисты строят гипотезы, потому что брамины молчат, а публике европейской вообще мало дела до одного из многочисленных богов Индии. Тут интересно, конечно, не позднейшее обоготворение Кришны, а то, что в нем, как и во многих других божествах браминов, все указывает на одного из тех древних, доисторических героев, более точные сведения о коих могли бы повести к очень важным с точки зрения этнологии открытиям и пролить яркий свет на доисторические, а затем уже и вполне исторические расы как Европы, так и Азии. Что скандинавские, египетские, греческие, среднеазиатские, германские и славянские боги были почти все, по крайней мере главные, когда-то жившими героями древности и родились в доисторической Индии и Азии вообще, для меня теперь стало совершенно ясным. Но следовало бы, чтоб оно сделалось ясным и авторитетам, которые управляют умами профанов, *не*специалистов, тех, кто сами, ничего не изучая и не открывая, принимают на слово заявления «авторитетов». Впрочем, во всех вопросах, которые касаются прежних и до сей поры сохранившихся религий, основанных на символизме, как, например, вера браминов, наши лучшие ориенталисты такие же *про*фаны (*pro fano*[1737]), как и их поклонники. Они стоят «*вне* храма», как и остальная публика, потому что брамины не пускали еще ни одного из наших ученых *восточников* внутрь пагод, в этот настоящий, закулисный мир их публичных представлений. Но для нас, как известно всей Индии, много делалось исключений, и к великой злобе англо-индийцев нас пускали туда, куда еще не заходил ни один из них.

Так было и в Маттре. Пред Анандой-Суами, *посланным Такура*, растворялись все двери, наглухо замкнутые для всех, кроме священнодействующих *вайшнавов*, и нам было дозволено входить в такие места, куда со времен афганцев не вступала еще нога *феринга* или *млетчи*. Но и здесь, как в Джабельпуре, пускали нас только двоих: полковника О*** да меня, а проигравших касту индусов заставляли ждать у дверей.

В Маттре мы окончательно убедились, что обитатели греческого Олимпа родились ближе к Гималаям, нежели к родине Гомера; что Парнас следует искать на Бамиане; что Аполлон[1738], Геркулес, Вакх и Орфей суть *аватары* Кришны, Бальдевы[1739], Вакхиши[1740] и Арджуны, друга

[1736] «Бхагавадги́та» («Бхагавад-гита» или просто «Гита», *санскр.* Bhagavad Gītā, «Песнь Го́спода») – памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли на санскрите, часть шестой книги «Махабхараты» (Бхишмапарва, главы 23–40), состоит из 18 глав и 700 стихов. Один из базовых текстов индуистской философии.

[1737] Профан (*лат.* pro fano) – не допущенный в храм, букв. снаружи храма.

[1738] Аполлон, по прозвищу Феб (*др.-греч.* лучезарный, сияющий) – в древнегреческой мифологии златокудрый сребролукий бог света (отсюда его прозвище Феб, солнечный свет символизируется его золотыми стрелами), покровитель искусств, предводитель и покровитель муз, предсказатель будущего, бог-врачеватель, покровитель переселенцев и основывающихся древнегреческих колоний, также очищал людей, совершивших убийство. Один из наиболее почитаемых богов. Олицетворяет Солнце (а его сестра-близнец Артемида – Луну).

[1739] Балара́ма (*санскр.* Balarāma) – в индийской мифологии старший брат Кришны, почитаемый часто как воплощение самого Вишну. Баладева (Балядева) – одно из имен Баларамы, которое имеет в виду его силу.

Кришны и одного из Пандавов. Недаром такие энтузиасты как Покок, автор *Индии в Греции*, доказывал, *не видав даже того, что̀ мы видели в хранилищах храмов Маттры*, что вся Греция с ее богами, как и Египет с его *зоолатрией*, перешли целиком из Индии, не нынешней Индии, конечно, замкнутой в ее гималайских границах, а из доисторической.

В одном из храмов[1741] мы видели Кришну, в сообществе других богов играющего на свирели на горе, которую брамин, сопровождавший нас, назвал «Парнаса». Нам объяснили, что часть Паропамиза (Бамиан) так называлась в древности. Вообще эти горы звались, да и поныне зовутся: *Деваники*, так как предание населяет их «земными богами, *бху-деви* (*бху-ми* – «земля»)[1742], то есть обоготворенными героями. В Пуранах сказано, что жилище богов во время их периода религиозного отшельничества было всегда на горах, где они строили себе хижины из тростника, которые и называются *парнас*(ами) до сей поры; сам Рама и Кришна жили на горе *Парнас* в «парнасах»[1743].

Как Вакх есть *аватара* Вакхишты, так и Аполлон – греческое воплощение Кришны. Все указывает на это. Кришна зовется *Муралидхарой*, то есть «держащим флейту» или свирель; он – бог музыки. Свирель была выдумана ранее лиры, которой первобытные пастушеские народы не знали; и Пураны объясняют, что *бханзли* (свирель из тростника, от слова *бханз*, тростник[1744]) была любимым инструментом *Каньи* (одно из имен Кришны)[1745], потому что его стада предпочитали *бханзли* своего божественного пастушка *чатаре*[1746] или *вине* (лире).

[1740] *Вакхиша*[*] *– бог слова*; одет в шкуру леопарда или тигра, на которой его представляют сидящим с поджатыми ногами как *йога*. Вакхиша – один из *видов* Шивы, а также и Вишну; эта роль принадлежит многим главным богам, которые все были сперва *брамачариями*, «безбрачными аскетами». Голова этого бога и его шея покрыты гирляндами *веллы*[**], растения вроде винограда, из коего делается очень опьяняющий напиток и сухие листья которого *хатти-йоги* постоянно жуют. Что греческий Вакх родился индийским Шивой-Вакхиштом, доказывается следующим. Первое появление Вакхишты (одетого, как Вакх, и увенчанного виноградом) было на горе *Су-меру* (святая – *су*; гора – *меру*) возле Бамиана Паропамизского[***]. Там «он поучал человечество земледелию и искусствам цивилизации». Историки Александра зовут эту гору *Су-Мерос* с обычным им окончанием, и настаивали еще в свое время, что она жилище их Вакха. Здесь, по преданию браминов и по Арриану, македонец держал с генералами вакханалию; увенчанные *веллой*, они напивались сильно пьяными. Эта гора, как и многие другие, покрыта дикими виноградниками. Вакх, по мифологии греков, родился из бедра Юпитера. *Мерос* по-гречески – *бедро*. Не очевидно ли, что греки или перемешали это слово с *меру*, гора по-санскритски (произносимое греками *мерос*), или же забыли свое происхождение, так как прошли века и тысячелетия между *автохтонами*[****] Аттики и македонцем? Их гора «Томарос», наверное, тоже родом из Паропамиза. Как буква *д* превращается у греков в *з*, *Deus, Zeus*, так и буква *с* у них часто превращалась в *т*. *Сумеру* сделалось сперва *Сумерос*, а затем и *Томарос* – Греции[*****]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Вагиша.

[**] Vēla (*маратхи*) – ползучее или вьющееся растение.

[***] Паропамисады (Παροπαμισάδαι) – древнегреческое название Гиндукуша, восточной (нагорной) части современного Афганистана. Греческое слово происходит от авестийского выражения «выше орлиного полета» (намек на необычайную высоту гор) – Поурату. Древнебуддийские тексты помещают на этих землях государство Камбоджи. Александр Македонский завоевал Паропамисады и основал здесь город – Александрию Кавказскую. Паропамизада – при Селевкидах название сатрапии, обнимавшей оба склона этого хребта с главным городом Ортоспана (Кабул). В последующие столетия Паропамисады входили в состав владений греко-бактрийских и индо-греческих правителей, а также Кушанского царства.

[****] Автохтон – коренной житель какой-либо местности.

[*****] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 396 (*Покок Э.* Индия в Греции, или истина в мифологии. Лондон, 1852. С. 396).

[1741] До сих пор в моих воспоминаниях всегда старательно указывала местность и называла храмы по имени. Сожалею, что в этом случае *не могу назвать* храмов в Маттре, так как, позволяя нам выдать факты, с нас взяли *честное слово*, торжественное обещание, *не выдавать имен*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1742] См. о *парнасах* (и проч.) в *Asiatic Researches*, том VI, стр. 497[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Wilford F.* On Mount Caucasus // Asiatic Researches, Vol. VI, 1801. P. 497–499 (*Уилфорд Ф.* О горе Кавказ // Asiatic Researches, 1801, т. VI. С. 497–499).

Цит. по: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 302.

[1743] В *Рамаяне* и *Махабхарате* слово «Парнас» очень часто встречается. Но горы ли получили свое название от тростниковых *парнаса* или наоборот – сказать не берусь. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1744] Bāṇa (*санскр.*) – тростник.

[1745] «Кришна-Канья» – бог музыки и изобретатель хроматической гаммы. В Греции гамма эта приписывается Тимотею, современнику Александра Македонского[*], но он мог ее легко завезти и из Индии. С гимнами Аполлону в

Кришна является в одной Маттре, не считая других посвященных ему городов (как Дварика[1747] и Нафтдвара[1748]), в семи различных личностях, или *аспектах*, из коих над каждым ориенталисту следовало бы серьезно призадуматься. Совпадения и сходство этих дополнительных «личностей», как бы других богов, с богами западных мифологий – поразительное!

Взглянем поближе, например, на Кришну-Канью. Здесь бог индийской музыки представлен ищущим себе места для религиозных обрядов и медитаций на азиатском «Парнасе»[1749]. Теперь сравните с ним Аполлона в гимне к этому богу (Гимн, 22–24), где поэт описывает его на окраинах греческого Парнаса, отыскивающим себе также место для алтаря. Холмы, горы, ручьи и реки – вся природа воспевает хвалы обоим богам почти в одинаковых выражениях[1750]; у ручья, возле грота, Кришна-Канья встречается со змеем Нага-Путхой[1751] и побеждает его[1752]. Аполлон находит змея Пифона[1753] и убивает его таким же образом. Между змиями – *Putha* и *Python* сходство не в одном созвучии.

В музах Аполлона мы узнаем многих из *гопи*, пастушек, любимых Кришной. Главные из них – аспекты богинь наук и искусств: Сарасвати – богини мудрости, Лакшми – богини поэзии и т.д.

Изображение «Кришны на Парнасе» перенесено сперва из пещеры «Вихары Гирдханской»[1754] в Нафтдвару, а затем и в Маттру. Как и в культе Аполлона, «мистерии» Кришны происходили прежде в пещерах. Аполлона Пифийского можно признать и в другом изображении, в большой статуе Каньи-Кришны, убивающего *черного* змия Кали-Нагу, который по местным и пуранским преданиям отравлял воды Джумны, пока не был, наконец, убит этим героем. Кришна-Канья представлен вытаскивающим многоголовую черную гидру из реки, а затем раздавливающим ей голову пятой.

Диодор[1755] пишет, что *Кан* было одним из титулов Аполлона Египетского в его качестве бога-солнца. От *Кан*'а до *Каньи* недалеко. Кришна-Канья, вследствие своего лазоревого цвета, зовется *Нила-нафом* (голубой бог). Затем *Нила-наф* сопутствует душам умершим в *Сурья-Сваргу* (солнечный рай) и в таком *аспекте* у него вместо человеческой *орлиная голова*, а *в руке лотос*. Во всякое время орел служит ему *ваханом*. В Турине находятся иероглифы, описывающие или скорее представляющие египетского Кана так: голова орла на голубом теле, в руке лотос и лотосы пред ним на алтаре. Как *Нила-наф*, Кришна рисуется голубым, потому что он есть символ пространства, *Уранос*. То же можно сказать и о Кане. Оба, *Канья* и *Кан* – так называемые «боги

Греции следовало бы сравнить гимны Джидевы[**], сочиненные им 3000 лет тому назад в честь Кришны[***]. Их целая коллекция в Маттре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Тимофей – известный музыкант на авлосе в Фивах во времена правления Филиппа II и Александра Великого. Позже он сопровождал Александра в его походах.

[**] Джаядéва (1170–1245) – средневековый индийский поэт и яркий представитель вайшнавской традиции.

[***] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 466.

[1746] Ситáра, ситáр (*урду* ṣītār) – индийский струнный щипковый инструмент.

[1747] Дварака (*санскр.* Dvārakā).

[1748] Натхдвара (*англ.* Nathdwara).

[1749] Греческая *китара*, взятая, вероятно, от шестиструнной *чатары* индусов, произвела в свою очередь англо-саксонскую и немецкую *cither*, а затем и испанскую *гитару*. «Чатара» – двойное слов: от *ча* – «шесть»[*] и *тар*[**] – «струна или проволока»[***]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Шаш (*санскр.*) – шесть.

[**] Tāra (*санскр.*).

[***] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 4654–66.

[1750] См.: «Всюду обычай есть, Феб, прославлять тебя радостной песней,
Всюду, на всех островах, на лугах, что скотину питают,
Все почитают тебя: и холмы, и высокие горы,
Реки, текущие с гор, что впадают в бездонное море.
[Гавани и берега, что спускаются к шумному морю]» (Гомеровские гимны. К Аполлону Делосскому, 20–24).
Цит. по: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 303.

[1751] См.: «Naga Putha или Bud'ha расы Змей» (*Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 304).

[1752] На статуях, барельефах и в гимне Джидевы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1753] Пифон или Питон (*др.-греч.* Πύθων от πύθω «Питон») – в древнегреческой мифологии змей, охранявший вход в Дельфийское прорицалище до занятия его Аполлоном.

[1754] Говардхана.

[1755] Диодор Сицилийский (ок. 90–30 до н.э.) – древнегреческий историк и мифограф.

таинств»; в честь их совершались в древности «мистерии» в Египте, Греции, Индии, где они и теперь еще совершаются. Увидав Кришну-Нила-нафа с его птичьею головой в храме Маттры, я приняла было его за Озириса с головой *ибиса*, за супруга и брата Изиды, которого он очень напоминает. Наконец, одно из имен Аполлона Делосского – *Улиос*; и этот тоже голубой, тоже с головой орла[1756]. Кто же у кого перенял? Египтяне ли у индусов, или брамины у греков и египтян?

И все эти боги суть так называемые «солярные», солнечные; все они – герои, воины, пастухи – со стадами коров и быков, как Гермес, Меркурий и другие. И в каждой стране, где им был и теперь еще есть почет, мы находим их в окружении быков и коров, которые в мифологиях всегда находятся в таинственной связи с солнцем (*Хари*). У современных парсов, выродившихся поклонников Зороастра, корова и ее продукты до сих пор считаются священными; бык – также. Парс в Бомбее с восходом солнца протягивает руки к Ормазду «огнеокому» и выпивает, не поморщась, чайную ложку *ниранга*[1757]. Это его амброзия, коровий нектар. Корову и быка боготворили в Халдее, как и в Скандинавии, в Египте, как и теперь в Индии. Мы видим рога коровы на голове у Изиды и быка, убитого Ариманом. Гермес и Аполлон пасут «стада светила дня», а Кришна – стада Вишну (того же солнца). Дочь Брамы превращается в корову, дабы избежать греховной страсти к ней отца, и, невзирая на метаморфозу, Брама все-таки оплодотворяет ее. Бык Апис считался священнее фараона, и жизнь его была драгоценнее народу, нежели целое царство. До сей поры англо-индийцы со всем их деспотизмом не решились еще не только убить, но и ударить забредшего в их сад «священного» быка. Корова была у всех древних народов символом земли, природы, которую творец ее, дух *непознаваемый*, оплодотворяет и животворит; «корова – тот же брамин», говорил нам шастри в Маттре в ответ на наши расспросы. Корова – *вахан пуруши* (духа).

«*Рамаяна* – сказка! *Махабхарата* – собрание нелепейших суеверий, дикий вымысел», – слышали мы не раз. Посмотрим. Рама, первое воплощение Вишну, идет на Ланку и его сопровождает *Хари*, тот же Кришна, только в первом своем образе. Рамзес-Сезострис[1758], олицетворение того же солнца (Озириса, Вишну, Аполлона и *tutti quanti*), совершает экспедицию в Индию. В армии Рамы его союзники – обезьяны, медведи, орлы, все животное царство. В армии Рамзеса – кинокефалы[1759], сатиры и другие мифические существа. А теперь вспомним следующее: до сего дня многочисленные племена раджпутов носят названия различных зверей и животных. Так, например, у *индуванзов* есть племена ашвасов (лошадей)[1760], такшаков (змей)[1761], шассу (зайцев)[1762] и так далее, а у *сурьяванзов*, во главе которых стоял Рама, существует и теперь племя *муши* (мышей)[1763], и известно из генеалогий, что было и племя обезьян (*бандаров*) и *гаруд* (*орлов*)[1764]. А вспомнив и узнав все эти подробности, столь интересные для археолога и этнолога, как не пожалеть, что ориенталисты вместо того, чтобы поработать да проникнуть под эту завесу исторических событий, даже не берут труда отдернуть ее хоть немного, дабы увериться, не кроется ли в *Рамаяне* и *Махабхарате* чего поважнее одних сказок об армиях зверей да

[1756] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 465, 471.

[1757] *Ниранг* – самое действенное, по убеждению зороастрийцев, средство ритуального очищения, приготовлявшееся из мочи белых бычков, которых в течение семи дней поили чистой водой и кормили свежей травой, произнося над ними специальные молитвы. Затем семь жрецов в течение шести ночей читали над мочой священные тексты. Освященный ниранг сорок дней хранили под землей.

[1758] Сесострис или Сезострис – наиболее популярное собирательное имя в египетской политической истории, встречающееся у классических писателей. Манефон и позднейшие фиванские жрецы отождествляли его с Рамсесом II, фараоном Древнего Египта, правившим приблизительно в 1279–1213 гг. до н.э.

[1759] Кинокефалы (Cynocephalus)* – та же порода обезьян, как и Хануман. Они кузены, если не братья. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Кинокефалы, киноцефалы (*греч.* κῠνοκέφᾰλοι), псоглавцы, песьи главы, песьеглавцы, песиголовцы – зооморфные персонажи из культуры разных народов, имеющие человеческое тело и голову собаки, волка, шакала или гиены.

[1760] Aśva (*санскр.*).

[1761] Такшака – чудовищный змей в «Махабхарате».

[1762] Śaśa (*санскр.*).

[1763] Muṣā (*санскр.*).

[1764] Гару́да (*санскр.* Garuḍa) – мифический царь птиц в индуистской и в буддийской традиции, получеловек и полуптица.

волшебников. Нужно сперва распутать эту канитель богов, богинь да непонятных для нас названий, а затем уже судить и рядить. Если изучить «мифологию» браминов *беспристрастно*, то, наверное, найдется руководящая нить, которая прямо нас приведет к открытию начала тех многих рас, что̀ теперь исчезают для археологов и историков в непроницаемом тумане перепутанных фактов и искаженных греками имен.

Здесь, конечно, не место доказывать наши взгляды. До нас еще много было сделано таких заявлений, но все оказывалось напрасным, разбиваясь о скалу предубеждений, и никто из ориенталистов не давал этим воззрениям хода. А ведь еще Платон говорил, что религия Греции целиком взята из Египта и что ее боги, как и египетские, все пришли с Востока. Да не только боги; мы находим в Индии имена племен, названия гор, озер и местностей, а в добавок сохранившиеся о них легенды, которые ясно указывают нам следующее: либо греки и римляне, а раньше их и сами египтяне, перенесли свой пантеон богов из Индии, да и сами эти народы с предшествовавшими им *автохтонами*, пелазгами[1765] и этрусками – выходцы из Азии, или же брамины «с берегов Оксуса» впервые увидали свет на берегах Нила, Эгейского моря или Тибра. Невозможно, чтобы такие постоянные совпадения, такое сходство в именах, легендах и все переживающих обычаях было делом одной случайности. Нет того бога, той реки или горы в Древней Греции и Риме, которому не нашлось бы *pendant*[1766] в Индии древней и современной. Мы узнаем почти каждое имя, как и всегда, более или менее перековерканное греками; например «Сандракоттус» Мегасфена вдруг оказывается царем Чандрагуптой, дедом Азоки. Возьмем для примера пелазгов. Ими одно время столько интересовались, что, наконец, видя как их начало, словно клад в руки, никому не дается, бросили их как нечто неразрешимое. Но пробовали ли когда разузнать, нет ли у них, подобно автохтонам Греции, какого-либо отношения к народам древней Индии? Сколько мне помнится, некогда над Пококом, автором книги *Индия в Греции*, много смеялись. Но это было тридцать пять лет тому назад, когда о *Пуранах* еще очень мало знали. Если бы вопрос о пелазгах и доисторических греках мог снова быть поднят, то уверения Покока в том, что «первобытная история Греции и Рима есть древняя история Индии»[1767] оправдались бы. Но до тех пор пока все заявления браманической литературы будут считаться сказками, первоначальная история заселивших Европу первых пришельцев из Средней Азии останется покрытою непроницаемым мраком. Всего страннее видеть, как мало внимания обращается на легенды браминов, которые все еще ожидают своего Шамполиона. А уж наверное *Махабхарата* сто́ит усилий, сделанных для знаменитого «Розеттского камня», и, наверное, настанет день, когда все, называемое *баснями и мифами* на греческом языке, *окажется фактами и историей* на санскритском.

Взглянем прямо в лицо фактам; они колют нам глаза и их сто́ит отдать на суд, если не публике, то хоть некоторым специалистам по части филологии и археологии. До «великой войны», например, вся страна, что̀ теперь зовется Бенгалией, принадлежала *индуванзам*, то есть детям луны, буддистам, *до* Гаутамы Будды и задолго до эпохи реформатора; словом, Джайнам-Гая (ныне *Будда-Гая*)[1768] была столицей Пелази[1769], древнее название провинции Бехар. Еще ранее она называлась *Паливартой* и *Паликтаном*[1770], то есть страной, где жители говорили на языке *пали*, ныне молитвенном языке буддистов. *Пали*, как известно браминам, предшествовал *санскруте*, что̀ доказывает именами обоих языков. *Пали* стоит в том же отношении к санскритскому, как язык

[1765] Пеласги, пелазги – слово, которым древнегреческие авторы обозначали народ (или всю совокупность народов), населявших Грецию до возникновения Микенской цивилизации (в так называемый элладский период греческой истории), а также существовавшие некоторое время после прихода греков.

[1766] соответствия (*фр.*).

[1767] *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 30.

[1768] Бодх-Гая или Бодхгая – небольшой город в штате Бихар (Bihar), в Индии, расположенный в месте, где Будда достиг Просветления.

[1769] От слова *pelasa* (*Butea frondosa*)* – растение, покрывающее все горы и долины этой провинции**. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Паласа (Бу́тея односемянная).

** См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 28.

[1770] Паталипутра – город в древней Индии, располагавшийся на месте современной Патны. Мегасфен называл его Палиботрой.

славянский к современному русскому. *Пали* значит: первобытный, грубый, а *санскрута* – нечто уже полированное, доконченное, совершенное[1771].

Что̀ знает история о пелазгах? Об их языке, верованиях и начале историкам ничего не известно или же так мало известно, что о них перестали и говорить. Все собранные сведения ограничиваются несколькими стихами Азия[1772], поэта, жившего за 700 лет до Р.Х., да несколькими словами из Эсхила. Первый рассказывает, что царь Пелазг, родоначальник пелазгов, *вырос из черной земли* и называет его, вероятно, вследствие этого, «богоподобным».

> Ἀντίθεον δὲ Πελασγὸν ἐν ὑψικόμοισιν ὄρεσσι
> γαῖα μέλαιν’ ἀνέδωκεν, ἵνα θνητῶν γένος εἴη[1773].
>
> Asius (ap. Paus.[1774], VIII, 1, 4)[1775].

А Эсхил делает Пелазга сыном Палехтона (Παλαίχθων)[1776]. Не естественнее ли, в виду вышесказанного, предположить, как уже и предполагали многие (сер У.Джонс в том числе), что этот мифический Пелазг родился в *Гайе* – столице Пелази, или Бехаре, а не вырос из *гайи* («земля» на греческом языке)[1777]?[1778] Не прав ли скорее Покок, – которого подняли на смех за предположение, что царь Пелазг был действительно сыном *Палехтона*, «старой родины» греков, то есть *Паликтана*, страны, где говорили на языке *пали* в древней Бенгалии, – нежели ориенталисты-авторитеты, из коих один, филолог, уверяет, что пелазги есть название, имеющее своим корнем *пелагос* (море)[1779], потому что пелазги-де приплыли в Грецию морем; другой, этимолог, производит их имя от πελαργοί (аисты); а третьи – Вахсмут[1780] и Мюллер – от слов πέλω[1781] и ἀγρός[1782]?[1783] Ведь в таком случае и в англичанах можно видеть *пелагосов*, потому что и они должны всегда приезжать и уезжать морем и что и их земля окружена «пелагосом», а также и «аистов», перелетную птицу, в виду их привычек; да и не было того земледельческого народа, пахавшего свои поля, который не имел бы права на название *пелагров*!

На это нам могут ответить, что и первая гипотеза *est un peu trop tiré par les cheveux*[1784]? Не спорю. Но ведь родился же царь Пелазг *где*-нибудь и от *кого*-нибудь? Во всяком случае, предположение, что *Пелазг*, сын *Палехтона*, родился в *Пелази*, провинции *Паликтана*, гораздо благоразумнее того, что он выполз, как червь после дождя, из «черной земли». И не странно ли, что при всем своем неведении о *началах* народов Греции и Италии ученые академики Европы всегда осмеивали попытки некоторых ориенталистов[1785] показать, что колыбели всех этих таинственных, доисторических народов, первобытных и очевидно цивилизованных жителей Европы, какими были этруски и пелазги, следует искать в Индии между ее многими племенами. А

[1771] Слово «санскрит» означает «обработанный, совершенный».

[1772] Асий Самосский (ок. 700 до н.э.) – древнегреческий поэт.

[1773] «Богоподобный Пеласг на горах высоколесистых
Черной землею рожден, да живет здесь племя людское» (*др.-греч.*).

[1774] у Павсания (*лат.*); ap. (apud) – у (такого-то автора).
Павсаний (*лат.* Pausanias, II в.) – древнегреческий писатель и географ, автор своего рода античного путеводителя «Описание Эллады».

[1775] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 34.

[1776] См.: «Пеласг перед тобою, земнородного
Сын Палехтона, первый человек в стране» (*Эсхил.* Просительницы, 250–251).

[1777] Гéя – земля (*др.-греч.* γαῖα).

[1778] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 34.

[1779] Πέλαγος.

[1780] Курт Ваксмут (Wachsmuth, 1837–1905) – немецкий археолог, профессор классической филологии и древней истории.

[1781] возделывать (*др.-греч.*).

[1782] поле (*др.-греч.*).

[1783] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 20.

[1784] является слишком надуманной (*фр.*).

[1785] Часто из самых знаменитых, таких как Кольбрук, сер Уильям Джонс, Уильсон, Тод, и других менее известных. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

между тем, изучив только одни генеалогии раджпутских племенных начальников, их раджей и такуров, да древние географические названия страны по *Пуранам*, весьма легко убедиться, что не найдется почти ни одного народа в Греции, ни географического имени, которые не совпадали бы самым необъяснимым (отвергая нашу гипотезу) образом с именами племен и местностей в Индии. Так почему бы и не проверить нашей теории, которая в то же самое время и гипотеза некоторых ориенталистов из самых известных в мире науки? Тем более что в одной Древней Греции множество греческих названий, не представляющих на этом языке *никакого смысла*, чего никогда не бывает с коренными именами ни людей, ни местностей. Покок находит в одних географических урочищах Греции целый каталог не относящихся ни к чему и, по-видимому, *бессмысленных* прозвищ, если искать их корни в греческих наречиях, а как только их сопоставить с именами, находимыми в *Пуранах* на санскритском языке и с *генеалогиями* Раджистана, тотчас и является смысл. К таким необъяснимым этимологией именам мы можем причислить Стимфу[1786], Додону[1787], Хаонию[1788], Кроссу[1789], Итаку, Локры[1790], Коринф, Оссу[1791], Аркадию, Ахайю[1792], Беотию, Элиду, Лариссу[1793], Фарсалу и т.д.[1794] В племенах сурьяванзов и индуванзов, куров и пандов[1795], ушедших, по сказанию Махабхараты, после «великой войны» в «Кукарму-дес»[1796], *землю порока* (то есть на Запад), мы можем проследить почти все имена греческих древних племен, сражавшихся на полях Трои. Вальмика и Вьяза – Гезиод и Гомер древней Индии. Ее *бхарты* (барды) родились до скандинавских бардов, провансальских трубадуров, до миннезингеров древней Германии; и эти *бхарты*, которым, как и их европейским потомкам, народ приписывал дар предвидения, оставили нам в своих песнях[1797] как древние, так и более современные названия ушедших из Индии соплеменников, сделавшихся их врагами, а затем населивших Европу, Малую Азию, даже часть Африки. Тридцать шесть раджпутских племен, *раджкул*[1798], содержат в себе ключ к началу племен Греции.

Посмотрим в двух-трех приводимых нами примерах, возможно ли не призадуматься над «совпадениями». Начнем с племени «гокла» из земли Гоклудес[1799], живущего с незапамятных времен на Джумне. О них говорят в Пуранах как о храбрейших воинах, искусных в стрельбе из лука и племени, которое в промежутках между войнами было пастушеским народом. Область Гоклы была театром любовных побед Кришны в его юности над *гопи* (пастушескими нимфами) и обителью Нанды, его воспитателя[1800]. До сего дня гокладеши знамениты постройками своих домов в виде круглых башен, как у пелазгов, и чрезвычайно крепких.

[1786] Стимфа́л (*др.-греч.* Στύμφαλος) – город и область в Древней Греции на полуострове Пелопоннес.

[1787] Додона (*др.-греч.* Δωδώνη) – древнегреческий город в Эпире.

[1788] Хаония (*др.-греч.* Χαονία) – северо-западная часть древнего Эпира.

[1789] Кри́са (*др.-греч.* Κρῖσα) – древний город в Фокиде.

[1790] Локри (*итал.* Locri) – город в Италии, располагается в регионе Калабрия. Локры Эпизефирские основаны греческими колонистами в 680 г. до н.э.

[1791] О́са, Осса (*греч.* Ὄσσα) – горный пик в греческом регионе Фессалии.

[1792] Ахе́я, Ахайя (*др.-греч.* Ἀχαΐα) – историческая и географическая область в Западной Греции.

[1793] Ла́риса (*греч.* Λάρισα) – один из самых старых городов в Греции.

[1794] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 22–23.

[1795] Княжеские роды Куру, или Кауравы, и Панду, или Пандавы.

[1796] В санскрите приставка «ку» придает слову отрицательный смысл. В данном случае «кукарма» – плохая карма. «Дес» – земля.

[1797] Еще существует 69 книг *бхарта* Чанды[*], прозванного *Трикулаем*, «Трехплеменным», и мы их видели. В них 100000 стансов, посвященных описаниям подвигов трех раджпутских племен[**]. Он процветал в XII веке. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Чанд Бардаи (1149 – ок. 1200) – индуистский брахман и поэт, происходивший из Лахора и живший при дворе последнего индуистского правителя Дели перед мусульманским завоеванием Притхвираджа III. Наиболее известным его произведением является «Сказание о Притхвирадже», эпическая поэма, написанная на раннем варианте языка хинди и состоящая из более чем 10000 строф, описывающая в поэтической форме подвиги и похождения Притхвираджа и его приближенных.

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 213.

[1798] Радж (*санскр.*) – король; кула (*санскр.*) – племя.

[1799] *Го* (корова); *кула* (племя); *дес* (земля); выговаривается *го-кла*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1800] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 39–40.

Несколько ориенталистов уверены, что греческие циклопы (*κύκλωπες*), *куклопесы*, – индийские *гокулудесы*. Древние, как и современные, этимологи гадали, да не отгадали о них многого, хотя некоторые и подходили к истине. Чего только из этих циклопов не творили! Сперва они явились «строителями», вековыми архитекторами; затем «стрелками»; а потом и «рудокопами». От Гомера до немецких филологов Крузе[1801] и Бауера[1802] и от Страбона[1803] до майора Джакоба[1804] о циклопах являлись теории одна удивительнее другой. Лампа, которую они как рудокопы прикрепляли-де себе на лоб[1805], послужила якобы «основанием басни об одноглазом Полифеме[1806]». Один писатель думает одно, другой – другое. Крузе уверяет, что циклопы получили свое название от круглой формы (κύκλος) жилищ пелазгов, ульеобразной и с круглым, похожим на глаз (ὤψ), отверстием[1807]. Это благоразумнее гипотезы другого ориенталиста, который производит название «одноглазого» от *греческого представления* олимпийского бога, будто бы закрывающего один глаз, прицеливаясь в кого- или во что-нибудь «громовою стрелой»[1808]. Но и гипотеза Крузе не годится. А вот если кто желает получить еще одно лишнее подтверждение гипотезы Покока в том, что мифические циклопы – поныне здравствующие *гокладеши* на Джумне[1809], то ему сто́ит лишь пожить в Маттре или Дварике да побывать на их годовом пастушеском празднике в честь Кришны и его пастушек. Если это кому удастся и он будет присутствовать, подобно нам, на этом торжественном празднестве или же в день рождения Кришны, то он увидит представление в котором кроме актеров осталось все – костюмы, обстановка, малейшие детали до варварской туземной музыки – таким, каким видали эту религиозную мистерию *гери-кулы, агни-кулы, гокл-кулы* Раджистана в начале «Черного века» (*Кали-иуга*) 5000 лет тому назад, по уверению местных хронологов.

Постараюсь описать это аллегорическое и своеобразное представление в будущем письме.

[1801] Фридрих Карл Герман Кру́зе (1790–1866) – немецкий историк.

[1802] Е.П.Блаватская неверно расшифровала ссылку в книге Э.Покока (с. 38), которая написана с ошибкой: «Hirt. Geschich. der Bauer.». Это ссылка на книгу: *Hirt A.* Die Geschichte der Baukunst bei den Alten. B. I. Berlin, 1821 (*Хирт* А. История архитектуры у древних. Т. I. Берлин, 1821). Алоис Хирт (Гирт, 1759–1837) – немецкий историк искусства и археолог, исследователь древнегреческой и древнеримской архитектуры.

[1803] См.: *Страбон.* География, кн. I, VIII, XIII. Здесь в русском переводе: *киклопы*.

Страбон (ок. 64/63 до н.э. – ок. 23/24) – древнегреческий историк и географ, автор «Истории» (не сохранилась) и сохранившейся почти полностью «Географии» в 17 кн.

[1804] Джордж Адольф Джейкоб (Jacob, 1840–1918) – британский колониальный офицер и индолог.

[1805] См.: *Hirt A.* Die Geschichte der Baukunst bei den Alten. B. I. Berlin, 1821. P. 197–198.

Цит. по: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 38.

[1806] См.: *Гомер.* Одиссея, I, 69.

Цит. по: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 38.

Полифем – в древнегреческой мифологии жестокий великан-циклоп.

[1807] См.: *Kruse F.C.H.* Hellas. T. I. Leipzig, 1825. P. 440 (*Крузе Ф.К.Г.* Эллада. Ч. I. Лейпциг, 1825. С. 440).

Цит. по: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 37.

[1808] Ast *Grund. der Phil. – Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Ast F.* Grundriss der Philologie. Landshut, 1808. P. 43 (*Аст Ф.* Очерк филологии. Ландсхут, 1808. С. 43).

Цит. по: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 37.

Георг Антон Фридрих Аст (1778–1841) – немецкий филолог, философ и историк философии.

[1809] См.: *Pococke E.* India in Greece; Or, Truth in Mythology. London, 1852. P. 40.

VII

Вместо нескольких часов мы пробыли в Маттре и ее окрестностях два с половиной дня. Такур прислал сказать, чтобы мы оставались на «празднества весны», «Гок'ла Аштами»[1810]. День рождения Кришны в августе, но имеет свой пролог весной вместе с торжеством *Гури*[1811], раджпутской Цереры[1812].

Совпадения между Кришной и греческим Аполлоном, между эпитетами последнего у греков, римлян и других народов Европы и такими же прилагательными в Индии, придаваемыми любимому *аватаре*, до того очевидны, что они не могут не заинтересовать любителей древних мифологий. Повторяю, невозможно, чтобы то было простою случайностью. Особенно замечательно тождество названий, относящихся к солнцу, олицетворением коего являются оба «бога». *Гари*-Кришна – *палящее* (разрушительное) солнце. «*Ари*-Кришна» – солнце просто. Кришна, «владыка лучей» (Феб), и его небесная обитель называется *арипуром* и *гарипуром*[1813] (*Гелиополис?*)[1814], или городом солнца[1815].

«Раджпутские *dii majores* – те же по числу и атрибутам, как и боги греков и римлян, божества президирующие[1816], в переносном смысле, над планетною системой», – справедливо замечает Уорд[1817] (*History and Religion of the Hindus,* p. 9)[1818]. Поэтому и все религиозные обряды, танцы *нотчей* и мистерии, то есть представления сцен из их мифологии, всегда имеют в своем основании астрономическое значение. *Бхану Саптами*, «седьмой день солнца», также называемый «рождением солнца» или Вишну (от солнца, входящего в созвездие *Макара*[1819] (Pisces[1820]), в первый солнечный [месяц] *магха*[1821], от ноября до 15 декабря[1822])[1823], празднуется с огромным торжеством в Удейпуре. Колесницу солнца везут восемь лошадей из храма Вишну и назад с таким церемониалом, какой бывает лишь во время вступления нового раны на престол. Летнее солнцестояние у них называется «ночью богов», потому что Вишну (как и солнце) покоится в продолжение четырех дождевых месяцев на своем ложе, на змее Ананте.

[1810] *Го-кула* – племя коровы (*го*). Кришна был воспитан пастухом Нандой; *пролог* этого праздника на месте рождения Кришны празднуется весной. *Аштами*[*] – первая четверть луны. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Аштами – восьмой день индуистского лунного календаря.

[1811] Гаури (*англ.* Gauri) – одно из имен индуистской богини Парвати.

[1812] Церера – древнеримская богиня урожая и плодородия.

[1813] Pura (*санскр.*), полис (*греч.* πόλις) – город.

[1814] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 472.

[1815] Раджпуты верят в два рода «рая», в две местности, или два Елисейских поля: одна чисто духовная, другая материального свойства. В песнях барды учат воина, что тот, кто падет на поле битвы «от стали», «исполняя долг чести», пойдет в «духовный рай» и уж не возвратится на эту землю. Освобожденная искра (*иот*)[*] воссоединится с родным очагом, солнцем, Сурьей[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Jyotis (*санскр.*).

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 464.

[1816] председательствующие (*англ.* preside).

[1817] Уильям Уорд (1769–1823) – английский баптистский миссионер в Индии, писатель, переводчик.

[1818] См.: *Ward W.* A View of the History, Literature, and Religion of the Hindoos. Vol. III. London, 1822. P. 9–10 (*Уорд У.* Воззрение на историю, литературу и религию индусов. Т. III. Лондон, 1822. С. 9–10).

Цит. по: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 472.

[1819] Ма́кара – мифическое морское чудовище, известное в индийской традиции и у ряда народов, на которые эта традиция оказала влияние. Макара часто представляется гигантским водным животным (индийский вариант левиафана), сочетающим в себе черты дельфина, акулы и крокодила. Является ваханой Варуны, Ганги и символом бога Камы. В индуизме соответствует обозначению зодиакального созвездия Козерог (январь-февраль).

[1820] созвездие Рыбы (*лат.*); необходимо: созвездие Козерог.

[1821] Магха является в индуистском календаре одиннадцатым месяцем года с 21 января и по 19 февраля.

Дж. Тод пишет, что он «следует более древнему делению времени, когда год завершался зимним солнцестоянием в месяце пауша, следовательно, новый год начинался с месяца магха» (*Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 482).

[1822] Необходимо: январь-февраль.

[1823] См.: *Jones W.* The Lunar Year of the Hindus // Asiatic researches, Vol. III, 1799. P. 273 (*Джонс У.* Лунный год индусов // Asiatic researches, 1799, т. III. С. 273).

Цит. по: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 483.

Описание *всех* праздников, даже только главных, у индусов потребовало бы напечатания целой библиотеки. *Сат ба́ра, аур но-тахвара*, «семь дней (недели) – девять праздников»[1824], раджпутская пословица, на которую не требуется комментариев. Я опишу только виденную нами мистерию в окрестностях Маттры.

Гопи, пастушки, начинают, конечно, пасторальным праздником *Гури*, местной Цереры. Гури, одна из форм *Парвати*, или *Дурга-мата*, «мощная мать» – богиня жатвы и изобилия у индусов. *Дурга-мата* – та же *mater montana*[1825], эпитет, принадлежащий, по Диодору, Цибеле[1826], или Весте[1827], в ее роли «богини хранительницы детей», а *mater montana* называется в Раджистане *Амба-матой* (матерью горы), и здесь она является патронессой и хранительницей мальчиков, будущих воинов. Алтарь *Гури-Парвати-маты*, «мощной матери горы», венчает почти все возвышенные местности в Меваре, сердце Раджистана, и ей посвящены все «храмы-крепости» страны. Ее деятельность разнообразнее, а обязанности труднее и многостороннее, чем у ее *рефлексий* в Риме, Греции и даже Египте, так как все заставляет предполагать, что она первообраз Изиды. Как Эфесская Диана, «Гури-Дурга» увенчана полумесяцем и как Цибела она имеет на голове зубчатую башню[1828] и считается под названием *Деви-Дурги* (сила, мощь) патронессой всех укрепленных мест. Она тоже *Мата Джавани*[1829], «мать рождений», то есть исполняет обязанность Юноны, *Juno Lucina*[1830]; как *Падма*, «престол, которой водружен на лотосе», она Изида Нила; как *Гури Три-пура* (буквально – трех городов, *Tripolis*?) – «управляющая тремя городами», и как *Атма-деви*, богиня душ, она, конечно, Геката[1831], *Hecata Triformis*[1832] греков. Словом, *Гури* синтезирует в себе одной всех богинь Греции и Египта, от Дианы и Прозерпины[1833] до Изиды и Астаретты[1834].[1835] Но главным образом она – «земля», индийская Церера, которая и является в мистерии сидящею на снопах на колеснице, влекомой коровой[1836], с *камакумной*[1837] в руках, вазой, похожею на рог изобилия, из которого падают плоды и зерна.

После этой процессии является *Камдева*[1838] – бог любви, купидон Индии, у которого лук и стрелы заменяются здесь гирляндами цветов и заостренною бамбуковою тростью. Он попадает ею в одну из *гопи*, дочь Нанды, которая и сгорает любовью к Кришне. Раздается хор. То гимн Каме из *Бхавишья-пураны*: «Приветствие богу цветочного лука!.. Слава деву, заставляющему мудреца позабыть всю свою твердость! Слава *Мадане*[1839], слава Каме, богу богов; *ему*, который Браму, Вишну и Шиву и самого Индру наполняет волнениями любви!»[1840]

[1824] *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 482.

[1825] мать горы (*лат.*).

[1826] Кибела, Цибела – фригийская и греко-римская богиня Великая Мать, правившая всей природой. В античную эпоху Кибела изображалась носившей зубчатую, в виде башни корону.

[1827] Веста – богиня, покровительница семейного очага и жертвенного огня в Древнем Риме.

[1828] Вся провинция Мевар и окрестности Удейпура усеяны такими зубчатыми башнями древности, и все они под покровительством Амбы и *Гури-Дурги*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1829] Janani (*санскр.*).

[1830] Юнона Луцина («Светлая») (*ит.*).

[1831] Геката – древнегреческая богиня лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

[1832] Геката Трехликая (*греч.*).

[1833] Прозерпина – в древнеримской мифологии богиня подземного царства.

[1834] Астарта – греческий вариант имени богини любви и власти Иштар, заимствованной греками из шумеро-аккадского пантеона через культуру финикийцев. У западносемитских племен – Аштарот, Ашторет (иврит), у южносемитских – Аштерт.

[1835] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 494–495.

[1836] Земля – *притви*[*], символизуется у индусов *коровой*[**], см. *Asiat. Res.*, Vol. III, p. 278. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] При́тхиви (*санскр.* pṛthivī) или При́тхви (*санскр.* pṛthvī) – в ведийской мифологии богиня, олицетворяющая Землю.

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 492, 513.

[1837] Kamakumbha.

[1838] Ка́ма (*санскр.* любовь, чувственное влечение) или Ка́ма-де́ва – бог любви в индуизме, сын Лакшми и Вишну (в некоторых источниках – сын Брахмы).

[1839] Опьяняющий любовью – одно из имен Камы.

[1840] См.: *Jones W.* The Lunar Year of the Hindus // Asiatic researches, Vol. III, 1799. P. 278.

Цит. по: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 495.

Является Гоф-наф (Кришна, под видом «владыки[1841] пещеры» (*гофа*)[1842], которого не следует смешивать с *Гопи-нафом* – «владыкой пастухов»). Он покрыт звериною кожей, увенчан травой *кузи* и играет на бамбуковой свирели и пред ним начинают собираться *гопи*, привлекаемые звуками музыки. Но в этом действии (в первом) *гопи* не пастушки, да и сам *Гофи-наф* превращается из «бога пещеры» в «бога горы», в *Гордан-Нафа*, или *Наф-джи* (владыку всех владык)[1843]. Он увенчан блестящим венцом из лучей, как Феб, потому что здесь он является самим солнцем, как Вишну, Аполлон, Озирис. Скромная свирель тоже уступает место *чатаре*, *шестиструнной* лире[1844], на которой голубой бог начинает играть не мелодию, а как мне показалось, *гаммы*, и очень монотонные. Но так как меня стали уверять, что это музыка древняя, как сама «музыка сфер», то я и успокоилась.

Пред *богом*-«оборотнем» начинают рисоваться *гопи*, тоже к этому времени превратившиеся в *звуки*.

Говорю в «звуки», потому что другого подходящего слова нет. То девять *но-рагинь*, а *рага* есть музыкальная *ска́ла*, гамма, *рагини* же (множественное число женского рода) – супруги *рагов*. В этом не я виновата, а мудрецы, изобретшие санскритскую музыку, в которой, вдобавок ко всей ее ученой прелести, нисколько не отвергаемой, но положительно не вкушаемой мною, заключается целая мифология.

Вот доказательство:

Санскритские изобретатели музыки выдумали шесть *раг*[1845], то есть скал, коих названия: Шрирага (*рага* значит господин), Вазанта, Панчама, Байрава, Мегха и Нат-Нараян[1846].

У каждого из этих *рагов* по пяти жен, а у каждой из этих жен по восьми детей. *Каждый раг*, каждая *рагиня* и каждый *рагиненок* имеет имя, атрибуты, собственную биографию, генеалогическое древо, и если бы родился в России, то имел бы, вероятно, и свой формулярный список. Родившись в Индии, каждый из них зато получил титул бога, богини и божонка. Философия вышесказанного есть та, что певец и музыкант в Индии поет и играет, имея в своем распоряжении 276 разных *скал*, по семи нот в каждой; каждая нота выражает какой-либо звук в животном царстве, а звук этот должен изображать какое-либо чувство.

Звуки животных и выражаемые ими чувства выписываю для любопытных из оригинального сочинения Санскритского музыкального общества, потому что оно разъяснит лучше всего, *что̀ такое* представляли Кришна Наф-джи и его *рагини*.

Ноты скалы	Имена санскритские	Типы звуков животного царства	выражающие оттенки
Са До	Шаджа	Павлин	Героизма, изумления и ужаса
Ри Ре	Ришабха	Бык	
Га Ми	Гандара	Козел	Жалости, сердоболия
Ма Фа	Мадьяма	Журавль	Насмешки и любви
Па Соль	Панчама	Дрозд	Беззаботности
Дха Лэ	Дхайвата	Лягушка	Отвращения и тревоги
Ни Си	Нишадха[1847]	Слон	Милосердия и сознания

[1841] Nathā (*санскр.*).

[1842] Guhā (*санскр.*).

[1843] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 470, 474.

[1844] Музыка, пожалуй, и лишенная мелодии для европейского уха, но имеющая *полную семинотную* гамму, хотя монах Гвидо Аретинский* считается изобретателем (в XIII веке) *седьмой* ноты и действительно греки имели всего *шесть*, но эта семинотная гамма есть в *Пуранах***. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Гвидо Аретинский (ок. 990 – ок. 1050) – итальянский теоретик музыки.

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 465.

[1845] Ра́га (*санскр.* rāga, букв. «окраска», «краснота», «краска»; в переносном смысле «страсть» и т.п) в широком смысле – музыкально-эстетическая и этическая концепция, закон построения крупной музыкальной формы в рамках индийской классической музыки. В узком смысле рага – развернутая мелодическая композиция как инстанция мелодико-композиционной модели. Шесть главных раг – Бхайрав, Шри, Малкаунс, Хиндол, Дипак, Мегх.

[1846] Naṭanārāyaṇa (*санскр.*) – сочетание раг Дипак и Мегх.

			силы[1848]

Вот эти-то «звуки», выражающие оттенки чувств, и олицетворялись плясавшими пред Кришной *но-рагинями*[1849]. То были девять олицетворений «девяти страстей», *но-рази*[1850], зарожденные мелодией бога музыки[1851], его создания, воспрянувшие к бытию под волшебною силой *Ваха*[1852], и исполнение было, как и сама идея, прелестно. Взявшись за руки, *но-рагини* сперва пляшут пред своим творцом, а затем следует еще превращение. Пред зрителями является пылающий бог солнца, без *incognito*[1853] на этот раз, и *но-рагини* обращаются в знаки зодиака; начинается астрономическая мистерия, где богини-созвездия составляют вокруг бога солнца круг и выплясывают знаменитый *рас-мандал*[1854], танец звезд. *Но-рагини* и *но-рази* опять исчезли, остались одни олицетворенные знаки зодиака. А *рас-мандал* все продолжается. Медленные движения, полная грации мимика оживляются и делаются все быстрее и быстрее[1855]… Мистическая пляска на берегах Джумны напоминает танец альмей в Египте и переносит нас на песчаные берега Нила[1856]…

В третьем действии снова все изменяется. Кришна опять является пастушком с посохом и своею свирелью, и вокруг него играют и поют вновь воплотившиеся из богинь пастушки, *гопи. Но-рагини* еще раз превратились в *но-рази*, то есть «девять страстей», и стараются свести пастушка, *брамачарию*, с пути истины. Но им это не удается. Кришна торжествует в своей добродетели, а пастушки – *en sont pour leurs frais*[1857].

Кришна, не обращая внимания на заигрыванье пастушек, продолжает играть на своей свирели, заменившей ему теперь шестиструнную *чатару*. Но зато коровы его священного стада, устыдясь, должно полагать, за пастушек, разбегаются… Солнце зашло и на сцене совсем темно. Тут являются свирепые катчи[1858] (другое племя раджпутов) и угоняют коров к себе, а в погоню за ними бросаются гоклы (гокуладесы), или *куклопесы,* и стараются отбить скот у хищников. Когда они появляются, то перед зрителем восстают свирепые циклопы-пастухи Гомера, не знавшие ни закона, ни удержу, мохнатые гиганты… Они вылезают из пещер, спускаются с деревьев и на груди у каждого *сверкает, как огненный глаз, огромный жук-светляк, приколотый к звериной шкуре*…

Такие светящиеся жуки, единственное освещение в пещере пастуха или в круглой башне бедняка гоклы, и до сего дня в употреблении у племени Нанды, воспитателя Кришны. Часто ночью отправляясь отыскивать пропавшую корову или быка, гокла прикрепляет несколько таких жуков к тюрбану, чтобы светлее было. Не в этом ли племени *гокладесов* следует искать начала и объяснения *куклопесам* греков? Светляки превосходно объясняют «фонарь на лбу» у циклопов-*рудокопов*, а также и то, что Гомер[1859] знал их за племя пастухов, *гокула*, главным и единственным представителем коих был «одноглазый» Полифем.

[1847] Названия нот в индийской классической музыке: саджа, ришабх, гандхар, мадхьям, панчам, дхаиват и нишад.

[1848] См.: *Bulwunt Trimbuk.* Hindu Music // The Theosophist, Vol. I, November, 1879. P. 48 (*Булвант Тримбук.* Индуистская музыка // The Theosophist, 1879, т. I, ноябрь. С. 48).

Bulwunt Trimbuck Sahasrabudhe – секретарь музыкального общества Poona Gayan Samaj, созданного в 1874 г.

[1849] *Но* – «девять». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1850] Rasa (*санскр.*).

[1851] «Девять страстей» или девять муз Аполлона. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1852] Бога *звука*, на этот раз мистического, *оккультного*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Вач (*санскр.* vāc, букв. «речь», «слово») или Вак – в индийской мифологии богиня речи, персонификация речи.

[1853] чужого имени (*англ.*).

[1854] Rāsamaṇḍala (*санскр.*) – круговой танец Кришны и гопи.

[1855] Цимбалы, *табор* и *мурали* (род флейты) чуть не свели меня с ума, но зато я узнала в тот вечер многое. *Чоби* Маттры имеют огромную и, говорят, заслуженную репутацию в Индии как певцы и мимики; и басы браминов с контральто и тенорами «небесных певцов» пагоды являлись полными гармонии. Но это музыка вокальная, а инструментальная под конец невыносима для европейского слушателя. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1856] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 466–467.

[1857] остаются при своем (*фр.*).

[1858] Kutchi.

[1859] См.: *Гомер.* Одиссея, IX.

Мистерия кончилась поздно. Брамины-*чоби* (так названные от *чоби*, палицы[1860], которою они вооружаются на это представление), давно уже осадив тирана Канзу[1861] во дворце, разнесли в мелкие щепки его крепость[1862] и самого его загнали в кусты, когда мы оставили пагоду. После спектакля «*бог*-Кришна» присоединился к нам и оказался очень молодым, рослым раджпутом, который, к удивлению нашему, даже говорил по-английски. Я обязана ему главными из полученных нами в Маттре сведений. Он нам объяснил смысл многого, чего мы тогда не понимали из представления, в котором ему выпала главная роль.

Он вполне верил в Кришну-героя и отвергал Кришну-бога не менее нас самих. От него мы узнали, что служение седьмому по числу из семи главных видов *Кришны*, под которыми он обоготворяется в Раджистане, то есть *Мудхун-Мохуне*[1863], «божеству, опьяняющему любовью», находится исключительно в руках *брамини*, женщины. «Мудхун-Мохуна» есть пастушок, чарующий пастушок, *гопи*[1864]. В настоящее время великая жрица голубого бога очень стара и очень строга к храмовым *нотчам*, обязанность коих состоит в разыгрывании ролей *гопи* и в ухаживании за лазоревым божеством. Эта строгость отзывается на самом ее храме, который-де страдает *недостатком* в «небесных музыкантах»[1865]. Маленьких певцов *неба* им приходится занимать из других пагод вне Раджистана.

Статуй или идолов Кришны, как сказано, *семь* главных в стране, и они были описаны только Тодом, единственным, кажется, изо всех англичан, которому позволили, как и нам, пятьдесят лет позднее приблизиться к святыне.

Эти семь «чудотворных» статуй были принесены столетия тому назад таинственным лицом, Бальбой, который потом и сделался верховным жрецом Раджистана. Умирая, он их разделил между своими семью «внуками» от *духовного* сына (усыновленного), и теперь они составляют источник величайших доходов для их потомков, священнодействующих браминов семи главных пагод в стране[1866].

Представлявший Кришну, собственное имя которого я забыла, доставил нам вход к Ноните[1867], «младенцу Кришне». *Нонита* сидит на лотосе, похожем, впрочем, на кочан капусты, задумчиво держа в руке пирожок (*пару́*)[1868]: такие пирожки делаются из теста, замешанного на воде из реки Джумны, отнюдь не другой. Со времен афганцев, которые со свойственным им иконоборством бросили Нониту в Джумну, он покоился до 1803 года на дне реки. Когда его случайно выудили оттуда, он пирожка своего все еще не съел и все еще также внимательно всматривается в него, как бы не доверяя ему. В этой воздержности я ему вполне сочувствую. Принесенный мне в виде необычайной милости «священный» пирожок до сей поры мне памятен. Съев его, я тотчас почувствовала припадок морской болезни и оставалась под влиянием мрачной меланхолии целый день.

Есть еще один идол Кришны, Гокуль-джи, найденный где-то чудесным образом, который тоже в руках *брамини*, иначе брамина женского пола. Но мы не видали ни его, ни ее, хотя нам очень хотелось побывать на острове Джумны, где оба находятся. Там тоже монашествует целая толпа *йогинь*, или йогов женского пола, под начальством старой *брамини*[1869]. Мы предпочли посетить проездом еще два-три храма и увидать, а главное, *услыхать* знаменитых *бхартов*.

[1860] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 470.

[1861] Камса.

[1862] *Канза* – дядя Кришны и узурпатор его престола. Каждый год брамины-*чоби* осаждают его дворец и *якобы* убивают его в лесу, куда он спасается. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1863] Имена Кришны – Мадана, «Господь любви»; Мохана, «Всепривлекающий».

[1864] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 475.

[1865] Небесные музыканты или певцы, как известно, при пагодах всегда сыновья *нотчей*, танцовщиц. Это им не ставится нигде, кроме Раджистана, в укор. Но в этой стране рыцарства *нотчи* – настоящие весталки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1866] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 474–475.

[1867] Пишется *нава* (новое), *нита* (масло)[*]. В младенчестве Нонита был очень лаком до свежего масла и часто крал его у соседок, отсюда и название. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Nāvanīta (*санскр.*).

[1868] «Péra» (*Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 474).

[1869] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 475.

Осматривая храмы и их разнородные божества, я совершенно забыла о *салиграме*, путешествовавшем то на сердце, то на спине нашего председателя, полковника О***, и не оставлявшем его ни на минуту. Мои мысли были так заняты мифологическими сравнениями, что если бы кто заговорил о нем, я, вероятно, не обратила бы и внимания. Но талисман напомнил нам о себе и при таких обстоятельствах, что трудно было забыть.

Выходя под вечер последнего дня из полуразрушенного дворца, куда нас поместил Ананда по нашем приезде, чтобы посетить храм Гопалы-Кришны, мы решили отправиться туда пешком. Пагода была так близко от нашего дома, что следовавшая за нами по пятам дребезжащая карета казалась нам излишнею. Мы ее отослали, так как для того, чтобы перейти площадь, не стоило и садиться в экипаж. Я пошла вперед с Нараяном, бабу́ и Анандой-Суами, а за нами шел полковник в сопровождении целой свиты браминов, пандитов и шастри. Мульджи служил им переводчиком.

В пять минут, несмотря на постоянные остановки и препятствия в виде шмыгавших между ногами обезьян да целых процессий ослов и транспортов, мы были уже у преддверия пагоды, и я села на ступеньки широкой лестницы, поджидая главу нашей компании. Ананда-Суами стоял шагах в двух от меня и тихо разговаривал с Нараяном, с которым он, видимо, подружился, а бабу́ я отправила купить лакомств для «священных» четвероногих и особенно для четвероруких.

Храм Гопалы-Кришны построен в глубине глухого переулка, из коего нельзя было видеть ничего, кроме одного угла площади, которую мы только что прошли. Ожидая каждую минуту полковника и бабу́ с орехами, я спокойно сидела, довольно удачно сдерживая до той поры нахальное и неприятное заигрыванье обезьян, которые чуть не лезли к нам в карманы. Эти животные до того привыкли жить между людьми, что даже и наши столь отличные от туземцев платьем и наружностью фигуры не возбуждали в них ничего, кроме ожидания обычной подачки. Их собралась около меня целая колония, и было бы трудно не заинтересоваться глядя на их хитрые, светящиеся глазки, на взгляды их, упорно не покидающие моих рук и следящие за малейшим движением. Одна из них, престарелая на вид макашка, потерявшая уже несколько зубов, незаметно для меня стащила снятую перчатку, и прежде чем я даже догадалась о пропаже, принялась с наслаждением жевать ее в углу.

Но вот показался бабу́ с орехами и изюмом и стал бросать их пригоршнями в обезьян: тут у нас с ними началась потеха. Обезьяны стрекотали и дрались, мы глядели на них и смеялись, как вдруг совершенно для нас неожиданно со стороны площади поднялся такой ужасный необъяснимый вой, что мне показалось, будто там сорвался с цепи целый десяток тигров… Возгласы толпы, мычание быков, рев слонов – все это сливалось в один глухой, протяжный гул. Он приближался к нам, с каждою секундой становясь яснее и громче, и я было уже собиралась последовать примеру макашек, которые со страху мигом улетучились, когда Ананда-Суами разом отвлек мое внимание от неизвестной мне опасности и приковал его к себе… Глядя на него широко раскрытыми глазами, я, должно быть, представляла картину такого испуганного удивления, что бабу́, сам не понимая еще причины оного, бросился вперед загораживать меня своею тонкою фигуркой, а Нараян, схватив какое-то полено, стал возле меня в позе гладиатора. Так мы стояли все трое в течение нескольких секунд, не произнося ни слова, окаменелые от изумления.

Что̀ же случилось? Для всякого, не наблюдавшего за аскетом, как то делала я с утра до поздней ночи в течение трех суток, ничего такого, что̀ бы показалось уж из рук вон странным. Услыхав рев, Ананда-Суами, обыкновенно так медленно и плавно двигавшийся, словно на заведенных пружинах, вдруг преобразился. В мгновение ока одним, сделавшим бы честь любому акробату прыжком он очутился на конце переулка. Затем рядом быстрых гимнастических приемов он вскарабкался под балкон углового дома и повис на нем правою рукой, а левою, как мне показалось, указывал на что-то вдаль.

– Что̀ это он такое делает? – почти закричала я, придя в себя.

– Дёнду пробует, мэм-сааб, – оскалился тоже успокоенный бабу́.

Тогда только я разглядела, что Суами *действительно направлял к площади руку с волшебным в ней жезлом*.

Как бы в подтверждение догадки бабу́, хотя шум голосов все приближался, ужасный рев мгновенно умолк. Раздалось еще несколько слабых мычаний, а затем целая толпа браминов наводнила переулок и среди них полковник… но в каком виде, силы небесные!

Он потерял шляпу и, по-видимому, очки. Белоснежное пальто и панталоны превратились от покрывавшего их навоза и пыли в нечто невообразимое, в тряпки, покрытые пятнами и прилипшими к ним кусками столь излюбленного лондонскими *эстетами* цвета гнилой зелени с коричневыми тенями нюхательного табака. Лицо его было краснее спелой вишни, волосы растрепались, а в бороде торчали куски соломы и сена… Он казался очень сконфуженным.

– Я советовал полковнику не подходить к священным коровам, но он не послушался, – кричал, объясняя, Мульджи.

– Черт их побери, ваших священных коров! – огрызался наш президент. – Я хотел их покормить хлебом и пряниками, а они стали ко мне лезть… голов десять. Я от них, а они ко мне… Мотнет головой, подбросит хвостом вверх, да и норовит мордой в карман… Мотнет, да и лезет с ужаснейшим мычанием… Оглушили меня… Ну, я и упал… Поскользнулся и… упал!..

– Еще бы, когда у вас *салиграм* под рубашкой; ведь говорил же вам Ананда-джи[1870], предупреждал: берегитесь, не подходите к коровам!..

– Не *салиграм*, а хлеб; не бежали же они за мною прежде… Ну, а как предложил хлеба…

– Вы никогда прежде не походили к ним так близко, – настаивал Мульджи. – Это *салиграм* их привлек…

– Нет, хлеб! Как только взял кусок в руку и дал первой… так все и стали норовить мордами в карман…

– К *салиграму*, а не в карман, – поправил «генерал».

– Навалились на меня, приперли в угол, – продолжал объяснять, как бы извиняясь предо мною бедный полковник, – ну я и упал… Брамины машут руками, *просят* коров по-санскритски оставить меня, и хоть бы один из них хватил их палкой!.. Ну, а коровы еще хуже!..

На лице Мульджи при этих словах изобразился священный ужас.

– Ударить корову Гопалы-Кришны!..

– Не ушибли ли они вас? – осведомилась я, слишком еще пораженная неожиданностью и испуганная, чтобы вкушать всю комичность его положения.

– Нет… кажется, ничего, – отвечал он, ощупываясь. – Только вот перепачкался… Проклятые коровы! Жаль, что со мною не было трости!..

– Прошу вас, не говорите так, полковник, – испуганно озираясь на браминов, прошептал встревоженный за нас Нараян, – хорошо, что они не понимают вас… Они способны убить всех нас из-за священной коровы…

– А ведь вам пришлось бы еще хуже, сааб, – молвил бабу́, – если бы не Ананда-Суами… Это он вас выручил… *дёндой*…

– Да я его и не видал там… Он ведь ушел с вами вперед?

– Поражал «священное» стадо с выси! – продолжал смеяться бабу́. – Стоял, как Индра со стрелами… вон там у балкона…

– Просто смотрел! – перебила я. – Все кончилось *до* его *дёнды*…

– Вы знаете, *упазика, что это не так*, – с упреком заступился Нараян и отошел прочь к стоявшему в стороне «брату Рощи».

Ананда спрыгнул вниз из-под балкона в ту самую минуту, когда первые брамины показались у входа в переулок, и мы потом узнали, что, пропустив людей, он, видимо, воспрепятствовал нескольким коровам ворваться за ними в узкий проход. Стадо гналось за несчастным президентом рысью, пока он не исчез от них в переулке.

– Что̀ ж именно он делал и как он им «воспрепятствовал»? – расспрашивала я «Кришну», который присоединился к нам несколько минут позднее.

– Стоял у входа и *махал в них дёндой*.

– Как в них?.. То есть *на* них, на коров?.. Ну, конечно, тем и испугал их.

– Нет, именно *в них*. Простого маханья палкой *мои* коровы не испугались бы.

Он говорил «мои» коровы, как будто серьезно воображал себя богом Кришной.

[1870] *Джи* – учтивое прилагательное, вроде «почтенного», только ставится после имени. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Мы отправились домой так и не видав храма Гопалы; солнце зашло, и под покровом тотчас же окруживших нас, как темным флером, сумерек, скрывших очень кстати плачевный вид нашего президента, мы вернулись домой и стали приготовляться к отъезду. К несчастию полковника, вся наша поклажа была отправлена из Бертпура прямо вглубь Раджистана, и президент не мог даже переменить платье. Но наш хладнокровный глава и тут не растерялся. Он купил белую одежду туземца и предстал пред нами в костюме, представлявшем странную смесь раджпутских одеяний с европейскими.

Но он, видимо, сознал в душе, что получил урок. *Салиграм* исчез с его особы, и ничто не напоминало нам более о его «магическом» присутствии. Впрочем, обладание оным оказало нам и пользу. Брамины, приняв этот факт к сведению, хотя и чувствовали к нашему президенту большую зависть и диву давались, что священный их предмет не утрачивает своих свойств даже на особе нечистого *млетчи*, но все-таки почувствовали к нам еще сильнейшее уважение и как бы даже суеверный страх.

Мы выехали из Маттры ночью по реке в большой примитивной лодке, напоминающей венецианскую гондолу, в которой у нас стоял стол и скамейки кругом и даже было место для кухни. Последнее, впрочем, оказалось для нас бесполезным, так как мы оставили нашу гондолу в два часа ночи и нас увезли в лес к какому-то «вассалу», по выражению Ананды, ночевать. К моему восхищению я нашла в отведенной мне комнате железную кровать с постелью, которая словно была перенесена из первоклассного отеля, даже до *мустикьеры*[1871] от комаров из девственно чистого тюля. Видно, заправские колдуны Такур с Анандой: *un lit à sommier*[1872] в раджпутских лесах!

На другой день мы поехали к деревушке *бардов. Бхаты*, или *бхарты*, и *чаруны*, или *чараны*[1873], то есть барды и летописцы[1874], издревле занимаются переноской вещей. Такая «переноска» началась одолжением и постепенно перешла в ремесло. В этой стране, заселенной вечно враждующими племенами, разбойничьими шайками бхиллей и меров, в дни былые невозможно было пересылать ни денег, ни вещей большою дорогой. Барды были единственным классом, который уважали и проклятий коего страшились разбойники. Взявшись доставить сумму денег или ценную вещь, *бхарт* ручался своею жизнью за доставку; если разбойники, невзирая на его сан, отнимали у него доверенное, он в ту же минуту вонзал себе нож в сердце и, обрызгав кровью грабителей, умирал с проклятием на их головы. *Это проклятие всегда исполнялось*, говорят раджпуты. Прошли века, и теперь *бхарта*, везущего миллионы, не тронут разбойники, будь их сотня против одного. *Бхарты* служат посыльными по всему Раджистану, и их сан делает их священными в глазах самого свирепого разбойника. «Даже полудикий коли и сахрай[1875] страшатся проклятий *этого странного существа*, которое ведет караваны с полною безопасностью чрез самые безлюдные пустыни и непроходимые леса этой местности. Путник, желающий достигнуть беспрепятственно портов Джалора или Радхунпура[1876], ведущего в Сурат или Мускат-Мандави[1877], присоединяется к каравану, во главе которого едет *бхарт*: он вполне в безопасности…»

Так пишет резидент Мевара (*Personal Narrative*)[1878].

[1871] Мустикера (*фр.* moustiqaire) – сетка от комаров.

[1872] кровать с пружинным матрасом (*фр.*).

[1873] Чараны (*санскрит.* Cāraṇa) – каста в Южной Азии, изначально проживающая в штатах Раджастхан и Гуджарат в Индии, а также в провинциях Синд и Белуджистан в Пакистане. Они специализировались на самых разных занятиях: литераторы, воины и торговцы. Чараны закрепились в средневековых королевствах раджпутов в качестве министров, посредников, администраторов, советников и солдат. Чаранские поэты внесли большой вклад в литературу раджастхани, гуджарати и синдхи.

[1874] *Бхарт* – бард и генеалог, а *чарун* – летописец, но оба класса – поэты и песнопевцы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1875] «Sahrai – самое многочисленное из магометанских племен пустыни [Синда]…» (*Balfour E.* Cyclopaedia of India and of Eastern and Southern Asia. Vol. II. Madras, 1871. P. 56).

[1876] Радханпур (*англ.* Radhanpur).

[1877] Maska Mandvi.

[1878] *Tod J.* Personal Narrative // *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 602.

Чараны и *бхарты* – раджпуты; те и другие заменяют в населении Раджистана браминов, так как при ремесле летописца и генеалога они имеют право священнодействия. После коровы и быка *бхарт* самое священное у раджпутов существо, и все семейство *бхарта* также священно и неприкосновенно, как и он сам. Часто встречаясь с разбойниками, *бхарт* начинал с того, что выходил пред ними с ножом в руках и произносил известное предостережение. Если по первому слову воры не унимались, то он наносил себе легкую рану и окроплял грабителей своею кровью. Если и это не производило на них действия и его караван все-таки грабили, то он убивал себя, и оставшиеся после него жена, дети и родственники были обязаны убивать себя с такими же проклятиями. Презрение к жизни – первый урок, получаемый *бхартами* и *чаранами* в детстве.

На другое утро, восстав от спокойного сна в лесу, Ананда нас повез именно к одному такому *чарану*, в семействе коего мы и провели время до самого вечера. В белом, длинном и широком одеянии старик походил на Оссиана[1879], сошедшего с холста картины. Сидя с *чатарой* в руках на полу, он пел нам легенды о древней удали сынов его страны, о падении Читура[1880], о героях-чоханах (племя Такура) и *о блаженстве смерти за долг чести*, за данное слово, за родину… Его два сына, рослые, красивые раджпуты, пели в свою очередь, и их легенды были все основаны на подвигах Кришны, Баларамы, Арджуны и племен *гери-кул*. А их жены и старуха-мать прислуживали нам, кормили нас и не знали, что̀ и делать для «саабов», отправляющихся к «великому Такуру».

Костюм женщин у *бхартов* чрезвычайно живописен: темные шерстяные юбки и сверху белые как снег *сари*, а в черных как смоль волосах цветы, кораллы и золотые украшения. Здесь женщины скорее напоминают красивых неаполитанок прежнего времени, чем индусок. В этом благословенном уголку Индии нет ни каст, ни фанатизма бомбейских браминов. *Бхарты* и *чараны* составляют, так сказать, *imperium in imperio*[1881]. Они не зависят ни от кого, и правительство умно воздерживается от вмешательства в их дела: весь Раджистан поднялся бы как один человек в защиту своих священных *бхартов*. Они – последнее звено, соединяющее их горькое настоящее с величием их незабвенного и незабываемого прошлого.

Эти неизвестные в Европе, да и мало кому известные в Индии, певцы хранят, быть может (для нас это несомненно), первые страницы *истории всего человечества*, а не одной только Ариаварты. Героические песни Индии – это все, что̀ у них осталось от прошлого. Но эти песни дают право *бхартам* требовать, чтобы на них взирали как на первобытных историков всего человечества. Они жили задолго до тех времен, когда греческие басни впервые обратили на себя внимание поэтов и даже Геродота, отца истории, тысячелетия тому назад; *бхарты* воспевали *настоящие* события и *живых* людей, а не мифы. Каллиопу[1882] боготворили в Индии со времен Вьязы, современника Иова, во мнении первых ориенталистов, таких как сэр Уильям Джонс, Уильсон и другие. А эти санскритологи, если и грешили иногда неправильностью выводов, зато никогда не жертвовали истиной и фактами ради доходного места. Уцелели еще тысячами свитки одних исторических генеалогий и летописей в стихах; и их поэтические преувеличения не помешали б историку извлечь из них события и факты, изложение коих на одном из европейских языков перевернуло бы, весьма вероятно, заключения не только Маколеев и Гротов[1883], но даже и наших *русских историков*. «Чанд бходжунга»[1884] и служение музам, как мы видим из сотни перечитанных нами генеалогий давно вымерших племен сурьяванзов, не мешали бардам держаться истины не в пример другим поэтам, а пустая похвала вождям «доисторических» времен не препятствует никому обратить внимание в этих летописях на события очевидно исторические. Одно то, что раджпутские барды высказывали так часто современным им властителям самую горькую истину, служит порукой, что они не жертвовали ею ради земных благ. Обиженные или оскорбленные в душе поступками своих владык, они громили их, невзирая ни на какие

[1879] Оссиан (III в.) – легендарный кельтский бард.
[1880] Читторгарх.
[1881] государство в государстве (*лат.*).
[1882] Каллиопа – в древнегреческой мифологии муза эпической поэзии, науки и философии.
[1883] Джордж Грот (1794–1871) – английский историк античности и политический деятель.
[1884] *Змеиный* станс, стих. – *Примечание Е.П.Блаватской*.
Bhujaṃga (*санскр.*) – змея.

последствия. Под немилосердным бичом сатиры барда много тиранов трепетало на своем веку и много благ перепадало народу, который видел в барде своего главного защитника. До сих пор *вис* (яд слова)[1885] барда опаснее вражьего меча, ужаснее самих англичан в глазах раджпутского принца[1886].

Нам говорили «посвященные» барды (между ними есть и такие), что огромная коллекция их летописей, начальные свитки коих написаны с устных преданий, пополняет в себе все пробелы и даже исправляет все ошибки всемирной истории; что в них найдутся все доказательства тому, что племена одного Раджистана заселили в доисторические периоды берега северных морей Балтики, Черного, Каспийского и других; что все германские и *особенно славянские* народности в Европе суть потомки ушедших из Раджистана племен (в древности – *Раэттана*[1887]). И действительно, если финны и мадьяры Венгрии должны искать начало своего рода и племени в Средней Азии и Тибете, шведы – в Кашгаре, а немцы (только Макса Мюллера, впрочем) на Оксусе, так почему бы и нам не поискать родоначальников варяго-руссов в лесах и «великой пустыне» Джассульмера? Кто знает, быть может, славянские праотцы «братушек» – древнейших[1888] болгар и сербов, чехов и нас, русских – и в самом деле спят под семью этажами доисторических городов Саураштры, Амбера и Удейпура? Аларих[1889] и Чингиз-хан[1890] отнюдь не сами изобрели странный способ своего похоронного церемониала. Когда величественный курган над телами этих двух героев был возведен, говорит Гиббон[1891], огромное вокруг него пространство было засажено лесом, «дабы помешать навеки ноге человека ступать по священному праху»[1892].

Так хоронили в древние времена и героев Раджистана, и этот способ описан в песнях барда Чанда. Там, где теперь «долина смерти», пустыня Индии, ведущая к долине Инда, были прежде непроходимые леса. Тысячелетия превратили их в прах, а местность, где находятся еще такие курганы, – в пустыню. В степях России таких «курганов» много; и то, что̀ у нас зовется «бабой», называется в Индии тоже «бабой», только слово это означает «отец», и я видела несколько таких каменных баб в Меваре.

Целое кладбище круглых курганов с «бабами» наверху находится недалеко от дома барда. Это местность, где пали тысячами *госсейны*, «монахи-воины», которые здесь зовутся «канфура-йогами»[1893]. Нас водили в лес, где они успокоились навеки в прахе, где барды покрывают эти курганы ежедневно ветками посвященных им, как и *кельтийским жрецам*, рябины и ясеневого дерева и поливают их священною водой. У этих язычников уважение к покойникам вообще и к их убитым в сражениях воинам – черта, которую могли бы перенять у них и некоторые христиане. Я знаю могилы офицеров и даже одного генерала на Кавказе и в Севастополе, убитых или умерших от ран, заброшенные, забытые, даже без креста…

Еще в начале этого столетия канфурские *йоги* были знамениты, как и в прошлые столетия, в военных летописях Раджистана. Они жили (и теперь живут, хотя не в таком количестве со времени прихода англичан) в «братствах» тысячами. То простые, необразованные *хатти-йоги*, но храбрейшие воины; и туземные властители часто вступали с ними в союзы, особенно в оборонительные. Их свирепая удаль вошла в пословицу. То были самые неустрашимые и храбрые воины во всей стране, жрецы Бала (Баларамы), бога мощи. Теперь раджи перестали драться между собою, и канфурские йоги, не находя более исхода своей воинственной деятельности, предались всецело самозаушению: за неимением врагов они побивают самих себе. Несколько их восседали под деревьями на тигровых и львиных кожах, покрытые с ног до головы белою золой, с

[1885] Viṣá (*санскр.*).

[1886] См.: *Tod J.* Personal Narrative // *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. X–XI.

[1887] Raethana.

[1888] То есть придунайских славян, а не пришедшей с Алтая чуди. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1889] Аларих I (?–410) – вождь и первый король вестготов в 382–410 гг.

[1890] Чингисхан (1155(1162)–1227) – основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу, основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи.

[1891] Эдвард Гиббон (1737–1794) – английский историк.

[1892] *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 69.

[1893] Kanphata yogi.

перепутанными, нечесаными волосами, завязанными тюрбаном на макушке. Возле каждого из них горел жертвенник с пылающим угольями, которыми они по временам окружали себе ноги, раскладывая их у себя на коленах, как будто вместо огня то были угли из фольги[1894]… Одно подымавшееся вместе с паром и шипением углей зловоние горелого человеческого мяса убедило меня наконец, что то были действительно горящие уголья…

– Фу, мерзость какая! – сказала я, обращаясь по-французски к полковнику и Ананде. – Вот, поучитесь, г. президент, *хатти-йогству* у этих… Чего же лучше?

Но зрелище оказалось слишком противным даже для любознательного полковника. Он не выдержал и отвернулся, заметив, что предпочитает могилы убитых пыткам живых йогов.

Далее другое кладбище простых воинов и опять памятники, «бабы», сооруженные над могилами тоже павших в битвах раджпутов. Пепел сожженных тел привозился на родину и над «вождями» ставилась не «баба», а более доконченный монумент. На некоторых памятниках был вылеплен рельефом сам всадник в полном вооружении, со щитом, мечом и пикой, а подле него его жена – верный признак, что она сожгла себя на могиле супруга, то есть совершила *сати*. Мысль о том, что̀ происходило на этом месте, во время воображаемой мною сцены сожжения живою вдовы, испортила для меня все удовольствие прогулки.

В Раджистане всякое освященное преданием *маха-сати*, то есть великого самопожертвования (самосожжения), место тотчас же делается ареной духовских подвигов, «нечистым местом». Это, впрочем, не у одних раджпутов. «Духи» самоубийц, должно полагать, каются в своем поступке и на Западе и приходят доживать свой насильно прерванный век в менее удобных, но зато и более наклонных к пороку телах. И у нас в России самоубийцам не лежится спокойно на избранном ими ложе, если верить народной молве. Как бы то ни было, но в Индии их «духи» достигают апогея надоедливости. Спириты могли бы здесь ликовать зело[1895], но *не*спириты очень на них жалуются. Меж страшных алтарей самоубийства, среди костров, – где так часто, так безжалостно сожигались юность, красота, земное счастие, где мать, рыдая, в то же время благословляла дочь на *подвиг святости*, а отец, обязанный присутствовать при *маха-сати* от начала до конца, пел хвалебные гимны часто единственной дочери, юное, трепещущее тело коей трещало и корчилось в пожирающем пламени, – тотчас же заводились «демоны», зарождаясь с *ночи девятого дня*. Там, на даровых квартирах, немедленно появлялась *джигер-кхор* – страшная *гарпия* древности и *дхакуна* – ее поводырь[1896]. Оба эти демона, как это хорошо всем известно, рыскают по ночам, нападая на живых, у которых джигер-кхор пожирает сердца, вырывая их из животрепещущего тела[1897]. Некоторые мавзолеи, как гробницы в Помпеях, сделаны с комнатой внутри, где совершаются ежегодно обряды поминок по покойнику или покойникам. Для раджпута это самый страшный, тяжелый день в году, но которого, по общепринятому обычаю, ему невозможно избежать. Он обязан отправляться в эту похоронную комнату один и там совершать обряд над прахом, окропляя комнату водой, делая приношения цветами и рисом, а затем лежать ничком на полу часа два, бормоча *мантры*.

– Мой родной брат, – говорил старый бард, – один из храбрейших воинов Мевара, вернувшись домой после *питри-ишвареса* (поминок), узнал, что за эти два часа он поседел, как восьмидесятилетний старик… А ему не было и тридцати.

– Что ж, он разве видел что-нибудь?

– Нет, но… чувствовал, все время *чувствовал* на себе ледяные руки джигер-кхоры, которая доискивалась его сердца… Он спасся *мантрами*. Так, так, день *питри-ишвары*[1898] великий… но ужасный день! На кладбище, откуда мы пришли, *они* возятся каждую ночь…

– Кто они?

– *Бхуты* (духи). Выйдя из задней двери на внутреннюю веранду, можно видеть даже отсюда по вечерам, как *они* мелькают разноцветными огоньками над могилами…

[1894] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 67.

[1895] очень (*устар.*).

[1896] *Дхакуна* – злой дух и служит путеводителем джигер-кхоре, слепой гарпии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1897] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 68.

[1898] *Питри* – предки, умершие родные в восходящей линии. *Питар* – отец, *эз* или *эшвар* – господин. *Питри-ишварез* выходит – «умершие господа предки». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Синеватыми, – поправил Ананда, – это вы видите просто *шахабы*, блуждающие огоньки, которые вы найдете на всех кладбищах и особенно на полях сражений, – внушительно добавил он.

– Так, так… на полях сражений… конечно. А где же легло костьми более храбрых воинов, как не здесь? Но эти огоньки – их души!

– Не души, а фосфорическое сияние от тления стольких животных тел[1899].

– Это нам говорил и наш *махараджа*, Такур-саиб… Но ни он, ни вы не верите в дхакун и джигер-кхор, потому что они не посмеют *вас* тронуть, а нас они не боятся[1900].

Такое противоречие и скептицизм со стороны Ананды как будто не нравилось ему. Старик нахмурился и вдруг, ударив по струнам чатары, затянуть песнь *джохура*[1901]. Джохур – это тот ужасный обряд, когда обессиленные воины, убежденные, что им не одолеть врага, собирают своих жен, матерей, сестер и невест и убивают их собственноручно, сожигая затем их тела на костре. 1275 год навеки памятен в Раджистане, и барды поют до сей поры «о падении города Читура» и о смерти «рани *Падмани*»[1902], невинной причины битвы и падения города, который со времен исторического периода три раза подвергался страшнейшей «сакке»[1903], то есть штурму и истреблению целого племени. Читур погиб окончательно в 1676 году, но его защищали уже не законные владетели, а его победители и разрушители. Легенда относится к событиям 1275 года и полна интереса и прелести. Вот эпизод в нескольких словах.

Бхимзи[1904], дядя малолетнего раджи и его опекун, влюбляется и женится на дочери царя Цейлонского, чохана Гамира Санка, красавице *Падмани* – эпитет, даваемый только «прекраснейшим из прекрасных». Ее красота, таланты, благородство души и самоотвержение, доведшее ее до костра, а Читур до окончательного падения, составляют любимый сюжет народных преданий Раджвара (Раджистан).

Теперь передам, как могу, чудную балладу бардов, пропетую нам нашим старым хозяином. Я даю буквальный перевод, но, конечно, с большими сокращениями главных событий исторического и навеки памятного в стране сражения.

Не грозного Читур-града жаждет сердце Алла о-дина[1905],
Лотосоокой Падмани, супруги храбрейшего Бхимзи,
Жаждет патан[1906]. Посылает гонца на дурбар махараджи:

[1899] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 68.

[1900] Ничто не в состоянии рассеять суеверия раджпутов, даже такие у них авторитетные лица, как Такур. Полковник Тод рассказывает в *Мемуарах* о своем товарище, капитане Вауге, который, наслышавшись об «огоньках», «чертях» и «ведьмах» и подозревая, что на тот раз *дакхуной* была замеченная им на заре гиена, поехал верхом к кладбищу поджидать зверя. Он подстерег и убил «коня дакхуны», на котором ведьма (гарпия) *джигер-кхор* рыскает по ночам. Услыхав, что гиена убита, раджпуты ужаснулись, предрекая капитану несчастие за смерть «коня» ведьмы. На другой же день Вауг упал с лошади и сломал себе ногу, чем и оправдал их суеверное пророчество[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 68.

[1901] Джаухар – обычай массового самосожжения раджпутских женщин из высших слоев общества в случае войны, совершавшееся для того, чтобы избежать плена, рабства или изнасилования. Наиболее известные случаи джаухара зафиксированы при осаде Читторгарха – столицы княжества Мевар – иноземными захватчиками в 1303, 1534 и 1568 гг.

[1902] Падмини, Падмавати – легендарная индийская царица (рани) XIII–XIV вв.

[1903] *Сакка*[*] раджпутов то же, что (вероятно, перешедшие от них к англо-саксонцам и галлам) современные слова *sack* и *sac*, «le sac d'une ville» – ограбление города по взятии. Вот, что̀ пишет об этом термине автор *History of the Rajpoot Tribes* (*История раджпутских племен*): «Осажденные раджпуты, потеряв всякую надежду на победу, убивают в последнюю минуту всех своих женщин, и воины, облаченные в длинные шафранного цвета рубашки, бросаются в последнем усилии отчаяния вперед на врага и, конечно, на верную смерть. Это у них называется делать *сакку*, где всякая *сакха* (ветвь) отрезается от дерева неприятелем. Читур потерпел три раза полную *сакку*»[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Saka (*англ.*).

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 65.

[1904] Ратнасимха (Равал Ратан Сингх, Ратна-Симха) – правитель Мевара (1302–1303).

[1905] Ала ад-Дин Мухаммад-шах I ибн Шихаб ад-Дин, Ала ад-Дин аль-Хильджи (1266–1316) – султан Дели с 1296 по 1316 гг. из тюрко-афганской династии Хильджи.

[1906] Алла о-дин – патанский император. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«Отдай за Дельи мне рани[1907]… Возьми ты все царство, богатства –
Все, чем владею, за *рани*, за перл драгоценный Востока!
Иначе погиб ты! Читур, твой град, разгромлю я навеки,
Сгублю *агни-кул*[1908] и сердце твое с ним я вырву!»
Разгневался Бхимзи, наш царь, и страшно сверкнул он очами:
«Не надо мне царства, калиф, не боюсь я могулов!..
Не владеть тебе рани-царицей, мне верной Падмани,
Плюю тебе в бороду, враг! Приди!.. Тебя ждут агни-кулы!..»
Град осажден. Голодает Падмани, могул торжествует,
Шлет снова посла: «Хоть взглянуть позволь мне на рани Падмани!..
Без стражи приду я один… Тебе доверяюсь, раджа,
Слову раджпут не изменит!»…
Жалея красавицу рани, во избежание *джохура*,
Дал Бхимзи согласье, впустил он калифа в ворота Читура.
Одного и без стражи…
…Узрел злой патан отраженье[1909]
Рани прелестной в стене залы зеркальной дурбара.
Возгорел Алла страстью: за доверие злую измену
Радже патанец готовит…
… «За доверье доверьем плачу, –
Алла о-дину рек Бхимзи, – иду за тобой, провожая
Тебя за ворота Читура»… Вдруг крикнул тот, стражу сзывая,
Пленником сделал он Бхимзи, и в лагерь патанский коварно
Увлек, говоря: «О раджпут! Ты заложник Алла о-дина,
Отдай мне Падмани, купи свое царство, свободу!»[1910]…

Отчаяние овладело жителями Читура, осажденного 80000 войском предателя-патанца. Старшины стали держать совет: отдавать ли Падмани за раджу или же то будет бесчестно. Но *рани* сама нашла, что она обязана пожертвовать собою за любимого мужа, решив в то же время не отдаваться Алла о-дину живою. Посоветовавшись с его дядей Горрой и его сыном Бадулем[1911], пришли к заключению, что следует попробовать освободить Бхимзи, не отдавая на поругание чести *рани* и не рискуя ее жизнью. Послали сказать императору, что пришлют ему Падмани, если только он снимет лагерь и отойдет далее. Ее доставят к нему и отдадут на руки; только она не может быть отослана без приличного ее сану торжества и проводов. Она должна отправиться к нему приготовившись, с большою свитой ее придворных, с принадлежащими ей вещами и приданым и всеми желающими в Читуре проститься с нею, женщинами и девами, не считая тех, которые пожелают сопутствовать *рани* в Дельи. Калиф согласился и приготовился, дав сперва требуемую читурцами клятву, что святость женских привилегий, то есть наглухо запертых носилок, не будет нарушена.

[1907] *Рани* – женский род *раны* или *раджи*. Жена *раны* Удейпурского зовется *рани*, а также и жена каждого *раджи*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1908] «Агни-кула» – племя агни (огня), вымершее с Читуром. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1909] Историк Фериштa подтверждает факт, рассказывая, что Алла о-дину позволено было взглянуть на рани Падмани только посредством устроенных в дурбарной зале зеркал. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1910] Исторический факт. Алла о-дин доверился Бхимзи, зная, что раджпут умрет скорее, нежели изменит слову, и сделал это для того только, чтобы заманить его в засаду. Лицемерием и фанатизмом этот воинственнейший и наиболее преуспевавший в делах из всех государей, когда-либо занимавших престол Индии, походил на последнего из Тимуров, Аурунгзеба. Титул «Секундер-Сани», «Второй Александр» (Македонский), который он выдумал для себя и приказал чеканить на своих монетах, был по отзыву летописцев вполне заслужен. В Индии он являлся настоящим Атиллой*, бичом всех раджей, и почти совсем истребил племя *агни* в Читуре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Аттила (?–453) – правитель гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги.

[1911] *Бадуль* – один из величайших героев Раджистана средних веков. Он один убил собственноручно множество могулов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Тогда вышла из города толпа женщин, «матерей и престарелых родственниц раджпутских воинов», а среди их несли до 700 носилок; каждый паланкин несли шесть воинов, переряженных носильщиками. Царские палатки были окружены, по обещанию калифа, *кханатами*[1912] – полотняными, стеганными стенами, и носилки со свитой были пропущены внутрь. Полчаса было даровано Бхимзи на прощание с его *рани*, но тотчас по его появлении он был посажен в пустые носилки и бегом унесен из лагеря. В прочих носилках было скрыто оружие и в них сидело до 700 вооруженных воинов, цвет молодежи Читура. Не прошло еще дарованного получаса Алла о-дин, ревнуя к такому долгому прощанию и подозревая засаду, несмотря на данную клятву, внезапно ворвался за *кханаты* – события, все до одного подтвержденные историком Фериштой. Вместо прелестной Падмани и свиты юных дев калиф нашел около пяти тысяч воинов и несколько сот почтенных, но весьма безобразных старух, которые «вцепились в могулов, как дикие кошки». Раджпуты, пожертвовав заранее жизнию, только хотели прикрыть бегство Бхимзи, и под напором 80000 человек, окруженные со всех сторон, погибли все *до единого человека*. Увидев своих сыновей и родственников мертвыми, бравые старые раджпутки вонзили себе кинжалы в сердца, и как гласит баллада:

Не гора то выросла на долине Читура,
То тела бравых воинов, *да не будет им стыдно*[1913],
Все легли за царя… Над горою другая гора –
То тела матерей и женщин Раджвара…

Радже Бхимзи дали быстрого коня, и он успел уйти от преследовавших его могулов. Подвиг товарищей и их старых матерей так воодушевил читурцев, что в течение следующих за сим дней они совершали чудеса храбрости. Осажденные отразили, наконец, осаждающих, и Алла о-дин принужден был отступить, потеряв половину войска.

Но, – увы! – лучший цвет молодежи Читура погиб в патанском лагере! Чрез несколько месяцев влюбленный патанец вернулся снова к приступу и на этот раз остался победителем. Предводимый Бхимзи весь город, кроме детей и женщин, вышел сражаться за городские ворота. Герои без минуты колебания бросились на неприятеля «один против десяти», по свидетельству истории, и легли «скошенные на поле битвы», говорит баллада, «как колосья под дыханием циклона». Девизом раджпутов, как и у древних, да и настоящих руссов, было всегда: *ляжем костьми, мертвые срама не имут*.

Спасся, хотя и очень раненый, один только юный Бадуль, двоюродный брат Падмани, в то время двенадцатилетний мальчик, но в понятиях раджпутов обязанный уже с таких юных лет защищать родину и умирать за нее.

Герои Читура невольно напоминают героев Черной Горы. В характере черногорца есть много сродного характеру раджпута: те же баснословные удаль и храбрость, то же презрение к физическому страданию, та же бесконечная любовь к родине. Юные двенадцати- и

[1912] Kanāta (*хинди*).

[1913] Обращаю внимание читателя на эту чисто раджпутскую фразу или скорее клятву. Слово *ладж*, буквально «стыд»[*], термин, употребляемый раджпутами в смысле *чести*. «Ладж рекхо», *да не будет мне стыдно*, или буквально (!), что̀ выходит одно и то же, «да сохранюсь от стыда», так как у раджпутов слово *стыд* синоним *бесчестия*[**]. Не та ли это фраза, что̀ была в употреблении у «богатырей Владимира[***]», произнесенная «Добрыней Никитичем»[****], если не ошибаюсь? Не то ли самое хотел сказать Святослав[*****] своим знаменитым: «Ляжем ту костьми; мертвые бо сраму не имут»[******]? А *ладж рекхо*, «да сохранюсь от стыда», фраза, которую можно найти в летописях Уйдепура, сказанная за три тысячи лет тому назад сурьяванзой Баларамой. Не раджпуты же переняли ее от варяго-руссов! – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Lajjā (*санскр.*).

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 586.

[***] Владимир Святославич (ок. 956–1015) – князь новгородский (969–978), великий князь киевский (978–1015),

[****] Добрыня Никитич – богатырь русского народного эпоса, часто изображается служилым богатырем при князе Владимире.

[*****] Святослав Игоревич (942–972) – князь новгородский, князь киевский (945–972), полководец.

[******] См.: «Да не посрамим земли Руские, но ляжемы костью ту, и мертьвы бо сорома не имаеть. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ нам» (*Нестор.* Повесть временных лет).

тринадцатилетние храбрецы, о которых мы столько читали в семидесятых и восьмидесятых годах[1914], словно воскрешают в себе Бадуля Читурского.

Этот эпизод описан чрезвычайно эффектно в *Кхомане Разе*[1915], а в воинственной эпопее старика-барда он являлся еще рельефнее. Маститый старец весь преобразился: его черные глаза горели, сияя воинственным пылом при звуках собственного пения; покрытое морщинами лицо то искажалось неукротимою ненавистью к врагу при воспоминании о «*сакке* Читура», то принимало выражение горя и страдания при рассказе о страдании запертых в осажденном городе жен и матерей, о их приготовлениях к *джохуру* (самосожжению), дабы не попасться живыми в руки могулов, не отдать себя врагу на поругание. «*Мань бхука хо!..*» («Я голодна… голодна!..») – кричит витающая над полем битвы богиня смерти и разрушения, покровительница осажденного города, оскорбленная поступком раджи. Наклонится неумолимая Кали над одним воином и он падает в ледяные объятия Ямуни (дева смерти)[1916]; направит свой *чераг* (фонарь)[1917] над другим и меч падает из его руки, а собственный щит опускается, закрывая его лицо, «как тень могилы, бросающая свой черный покров на прах погребенного воина»…

Бадуль, покрытый кровью, возвращается один в стены Читура. Происходит диалог между ним и женой его дяди, виновницей падения города, злополучною Падмани. Она желает, прежде чем присоединиться к супругу, то есть совершить *саттви* и *джохур*, услышать из уст юноши о последних подвигах ее «властелина», «son doux seigneur et maître»[1918]…

Бадуль отвечает:

«Он был косцом поля битвы, я подбирал одни лишь колосья,
Шаг за шагом я следовал, как жнец, за острой косою…
Я видел, как он, наш отец, ложе чести себе приготовил;
Кровавым ковром его крыл, подушкою выбрал он князя
Могулов… и лег на него. Он спит теперь сладко и крепко,
Хранимый телами врагов, усыпленных его же рукою…»

Падмани-вдова опять вопрошает своего племянника:

«Скажи мне, Бадуль, как мой царь, как мой милый владыка сражался?..»
А Бадуль ей в ответ: «О мать!.. Как еще описать его храбрость,
Когда не осталось врага пред ним трепетать или им любоваться?..»
Улыбнулась *рани*, прощается с отроком храбрым,
Говоря: «Владыка мой ждет… Костер уж пылает»,
Бросается в пламя; за ней – жены, юные девы Читура…

Официальная история Удейпура, как и его летописи, добавляет, что за Падмани последовало 22000 этих дев и жен Читура в «огонь, спасающий их честь и имя». Они принесли свою жизнь в жертву долгу, сожглись на ужасном костре, как и женское население подземного города возле Каунпура (см. часть I).

Фериштa (историк) упоминает только о тех *сакках*, которые были успешны, о *сакках* Алла одина и Акбара, и тем грешит против истории. Но и он рассказывает об ужасах этого повального самосожжения и о пещере *Маха Сати*[1919].

В *Мемуарах* Тода мы находим следующее описание «автора, единственного англичанина», как он сам пишет, «которому было дозволено посетить ныне *священный* Читур»: «Могульский победитель овладел вымершею, совершенно пустынною столицей, с улицами, заваленными

[1914] Речь идет о событиях черногорско-турецкой войны 1876–1878 гг.

[1915] «Кхуман Расо» («Khumāṇ Rāso, IX в.) – летопись Мевара, повествующая о войнах короля Читтора Кхумана II; автор – Далпат Виджая (Dalapat Vijaya).

[1916] Ями, Ямини.

[1917] Cirāga, chirag (*хинди*).

[1918] «обожаемого повелителя» (*фр.*).

[1919] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 220–223.

трупами, и дымом, валившим еще густыми облаками из отверстия пещеры, где погиб предмет его страсти. С того рокового дня эта пещера сделалась священною для всех индусов; ничей взор не проникал с тех пор в ее густой мрак, а суеверие создало огромного змея, охраняющего вход. Ядовитое дыхание змия тушит свет факелов, с помощью коих путник мог бы добраться до места "великого сожжения"»[1920].

Удушливые испарения и страх живых, а не мифических змей заставили Тода вернуться назад. *Кхоман Раза* уверяет, что эта пещера ведет к великолепному подземному дворцу, и многие англичане верят в его существование.

Но здесь Тод говорит, как будто было лишь одно великое самосожжение, одна *Маха Сати*, один *джохур* после *сакки* Алла о-дина. На самом же деле строки «ничей глаз не проникал с тех пор» относятся к последующему *Маха Сати*, потому что ужасное событие 1275 года было только предвестником второго, быть может, еще более ужасного, хотя и менее поэтического, и Тод сам описывает это второе самосожжение в дни Акбара, знаменитого императора, сына и наследника Хамаюна.

Лагерное место этого просвещенного, но минутами и жестокого государя, еще доныне показывается возле Читура, тем более что на нем сооружена пирамидальная мраморная колонна, которую зовут в народе *Акбер ка дада*[1921], «Лампа Акбара». Его лагерь тянулся от деревни Пандовли, милях в десяти от осаждаемой крепости, а передовые палатки доходили почти до подножия скалы.

Читур[1922] – один из древнейших городов Уйдепура или Мевара и был всегда знаменит своими героями. Вот в нескольких словах его история с 1275 года до 1803, не говоря уже о доисторических и даже *до*мусульманских на него нашествиях.

В 1303 году Алла о-дин снова явился под стенами Читура и, заняв его, окончательно разорил все, что̀ мог, пощадив – странное дело – только места, освященные когда-то присутствием страстно любимой им женщины. Дворец Бхимзи и «прекрасной Падмани» остался не тронутым; огромная колонна, обелиск *джайнов* и принадлежащий к нему храм буддистов, сооруженные в 896 году, так как Падмани принадлежала к вере, исповедуемой в Цейлоне, тоже каким-то чудом уцелели… *Où la poésie de l'amour va-t-elle se nicher*[1923]*!..* Алла о-дин, жестокий тиран и фанатик, являющийся нежным рыцарем!

Собственно Читур, то есть старый город с крепостью, выстроен на огромной скале, а более современный, строившийся с 1350 года, расположен у подошвы ее. Внизу протекает река Бирух[1924], и на ней выстроен замечательный мост на девяти арках, из коих средняя, полукруглая, имеет к тому же по четыре готические арки по обеим сторонам. Но нижний город неинтересен. Надо карабкаться на старый, осмотреть все эти древние здания, чтобы получить верное понятие о его археологических достопримечательностях. Там, внутри крепости, существующей, по преданиям, со времен Кришны (у которого, мимоходом будь сказано, своих два храма здесь, громаднейших по величине в стране), стоит еще *Нолакка-биндар*[1925], внутренняя цитадель, выстроенная руками, конечно, *сказочных* циклопов – до того массивны ее стены и башни. Возле нее – дворец Падмани, до зубчатых стен коего самое время-разрушитель еле еще коснулось. Там ее терем; пространные, высокие его комнаты остались с тех пор пустыми, а бедная, злополучная красавица, как и ее сестры по судьбе, получила незавидную, посмертную репутацию *бхута*, полночного домового. В *дурбарной* зале (тронной) сохранились *зеркальные* стены. Они получили название от мозаикообразной на них *чешуи*: из мелких кусочков блестящей, полированной стали, как в персидских дворцах[1926]. Одно чудо любви могло помочь Алла о-дину узреть в этих

[1920] *Annals of Mewar*, p. 223. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 223.

[1921] «Akber ca déwa» (*Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 274).

[1922] Хотя мы посетили этот город гораздо позднее, но чтобы не возвращаться к нему, описываю его здесь. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1923] Где гнездышко свила поэзия любви (*фр.*).

[1924] Berach.

[1925] Naulakha Bhandar.

[1926] Вопрос: персияне ли переняли этот способ стенного украшения от древних индусов, или же раджпуты от иранцев? – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«зеркальных» стенах чудный образ Падмани и воспламениться им. Поглядевшись в них и приложив все свое старание увидать в этих кусочках отражение собственной, хорошо мне известной физиономии, я открыла, долго проискав, мой правый глаз у себя на макушке, а нос у левого уха. С таким *anamorphosis*'ом[1927] любимого предмета пред глазами не стоило калифу брать на душу греха!..

У храмов Кришны находятся еще два резервуара (*танки*), каждый сто двадцать пять футов в длину, пятьдесят в ширину и пятьдесят футов глубины[1928], из огромных плит черного мрамора. Верхушку скалы венчает храм, посвященный «разрушающим силам» с трезубцем Шивы у входа. Стены храма невообразимо массивны, и божеству, патрону пагоды, потребовалось бы много времени и усилий доказать свою разрушительную силу на этих стенах. Разбросанные по крепости, уцелели еще восемьдесят четыре цистерны, многие из них полные водой. Но самое замечательное здание, хотя и не столь древнее, это *Кхерут Кхумб*, «обелиск победы», воздвигнутый *раной* Кхумбом[1929] вследствие блестящей победы, одержанной этим раджпутским государем над союзными армиями Мальвы и Гуджерата. Обелиск воздвигнут на террасе сорока двух футов[1930] в квадрате; сам он высотой в сто двадцать два фута[1931] и стоит на четырехугольнике, каждая стена коего имеет тридцать пять футов[1932] длины. В этом обелиске-башне девять этажей, по одной комнате с боковым внутренним коридором и витою лестницей в каждом. Башня увенчана куполом. Все здание из белого мрамора и покрыто сверху донизу резною работой. На стенах этого обелиска-башни целая мифология. Кроме того, в городе есть два-три древнейших частных замка и несколько столь же древних башен.

За Алла о-дином Читур был взят Бахадур-шахом, царем Гуджератским, в 1533 году. Бахадура прогнал, в свою очередь, Хумаюн, делийский падишах, который и возвратил город его раджпутским владетелям. Затем Читур был взят императором Акбаром в 1567 году[1933]. В этот год за *саккой* опять последовал *джохур*. Снова зажглись страшные огни в пещере *Маха Сати*; снова полилась кровь дев и женщин рекой, и целое племя раджпутов, превратив их тела в пепел, ринулось из крепостных ворот на могулов и легло все на месте – «ибо мертвые срама не имут».

Что̀ за ужасная кровавая драма разыгрывается акт за актом в истории этого Читура! По основании его доисторическим, сказочным героем «раджой Хунном» богиня «силы и разрушения», патронесса всех укрепленных мест, *Дурга*, обещает первым царям Читура никогда не оставлять без помощи свою любимую скалу, Читур. Пока *Еклинг-ка-деваны*[1934] останутся ей верными, она, Еклинга[1935], «рожденная от львицы» богиня, не покинет их[1936]. Первый раджа

[1927] Анаморфоз (*англ.*) – конструкция, созданная таким образом, что в результате оптического смещения некая форма, недоступная поначалу для восприятия как таковая, складывается в легко прочитываемый образ.

[1928] 38–15–15 м.

[1929] Правил в Меваре с 1418 до 1468 г. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Рана Кумбха (?–1468) – раджпутский правитель княжества Мевар в 1433–1468 гг., полководец.

[1930] 12,8 м.

[1931] 37,2 м.

[1932] 10,7 м.

[1933] См.: Chittor or Chittorgurh // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 207–208.

[1934] Один из титулов махараджей Уйдепурских. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 185.

[1935] Eklingji (*санскр.* Ekaliṅga jī).

[1936] Рим имел своего Ромула, Читур – своего *второго* основателя, племянника раджи Мори, происхождение которого тоже теряется в мифах древности. *Банна* (младенец), называемый *Сайль* или *Сейль Адхес*, «владыка горы», в древних надписях и в истории Пуран был этим племянником. Как и все первобытные князья, он пас «стадо солнца» и в своих прогулках в горах наткнулся нечаянно на отшельника *Чирндживу* (вечно живущего)*, спавшего непробудным сном в кустах более трех веков. Разбуженный принцем-пастухом, отшельник в благодарность посвящает его в «таинства Шивы» и тем делает его супругом Кали в ее *виде* Эклинги, рожденной от «львицы-богини», то есть от этой же Кали. Все «посвященные» называются у шайвов *женихами* или даже *мужьями* Эклинги (тоже Изы, Парвати, Дурги, Гури, богини земли, *Амба-маты*, всемирной матери; все это виды или *аспекты* Кали). Эклинга – богиня, охраняющая под именем *Гури-девы* горы, скалы и укрепленные места. Это та же Цибела и, подобно греческой богине, изображается в зубчатом, как укрепленная башня, венце. Женясь на Эклинге (то есть сделавшись «посвященным»), *Банна* получает от духовной супруги полное вооружение: лук и стрелы, щит и меч, которым она его собственноручно опоясала, и копье. Затем, непобедимый, как Ахиллес, он прогнал дядю и сделался с помощью богини царем Читура, а

Читура, «посвященный» *Баппа*[1937], был духовным супругом богини. Он принес клятву при посвящении его *Чирнджживой*[1938], и доколе раджи будут соблюдать эту клятву, богиня не даст пасть Читуру. Пока его раджи не перестанут называться именами *Радж-Гуру* – «учителями раджей», *Хиндуа-Сурадж* – «солнцем индусов» и *Чуква* – «всемирными владыками», Читур не может бедствовать[1939].

Но вот несколько раджей, загордившись, так говорит легенда, начинают часто забывать обет и даже перестают оказывать должное почтение богине. Они вводят в ее сообщество других богов (ненавистного Шиве Кришну), и ярко-алый цвет знамени темнеет. Дурга-Эклинга обещала свое покровительство потомкам *Баппы*, доколе они ей не изменят. При первой *сакке* Алла о-дина двенадцать раджей, венценосных глав Раджвара, защищали это знамя, но оно померкло, и они все остались на поле битвы. Во время второй *сакки*, начатой Бахадур-шахом, такур Деольский из царственного дома Мевара принес себя в жертву богине (убил себя на ее алтаре), и она спасла город. Но на третий раз, в страшные дни осады юным Акбаром, Дурга Амба, приняв свой первородный образ Кали, осталась глухою к их воззваниям. Она отвернулась от своего зубчатого венца, и ее появление Самарси (радже Читура в 1412 году), когда она объявила ему, что «слава индусов на закате», было ее последним[1940]. Уйди-Синг[1941], раджа Меварский, закончил ряд царей, грешивших против богини, бежав при первом известии о появлении Акбара и его армии[1942]. Тогда лик богини отвернулся навеки от Читура. Славный город пал, несмотря на его отчаянную защиту. Не Дурга-Эклинга, а Кали явилась пред конем Уйди-Синга с ее обычным воинственным кликом: *«Майн бхука хо!»* («Я голодна»); она исчезла и насытилась лишь кровью последнего из славного племени *агни-кулов*.

Тридцать тысяч человек погибли в те дни, когда Акбар стоял под стенами Читура. Страшный *джохур* был приготовлен, и оставшиеся в живых 8000 раджпутов, съев вместе последнюю *биру*[1943] и облачившись в шафрановые рубашки – эмблема пылающего костра, – отправились исполнять свою ужасную обязанность. Девять *рани* (королев), 15 принцесс (их дочери), два малолетних сына раджи и все женщины разных классов погибли от руки мужей, сыновей, братьев и родственников, и тела их были преданы сожжению в пещере *Маха Сати*. Затем эта восьмитысячная армия отворила настежь ворота крепости и устремилась неудержимым потоком на армию Акбара. Ни один из восьми тысяч не пережил этого дня и ни одна *желтая* рубашка не была запятнана постыдною сдачей в руки врага.

Да, божество раджпутов их покинуло в тот ужасный, страшный последний день Читура. Скала их мощи и независимости была предана *сакке*; ее храмы и дворцы были разрушены дотла, и Акбар захватил даже все символы царственного дома: *накары*[1944], звук которых возвещал на мили кругом об отъезде и приезде ее раджей и князей; канделябры с алтаря «великой матери» *Амба-маты*, которая опоясала мечом *Баппу*, и даже этот самый меч[1945].[1946] С тех пор *Читур сакка ка*

Дурга-Эклинга патронессой города, так как она богиня скалы, на которой он построен[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Ciraṃjīva (*санскр.*).

[**] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 187–189.

[1937] Bappa Rawal (ок. VIII в.) – правитель Мевара.

[1938] Эта клятва *канфура-йогов* и до сей поры произносится ежегодно раджами Уйдепурскими: «Клянусь гуру Чирнджживой и богиней Эклингой; Такьяком, мудрым змеем, и Гари-мудрым; клянусь Бхавани (Палладой) – разить врага. Рази, рази!»[*] Все доспехи, полученные *Баппой* от Эклинги, лук и стрелы, копье, щит и меч, хранятся в сокровищнице раджи Удейпурского. На них дают обет «монахи-воины». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 188.

[1939] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 189.

[1940] См. летописи барда Чанды, книга последняя, 2 стр. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1941] Удай Сингх (Udai Singh, 1538–1595) – правитель Мевара.

[1942] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 273.

[1943] *Бира* или *пан* – пахучий лист бетеля с разными пряностями, который подается у индусов при прощании и съедается вместе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1944] Большие барабаны в 8 или 10 футов[*] в диаметре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] 2,7–3 м.

[1945] Считая жертвы свои, Акбар оценил свой успех снятыми с трупов золотыми *цинарами* (ожерельями), знаками царственного рода и дворянства, и все вместе весили 74½ *мана* (ман – 4 фунта)[*]. С тех пор сумма 74½ зовется

нан[1947], «клянусь грехом сакки Читура», сделалось священною и ненарушимою клятвой у раджпутов…

– *Тийджо сакка Читур ра*[1948] (третья сакка Читура) довело Раджистан до того, что̀ вы теперь видите у нас! – проговорил бард, мрачно окончив свои песни. – «Великая мать» отвернулась от нас, и вот почти три века как Раджистан умирает… Солнце его покинуло… Сурьяванзы вырождаются!..

Увы! то была лишь метафора. Солнце жгло и палило даже в этом дремучем лесу. Я изнывала в этой душной атмосфере и, расположась на коврах, разосланных на затемненной веранде, еле могла шевелить языком. Но любопытство и интерес взяли верх над ленью и зноем, и я пожелала узнать, в каком теперь виде Читур: что̀ с ним сделалось после *сакки* Акбара.

За барда отвечал Ананда.

– Один из раджей меварских овладел развалинами вскоре после последнего разгрома, но в 1676 году отворил его ворота и передал Аурунгзебу по его первому требованию, без боя на этот раз. Читур был снова возвращен его раджпутским владетелям лишь в конце прошлого века.

– Были вы там?.. Видели его развалины?..

– Был и видел все, что̀ осталось от него. Некогда непобедимый Читур давно оставлен жителями, как и правительством *раны*. По мнению первых, на городе лежит проклятие богини; в глазах второго он сделался совсем негодным. «Резиденция царей, которая в продолжение 3000 лет воздымала свою венценосную главу высоко над всеми прочими городами Индии, – говорит летопись, – сделалась теперь убежищем диких зверей, выбравших своим логовищем ее храмы…» Священная столица охраняется теперь одними *госсейнами* и *йогами*, и вход в нее запрещен *ране*[1949] и принцам крови особенным указом махунта, главы монахов-воинов; ни проклятие богини, ни дикие звери, ни *джигер-кхоры* (демоны-гарпии) не трогают йогов, оттого вы их и не боитесь! – пожаловался бард.

Пондишерский аскет не отвечал на это замечание, и правильность воззрений суеверного певца так и осталась не подтвержденною и не разъясненною потомству. Но Нараян обратился к Ананде, спрашивая его, можно ли рассказать нам, какую роль играли предки Такура в последнем действии кровавой драмы Читура?

Аскет молча наклонил голову в знак согласия, а Нараян, заметив, что это эпизод, который он намерен рассказать нам, внесен официально в летописи домов (царских) Салумбры[1950] и Майртеи[1951] и воспевается всеми бардами, приступил к рассказу.

– Имена Джеймули[1952] и Путты[1953] остались навек бессмертными и неразделимыми в истории Читура, – начал Нараян, у которого загорелись глаза при рассказе о предках даже отвергавшего его Такура, так сильно бедный юноша боготворил нашего героя. – Эти имена

тилаком, «проклятою». Поставленное на письме раджпута или деловом документе, это число означает ненарушимую клятву, ибо оно есть синоним клятвы «грехом сакки Читура». Нарушителя ее выгоняют из племени и города, в котором он живет, предают общему проклятию, часто убивают (см.: *Rajpoot Tribes*[**])[***]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] 135,2 кг.

Фунт – единица измерения массы, равная 0,454 кг.

[**] «Раджпутские племена» (*англ.*).

[***] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 277.

[1946] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 276.

[1947] «Cheetore sac'ha ka pâp» (*Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 65).

[1948] «Teejo saca Cheetore ra» (*Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 276).

[1949] *Раной* зовется только раджа Удейпурский теперь. Между *раной* и раджой такая же разница, как между императором и королем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1950] Salumbar.

[1951] «Имена, сияющие ярче всех других на этой темной странице истории Читура, священные для барда, как и для всякого истого раджпута, увековеченные пером самого императора Акбара, – имена Джеймули Беднорского и Путты из Кайльвы, принадлежавших к шестнадцати первоклассным вассалам-такурам Мевара из его царского рода; первый был раджпут дома Майртеи (храбрейший из храбрейших кланов Мевара); второй был главой иугавутцев, другой великой ветви из Чонды» (*Летописи Мевара*)[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 275.

[1952] Jaimal Rathore (1507–1568) – правитель города Мерта.

[1953] Patta.

останутся символом всего беспримерно героического, будут жить в сердцах раджпутов и всех индусов, считаться ими святыней, доколе сохранится в стране хотя одна искра воспоминания о нашем великом прошлом… Когда защищавший «Ворота Солнца» вождь Салумбры погиб, выбор нового вождя пал на Путту из Кайльвы. В то время ему было всего шестнадцать лет; его отец, доблестный воин, пал в одном из предшедших сражений семь лет до того, а мать отказалась от славы *сати* по просьбе умиравшего от ран мужа и пожертвовала доблестною смертью ради этого единственного сына, которого и воспитала как наследника славного имени. На Западе у вас восхищаются матерью Гракхов[1954], спартанскими и римскими матронами, но все это лишь слабые отражения прабабки отца Такур-саиба по женской линии. Опоясывая сына мечом, она повелела ему надеть заранее «желтую рубашку» и умереть за Читур. Только, как справедливо заметил полковник Тод, она превзошла древнюю римлянку-мать тем, что подкрепила сына собственным примером. Она сделала более. Юный Путта был обручен: страшась как бы любовь к нареченной и ее образ не повлияли на сына во время битвы, она вручила своей невестке[1955] копье и кинжал и, взяв ее за руку, повела молодую девушку со скалы вниз к городским воротам, где защитники Читура были свидетелями доблести двух женщин, одной престарелой, другой чуть не ребенка. «Защищаясь, как львица, нападая, как тигрица», – гласит летопись; возле матери, которая совершила в этот день чудеса храбрости, молодая амазонка упала, наконец, убитою к ногам старой героини. Мудрено ли, что, видя такой пример неустрашимого патриотизма в своих матерях и дочерях, раджпуты-воины превращались в настоящих львов, заслуживая вполне имя *сингов* (львов)! Защита длилась с восхода солнца до поздней ночи. Увидав, как невеста его упала мертвою, Путта подал знак матери. Приказав громким голосом приготовлять *джохур*, зажечь костры в пещере самим женщинам, а затем воинам в задних рядах убивать их, когда все будет готово, Путта со старою матерью во главе передового отряда бросился на могулов. Прочтите, что̀ говорит сам император об этом последнем, отчаянном нападении, в котором *старуха-воин*, как ее называет Акбар, «сбрила собственноручно головы с плеч его храбрейших сердарей». Сам *шайтан* вселился в эту *раджпутни*, пишет он. Джеймуль, двоюродный брат Путты, оказывал такие же чудеса храбрости у других ворот и соединился в общем нападении на врага к вечеру. Когда, наконец, пал и Путта, простреленный насквозь пулями, его мать, «похожая на кровавую Кали», смело взяла сына на руки, снесла его под тучей стрел и пуль в городские ворота и, передав труп для сожжения, вернулась на поле битвы. Джеймулю Беднорского убила пуля самого императора, который очень гордился всю остальную жизнь этою честью. Этот факт заявлен историком Абул-Фазлом и императором Джахангиром, который и называет ружье[1956], из которого Акбар застрелил Джеймулю, – *синграмом*[1957]. Да, великих героев произвела наша Индия!..

[1954] Корнелия (II в. до н.э.) – римская матрона, дочь Публия Корнелия Сципиона Африканского, жена Тиберия Семпрония Гракха. Стала матерью двенадцати детей, в том числе двух братьев Гракхов – Тиберия и Гая. Корнелия рано овдовела, но тем не менее дала сыновьям прекрасное воспитание; именно благодаря ей, по мнению античных авторов, братья Гракхи вошли в число самых выдающихся политиков в истории Рима. Она пережила обоих сыновей и до самой смерти оставалась одной из самых уважаемых женщин Рима.

[1955] «Обручение» в Индии равняется узам брака и его нельзя расторгнуть. Невеста по закону уже жена. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1956] Замо́к с фитилем. «Он (Акбар) назвал оружие, которым он убил Джеймулю, *синграмом*[*], так как оно было великой силы и качества; из него он (Акбар) застрелил три или четыре тысячи птиц и зверей»[**] (*Джехангир-намех*[***]). Акбар сделал более. Он был так поражен героизмом Джеймули и Путты, что приказал соорудить обоим статуи при главном входе его дворца в Дельи. Вот, что̀ пишет Бернье (Bernier)[****] из Дельи 1 июля 1663 года (издание 1684 года в переводе на английский язык) в Лондон: «Я не нахожу ничего замечательного в этом парадном входе (дворца) кроме двух каменных слонов по обеим сторонам ворот. На одном статуя Джамели (Джеймули), знаменитого раджи Читурского, а на другом *Поттера* (Путты), его (двоюродного) брата. Это те два известных здесь храбреца, которые вместе с их матерью, *женщиной еще храбрее их*, задали столько работы Акбару и которые… предпочли смерть вместе с матерью сдаче города; и за этот поступок даже их враги сочли их достойными посмертных статуй. Эти два больших слона с сидящими на них храбрыми воинами производят с первого взгляда на них при входе в этот укрепленный дворец впечатление какого-то величия и тяжелого ужаса»[*****]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Sangram.

[**] *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 276.

[***] «Джахангир-наме».

[****] Франсуа Бернье (1620–1688) – французский врач, философ, путешественник, писатель.

Еще баллады, еще несколько героических песен, и Ананда зовет нас, говоря, что солнце село и нам пора в путь…

Индусы садятся на слона, а мы с бабу́ и полковником залезаем в крытую повозку на быках. Мы едем к развалинам древнего храма, в уцелевшей части которого живет отшельник-йог и его ученики. К утру мы будем там, а целую ночь придется тащиться по лесу… Но мы не боимся ни его тигров, ни разбойников-бхиллей: у полковника его *салиграм,* и он теперь страшится гораздо более коров, нежели всех королевских тигров дикого Раджистана, а у меня необъяснимое чувство безопасности при мысли о Такуре и даже об Ананде. К тому же, с нами едет старый бард и его два сына.

С чувством полной уверенности, что проснусь на другое утро в совершенном здравии и целости, я засыпаю и вижу во сне прабабку Такура, отгоняющую от меня хворостиной целое стадо тигров, которые, как макашки Маттры, запускают мне лапы в карман…

***** См.: Suite des memoires du Sr Bernier sur l'Empire du grand Mogol. T. III. Paris, 1671. P. 57–59 (Продолжение воспоминаний сира Бернье об империи Великого Могола. Т. III. Париж, 1671. С. 57–59).

Цит. по: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 277.

1957 См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 275–276.